

К-14038

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

ISSN 0453-8048
ISSN 0320-8281

**ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

357'91

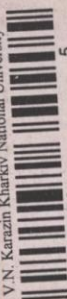
**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(К 185-летию ХГУ)**

В Ы П У С К 24

ОСНОВА

2 p.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00292323

5

ISSN 0453-8048, ISSN 0320-8281, Вестн. Харьк. ун-та. 1991. № 357. Историческая наука в Харьк. ун-те (К 185-летию ХГУ). Вып. 24. 1—137.

ОСНОВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 357

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(К 185-летию ХГУ)

Основан в 1964 г.

ВЫПУСК 24

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОСНОВА»
ПРИ ХАРЬКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
1991

623
ВЕСТНИК ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Вестник включает краткий очерк истории исторического факультета Харьковского университета и статьи, посвященные вкладу ученых университета в исследование отечественной и всеобщей истории, историографии, источниковедения и археологии.

Для преподавателей, научных работников и студентов.

Редакционная коллегия: канд. ист. наук доц. Ю. И. Журавский (отв. ред.), канд. ист. наук доц. В. И. Булах, канд. ист. наук доц. Ю. А. Голубкин (отв. секр.), д-р ист. наук проф. В. И. Кадеев, д-р ист. наук проф. А. Е. Кучер, д-р ист. наук проф. Б. К. Мигаль, д-р ист. наук проф. И. К. Рыбалка, д-р ист. наук проф. И. Л. Шерман.

Адрес редакционной коллегии: 310077 Харьков, пл. Дзержинского, 4, университет, исторический факультет, тел. 45-71-66

Редакция общественно-политической литературы
Зав. редакцией Л. Н. Авраменко

к-14038

В 0501000000—006
Ж226(04)—91 Заказное

Центральна наукова
бібліотека ХДУ
ІНВ. № 323956

© Харьковский государственный университет, 1991

Ю. И. ЖУРАВСКИЙ, канд. ист. наук,
Б. П. ЗАЙЦЕВ, канд. ист. наук,
Б. К. МИГАЛЬ, д-р ист. наук

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОЧЕРК ИСТОРИИ

История Харьковского университета насчитывает 185 лет. Основанный в январе 1805 г. по инициативе либерально-дворянского общественного деятеля, просветителя и ученого *Василия Назаровича Каразина*, университет прошел большой путь, стал крупным научным и учебным центром, вузом славных традиций. Он сыграл огромную роль в истории отечественной и мировой науки, развитии культуры, образования, общественной мысли.

По университетскому уставу 1804 г. в Харьковском университете были образованы четыре отделения (факультета): словесных наук; нравственных и политических наук; физических и математических наук; врачебных и медицинских наук. В рамках словесного отделения действовало пять кафедр: красноречия, стихотворства и русского языка; истории, географии и статистики Российского государства; всемирной истории, географии и статистики; греческого языка и словесности; латинского языка и древностей [4, с. 15].

В последующем структура университета и его факультетов неоднократно менялась. Так, по уставу 1835 г. отделение словесных наук вошло в состав нового — философского факультета, который в 1842 г. был разделен на три отделения: историко-филологическое, физико-математическое и естественных наук [Там же, с. 16]. Наконец, в 1850 г. историко-филологическое отделение философского факультета было преобразовано в самостоятельный историко-филологический факультет, который просуществовал по 1920 г., когда университет перестал функционировать как таковой.

С первых лет существования университета чрезвычайно сложным был вопрос комплектования профессорско-преподавательского состава. Штат преподавателей к открытию университета составлял 45 чел., заполнено было лишь 25 вакансий [4, с. 25]. Катастрофически не хватало своей, отечественной, профессуры. Пришлось приглашать иностранцев, преимущественно для преподавания древних и новых языков, философии. В 1805 г. в университете из 9 профессоров 5 были иностранцами, в 1810 г. из 47 преподавателей — 29 [12, с. 5]. Положение стало меняться в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в., когда преподавательский корпус начал пополняться выпускниками университета.

Профессор русской словесности и красноречия, философ, логик *Иван Степанович Рижский* (1761—1811) приехал в Харьков по ходатайству В. Н. Каразина в 1803 г. Он принимал деятельное участие в организационной работе, предшествовавшей открытию университета, и был назначен его первым ректором, позже исполнял обязанности декана словесного отделения. Талантливый пе-

дагог, образованный человек, испытавший влияние М. В. Ломоносова, Н. И. Новикова, французских энциклопедистов, он оставил ряд трудов, в том числе «Опыт риторики», «Введение в круг словесности», «Наука стихотворства», в совокупности представлявших курс русской словесности. Продолжительное время они служили учебными пособиями для студентов российских университетов.

Широкой известностью пользовался профессор кафедры русской истории, переводчик, декан факультета *Гавриил Петрович Успенский* (год рожд. неизв.—1820), талантливый лектор, излагавший отечественную историю на фоне всемирной, утверждавший, что не зная истории своей страны «все равно, как быть в самой отчизне своей иностранцем» [5, с. 315]. Значительный общественный резонанс вызвала его книга в двух частях «Опыт повествования о древностях русских», издававшаяся дважды. Она была насыщена новым фактическим материалом по истории хозяйства, культуры, быта, политической истории России.

Авторитетным ученым-философом, приехавшим в Харьков из Германии по рекомендации И. Гете и Ф. Шиллера, был *Иоган Баптист* (Иван Егорович) *Шад* (1758—1834), поборник свободы совести и научного творчества, противник всякого рабства, а следовательно, и крепостничества, за что и был изгнан из университета в 1816 г. Книги его было решено уничтожить [13, с. 174].

Со степенью кандидата окончил словесный факультет Харьковского университета *Владимир Францевич Цых* (1805—1837). Здесь он и начал свою научно-преподавательскую деятельность, став профессором всеобщей истории. Человек разносторонних знаний, глубокий знаток западноевропейской истории и литературы, любимец студентов, в лице которого «счастливо сочетались все качества, необходимые для университетского преподавателя» [5, с. 259]. Слушавшие его лекции утверждали: «Только со вступлением на кафедру Цыха поняли мы истинное научное значение истории» [Там же, с. 258]. Научные труды В. Ф. Цыха были хорошо известны. Особое значение для студентов-историков и учителей имела его магистерская диссертация «О способе преподавания истории» (1835 г.). Последние годы жизни ученого были связаны с Киевским университетом.

Воспитанником университета был *Евграф Матвеевич Филомафитский* (1790—1831), профессор всеобщей истории, географии и статистики, пропагандист театрального дела на Украине, один из зачинателей украинской журналистики, редактор-издатель первого на Украине литературно-художественного, научного и общественно-политического журнала «Украинский вестник», выходившего в Харькове, автор многих научных и литературных трудов.

Большой и заслуженной популярностью среди студентов-гуманитариев пользовался профессор *Михаил Михайлович Луний* (1806—1844), являвшийся, по отзыву Н. И. Костомарова, «одним из лучших преподавателей всеобщей истории, какие когда-либо были в наших университетах» [3, с. 258]. Его лекции, подчеркивал Костомаров, «по древней истории, и преимущественно Восто-

ка, и по средней истории, особенно лекции о распространении христианства и о борьбе с язычеством, были столь же глубоко-мысленны, как и увлекательны» [5, с. 260—261]. Много лет М. М. Лунин работал над обобщающим трудом по всеобщей истории, который так и не вышел в свет, а рукопись после смерти автора оказалась утерянной.

С историко-филологическим факультетом была связана вся жизнь *Петра Петровича Гулака-Артемовского* (1790—1865), воспитанника университета, профессора кафедр русской истории и славяноведения, трижды избиравшегося деканом факультета, а в 1841—1849 гг. — ректора университета. Однако большую известность он приобрел не научно-преподавательской, а прежде всего литературной деятельностью. Его оды, баллады и особенно басни, имевшие важное общественное значение, оставили заметный след в украинской литературе XIX в. Блестящий знаток украинского языка, Гулак-Артемовский, по словам современника, «писал чудным, превосходным, лишенным всякой искусственности, но ярким и образным языком» [5, с. 323].

Плодотворную научную и преподавательскую деятельность вел в Харьковском университете его выпускник, ставший выдающимся ученым мирового масштаба, академиком Российской Академии наук, один из основателей русской школы славяноведов *Измаил Иванович Срезневский* [1812—1880], автор более 800 опубликованных работ по русской и славянской филологии, истории и культуре, этнографии и фольклору, археологии и источниковедению, археографии и палеографии, составитель и издатель фольклорно-исторического сборника «Запорожская старина», шесть книжек которого были изданы университетской типографией в 30-е годы. Своими лекциями И. И. Срезневский стремился воспитать у слушателей патриотизм, гражданственность, уважение к другим народам, любовь к науке, самостоятельность мысли, умение работать, самокритичность. «Рязанец по отцу и деду, ярославец по рождению», Срезневский навсегда полюбил Украину, проявлял глубокий интерес к ее истории, фольклору, защищал и пропагандировал украинский язык. «В настоящее время нечего доказывать,— писал молодой воспитанник университета,— что язык украинский (или, как угодно называть другим, малороссийский) есть язык, а не наречие русского или польского, как указывали некоторые, и многие уверены, что этот язык есть один из богатейших языков славянских, что он едва ли уступает богемскому в обилии слов и выражений, польскому в живописности, сербскому в приятности, что этот язык, который, будучи еще не обработан, может уже сравниться с языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому,— язык поэтический, музыкальный, живописный» [12, с. 7].

Много лет жизни отдал историко-филологическому факультету *Амвросий Лукьянович Метлинский* (1814—1870), выпускник университета 1835 г., профессор русской словесности, фольклорист, поэт, переводчик, издатель, представитель романтизма в украин-

ской литературе. Его творчество, имевшее немало поклонников, содействовало обогащению поэтического языка и развитию новых жанров украинской поэзии [14, с. 418].

Своеобразной личностью в истории Харьковского университета был *Александр Петрович Рославский-Петровский* (1816—1870). Выпускник университета 1837 г., он более 30 лет состоял здесь на службе: профессор, читавший курс древней и средневековой истории, статистики, политической экономии, автор многочисленных работ по древней истории, преимущественно Востока, статистике, философии, истории Харьковского университета и краеведению. В 50—60-е годы он трижды избирался деканом факультета, был ректором университета, исполнял много других обязанностей. А. П. Рославский-Петровский слыл человеком передовых взглядов, независимых суждений, безукоризненной честности, питавшим глубокое отвращение ко всякой интриге. «Гармония умственных и нравственных сил», — так охарактеризовал его профессор Н. А. Лавровский [5, с. 273].

И в дальнейшем преподавательский состав факультета пополнялся воспитанниками Харьковского, Московского, Киевского, Петербургского и других университетов страны. В свою очередь, выпускники Харьковского университета вели научную и преподавательскую работу в Москве, Петербурге, Киеве и других городах России. Яркие страницы в историю факультета вписали крупные ученые-историки *Д. И. Багaley*, *В. П. Бузескул*, *М. С. Дринов*, *А. П. Зернин*, *В. К. Надлер*, *М. Н. Петров*, филологи *Д. Н. Овсянко-Куликовский*, *А. А. Потебня*, *Н. Ф. Сумцов*. Известнейшим историком, этнографом, литератором, общественным деятелем стал выпускник факультета 1838 г. *Н. И. Костомаров*. Значительный вклад в историю запорожского казачества, сбор и публикацию фольклорного материала, археологию, организацию и развитие краеведения внес выпускник 1881 г. *Д. Т. Яворницкий* (Эварницкий).

Результаты научно-исследовательской деятельности историков и филологов Харьковского университета досоветского периода велики и многогранны, диапазон их научных интересов необычайно широк: различные эпохи и проблемы истории России и Украины, всеобщей истории, источниковедение и историография, этнография, археология, археография, историческое краеведение, архивоведение, историческая география, методика преподавания истории и др.; история литературы, сравнительное языкознание, восточно-славянская диалектология, теория и психология творчества и т. д. Сотни монографий, тысячи статей, археографические сборники, альманахи, учебники и учебные пособия для университетов и школ различных степеней — таков итог научно-издательской работы ученых отделения словесных наук.

В процессе развития исторической науки, совершенствования ее преподавания к середине XIX в. постепенно вызревают и во второй половине века становятся преобладающими принципы новой, буржуазной, историографии, более передовой в теоретиче-

ском плане, методологических подходах, расширяющейся проблематике, исследовательской технике сравнительно с официально-дворянской исторической наукой.

Развитию исторической науки, ее распространению и популярности в значительной мере способствовали научные общества, в создании и работе которых активно участвовали преподаватели историко-филологического факультета. Первое из них — «Харьковское общество наук», имевшее два отделения — естественных наук и словесности, — просуществовало с некоторыми перерывами с 1812 по 1829 г. [4, с. 38]. Участники словесного отделения разрабатывали вопросы истории и этнографии, литературы, языковедческие проблемы. Результаты их научных изысканий публиковались в ежегодных сборниках общества. Свинцовая реакция николаевской поры привела к закрытию общества.

Особенно плодотворной, многогранной и довольно продолжительной была деятельность Харьковского историко-филологического общества (ХИФО) (1877—1919), созданного прежде всего усилиями ученых историко-филологического факультета, хотя в его работе участвовали и представители других факультетов. Первым председателем Общества был избран декан факультета, профессор всеобщей истории В. К. Надлер, секретарем — историк-славист М. С. Дринов. В последующие годы председателями ХИФО были А. А. Потеня, М. С. Дринов, Н. Ф. Сумцов [17, с. 225]. Учреждение ХИФО в 1877 г. «совпало с оживлением провинциальной историографии, с тем стремлением к изучению русской старины и народности, которое обнаружилось как продукт происходившего в самом обществе стремления к развитию национального самосознания на почве изучения отечественной истории» [15, с. 19].

Помимо названных, в работе Общества в разное время живое участие принимали известные ученые, преподаватели факультета — *Н. Я. Аристов, Д. И. Багaley, А. И. Белецкий, Л. А. Булаховский, А. И. Кирпичников, И. В. Нетушил, Д. Н. Овсянко-Куликовский, Е. К. Редин, М. Г. Халанский* и многие другие. За время существования ХИФО его членами было около 300 чел. Постоянный состав общества колебался от 30 до 90 чел. [17, с. 227]. В состав ХИФО, кроме ученых и студентов университета, входили преподаватели других вузов, гимназий, училищ, школ, краеведы-любители, в большинстве своем — выходцы из различной среды. В отличие от других обществ, в ХИФО был открыт доступ и для женщин. Почти третья часть ХИФО были иногородними членами.

Огромным масштабам работы ХИФО, важнейшим ее направлениям посвящена содержательная статья В. З. Фрадкина [17]. Мы ограничимся лишь перечислением наиболее выдающихся результатов его деятельности: до начала первой мировой войны Общество выпустило 21 том «Трудов» («Сборников») и 5 выпусков «Вестника» [16, с. 9], на страницах которых увидели свет исследования по русской и всеобщей истории, археологии, истории искусств, литературоведению, языкознанию, фольклорно-этно-

графические материалы; в 1891 г. при Обществе был создан под руководством Д. И. Багалея Комитет по изданию книг для народа, который к 1909 г. издал 117 названий книг общим тиражом около 2,5 млн экземпляров; члены ХИФО были инициаторами создания бесплатных библиотек, читален, в известной степени благодаря им к 1904 г. Харьковская губерния по числу библиотек была на втором месте в России. Организацию рабочих курсов, воскресных школ, широкую научно-просветительскую, методическую работу в Харькове и за его пределами вели созданные при ХИФО Лекционный комитет и Педагогический отдел. Неоценимы заслуги Общества в фольклорно-этнографических изысканиях, публикации источников, историко-краеведческой работе, охране исторических и культурных памятников, организации музейного и архивного дела, устройстве различных выставок, основании уникального Исторического архива, подготовке и проведении XI—XIII археологических съездов и т. д. В ХИФО сделали первые шаги в науку многие студенты историко-филологического факультета, ставшие впоследствии крупными специалистами в различных отраслях гуманитарных знаний. В годы гражданской войны Общество прекратило свое существование.

Ученые университета, особенно историко-филологического факультета, стояли у истоков украинской журналистики, публицистики, научной периодики. Они были инициаторами, составителями, авторами, редакторами, часто и издателями первых на Украине газет, журналов, альманахов — «Харьковский еженедельник» (1812), «Харьковский Демокрит» (1816), «Украинский вестник» (1816—1819), «Харьковские известия» (1817—1823), «Украинский журнал» (1824—1825), «Украинский альманах» (1831), «Утренняя звезда» (1833), «Запорожская старина» (1833—1838), «Украинский сборник» (1838; 1841), «Молодик» (1838—1844), «Сніп» (1841), «Южный русский сборник» (1848). На их страницах публиковались материалы экономического и бытового характера, фольклор. Нередко появлялись публикации, критиковавшие негативные явления русской действительности. Вокруг этих изданий группировались культурные и прогрессивные силы. Здесь печатались произведения Л. Боровиковского, Е. Гребинки, П. Гулака-Артемовского, Г. Квитки-Основьяненко, И. Котляревского, М. Петренко, С. и П. Писаревских, Т. Шевченко, А. Пушкина, М. Лермонтова и других известных украинских и русских писателей. Однако нередко появлялись и материалы консервативного, а иногда и откровенно реакционного характера. Тем не менее выход журналов, альманахов, сборников содействовал развитию украинской науки, культуры и литературы, росту национального самосознания. Среди тех, кто участвовал в названных изданиях, были представители историко-филологического факультета — Р. Т. Горноский, П. П. Гулак-Артемовский, Н. И. Костомаров, В. Маслович, А. Л. Метлинский, А. В. Склабовский, И. И. Срезневский, Г. П. Успенский, Е. М. Филомафитский, взявшие на себя сложные и хлопотные обязанности организационного, литературно-творче-

ского характера и самые тяжелые — по преодолению цензурных препятствий, что удавалось далеко не всегда.

Число студентов Харьковского университета не было постоянным. Так, в год открытия университета в нем обучалось 57 чел., в 1809 г. — 72, в 1820 г. — 195, в 1861 г. — 533, в 1900 г. — 1234, в 1916 г. — 3909 чел. [6, с. 15—16]. Сначала среди студентов преобладали дети дворянства, выходцы из духовного сословия, в меньшей степени — купчества и чиновничества. К середине XIX в. происходит значительный рост количества студентов и из других социальных слоев, в том числе мещан, казаков и крестьян. В первые годы существования университета большинство студенчества комплектовалось за счет воспитанников губернских народных училищ, духовных семинарий, Харьковского коллегиума. Со временем основной состав студентов пополнялся выпускниками гимназий, количество которых постепенно увеличивалось. По университетскому уставу 1835 г. лица, окончившие полный курс гимназии, освобождались от вступительных экзаменов. Но и при этом историко-филологический факультет по числу студентов был на последнем месте в университете, что объяснялось крайне узкой специализацией, большим удельным весом в учебных планах древних языков, предметов богословского содержания, других дисциплин, весьма далеких от будущей специальности. К тому же прием на факультет определялся колебаниями в потребностях специалистов данного профиля. По сведениям акад. Д. И. Багаля, за время с 1808 по 1834 г. историко-филологический факультет окончили 198 чел. [8, с. 874]. До конца 70-х годов общее число студентов факультета редко превышало 40—50 чел. Лишь в конце XIX—начале XX в. контингент студентов несколько увеличивается, достигая в отдельные годы 80—90 чел. [5, с. 41].

Под влиянием первой русской революции были отменены ранее существовавшие ограничения для поступления в университеты. Значительно увеличилось число студентов историко-филологического факультета. В осеннем полугодии 1906/07 г. на факультете числилось 358 чел., в том числе 52 вольнослушателя [5, с. 41]. В 1907/08 г. на факультете обучались: студентов — 619, вольнослушателей и вольнослушательниц — 399 [5, с. XII]. По неполным данным, за 112 дореволюционных лет факультет окончили более трех тысяч человек.

Срок обучения в университете по уставу 1804 г. составлял три года (на медицинском факультете — четыре). Устав 1836 г. продлил срок обучения на всех факультетах до четырех лет, на медицинском — до пяти. Учебный год, как и ныне, разделялся на два семестра, но сроки их были иными: осенний с 20 августа по 20 декабря, весенний с 15 января по 30 мая.

Материальное положение студентов, особенно выходцев из низших сословий, было тяжелым. Взималась высокая плата за обучение — около 100 руб., стипендиями обеспечивалась примерно десятая часть студентов. В общежитиях жили очень немногие. Остальные вынуждены были снимать комнатки на несколько че-

ловек, средняя плата за которые составляла 15 р., ютились, где могли, часто в подвальных помещениях, темных, сырых и неотапливаемых, на окраинах города. Именно бедность студентов, их голодная жизнь, неустроенный быт побудили Н. Г. Чернышевского назвать их «мучениками своего стремления образоваться» [3, т. 10, с. 68]. В силу отмеченных причин далеко не все студенты имели возможность пройти полный курс обучения. Во второй половине XIX в. отсев студентов Харьковского университета в отдельные годы достигал 15 и более процентов, он был самым высоким среди других университетов страны.

Учебные планы и программы всех факультетов, в том числе и историко-филологического, правила и инструкции по содержанию и методам обучения составлялись в Министерстве народного просвещения. Совет университета, тем более советы факультетов, не имели права вносить в них какие-либо изменения. По официальным требованиям, основная цель учебного процесса университетов состояла в том, чтобы «укреплять в молодых людях благоговение к вере и церкви православной, верноподданническую преданность престолу» [5, с. 17].

Учебные планы включали ряд дисциплин, мало полезных для будущей работы, да и преподавание часто носило отвлеченный, схоластический характер. Например, учебный план, действовавший после Устава 1884 г., преимущественное место отводил на историко-филологическом факультете изучению классических языков. До 15% учебного времени занимало изучение богословия, истории церкви. При таком положении на специальную историческую подготовку оставалось не более 6 ч в неделю. Заметим, что недельная учебная нагрузка студентов факультета в середине XIX в. составляла 32 ч, в начале XX в. она доходила до 40 ч. Естественно, что при подобной структуре учебного плана студенты не получали достаточной подготовки по специальности, их знания были оторваны от все усложнявшихся задач практической деятельности. Такая система обучения, по словам В. И. Ленина, «заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников» [1, т. 41, с. 303]. Всего этого не могли не видеть передовые преподаватели. В 1885 г. профессора факультета М. С. Дринов и А. А. Потебня подготовили свой проект учебных планов по исторической и филологической специальностям, в которых предлагалось сократить недельную нагрузку студентов до 20—24 ч, ограничить группу классических дисциплин, определить перечень основных дисциплин по специальности для каждого отделения, увеличить количество часов на изучение отечественной и всеобщей истории [4, с. 143]. Представленный в министерство проект учебного плана, разработанного факультетом, не был принят.

При изучении отечественной истории студенты чаще всего пользовались учебниками и учебными пособиями Е. Константинова, И. Кайлацова, Г. Успенского, И. Яковкина [9, с. 12], кото-

рые далеко не всегда соответствовали своему назначению, не отличались глубокой содержательностью. Наиболее внедряемой в университетах середины XIX в. была четырехтомная «Русская история» Н. Г. Устрялова, написанная с официально-охранительных позиций, рекомендованная министерством в качестве учебника.

Основной формой учебного процесса на историко-филологическом факультете были лекции. Наряду с ними в учебный процесс факультета постепенно внедрялись практические и семинарские занятия, в ходе которых студенты анализировали различные источники: древние летописи, судебники, актовые материалы, упражнялись в системах летоисчислений, осуществляли переводы иностранных текстов, комментировали их. Большое внимание уделялось написанию студентами научно-литературных работ, находившихся в тесной связи с практическими занятиями. Оценки представленных работ выставлялись после «тщательной беседы авторов с профессорами», чтобы «преподающий мог короче ознакомиться с познаниями и умственными способностями своих слушателей, изошрял бы их рассудок, делился бы с ними богатством своих сведений и опытностью и прочим» [5, с. 82]. Лучшие из студенческих работ отмечались медалями, они ежегодно, по окончании учебного года, издавались отдельными сборниками под названием «Опыты студентов Императорского Харьковского университета в отечественном языке и словесности».

В 1900 и 1901 гг. на историко-филологическом факультете впервые появились два студенческих научных кружка, привлекавших большое внимание студентов и профессоров университета. Доклады и рефераты, подготовленные в них, подчас были первым шагом к серьезной научно-исследовательской работе, лучшие отмечались премиями и медалями, частью публиковались.

Преодолевая значительные трудности финансового и организационного характера, косность и консерватизм вышестоящих административных органов, усилиями передовых преподавателей, студентов и вспомогательного персонала к концу XIX—началу XX в. была расширена учебная база. При факультете успешно действовали музей изящных искусств (заведующий проф. *Е. К. Редин*); нумизматический кабинет (заведующий проф. *Р. И. Шерцль*); этнографический музей (заведующий проф. *Н. Ф. Сумцов*); исторический архив (заведующий проф. *Д. И. Багалей*); историко-филологический кабинет, или кабинет для практических занятий; библиотека-читальня студенческих научных кружков (заведующий проф. *М. Г. Халанский*) [5, с. 167].

Контроль знаний студентов осуществлялся посредством семестровых, переводных и выпускных экзаменов, хотя порядок их проведения часто менялся, не всегда в лучшую сторону. Самые способные выпускники, проявлявшие прилежание в учебе и отличные знания, устаивались степени кандидата, остальные, в зависимости от успехов, получали дипломы первой или второй степени. Лучшие из выпускников рекомендовались советом факультета

для подготовки к профессорскому званию (прообраз современной аспирантуры), что было основной формой пополнения преподавательского корпуса. Именно через эту форму в разное время прошли подготовку выпускники факультета, ставшие впоследствии известными учеными, — А. И. Белецкий, В. П. Бузескул, Л. А. Булаховский, В. К. Надлер, А. А. Потебня, П. Г. Риттер, Н. Ф. Сумцов, М. Г. Халанский, Д. И. Яворницкий (Эварницкий) и другие. В 1917 г. на факультете «для приготовления к профессорскому званию состояли 9 выпускников с дипломами 1-й степени» [10, с. 1].

Университеты России всегда были не только центрами просвещения, науки и культуры, но и очагами идейно-политической борьбы, средоточием революционного движения. Не случайно они вызывали острую ненависть реакции, подозрительность правительства. Особенно тяжелым в судьбах российских университетов был 30-летний период правления Николая I. Умеренно-либеральный профессор русской истории С. М. Соловьев вынужден был признать, что самодержец «инстинктивно ненавидел просвещение как поднимающее голову людям... При воцарении Николая просвещение перестало быть заслугой, стало преступлением в глазах правительства, университеты подвергались опале» [18, с. 311]. «Волчьим гнездом» называл царь Московский университет [19, с. 38]. Не скрывал Николай I своей ненависти и к профессорам, видя в них злоумышленников. «А эти — хорошо себя ведут?» — спрашивал он у харьковского попечителя, указывая на профессоров, при представлении университета [18, с. 313].

Передовая часть студентов и преподавателей вела борьбу против социального и национального угнетения, отзывалась на все общественные явления и революционные события в стране. Не были исключением в этом плане и Харьковский университет и его историко-филологический факультет.

Под непосредственным влиянием восстания декабристов в университете в начале 1826 г. возник тайный политический кружок, которым руководили студенты В. Розалион-Сошальский и П. Балабуха. Его участники занимались главным образом пропагандистской деятельностью, выступая против деспотизма, крепостничества, системы военных поселений и т. д. В начале 1827 г. кружок был ликвидирован властями. Одним из организаторов Кирилло-Мефодиевского общества в Киеве — тайной антикрепостнической политической организации, жестоко разгромленной правительством в 1847 г., был выпускник историко-филологического факультета Н. И. Костомаров.

В период созревания в России первой революционной ситуации, под действенным влиянием революционно-демократической идеологии студенты Харьковского университета в 1856 г. создали тайную революционную организацию, получившую название Харьковско-Киевского тайного общества. Они ставили целью революционное свержение самодержавия, установление в России республики. Члены общества, среди которых были и студенты

историко-филологического факультета П. Ефименко, Н. Мазуренко, В. Надлер, А. Шиманов и др., распространяли запрещенные произведения, подпольно издавали листовки и рукописные журналы. Выступление студентов университета в апреле 1858 г. в защиту исключенных студентов, протестовавших против произвола администрации, нашло широкую поддержку общественности России. Члены общества, в частности Н. Мазуренко, поддерживали отношения с А. И. Герценом, чей «Колокол» несколько раз писал о «харьковской истории» [20, с. 129—130].

Студенты факультета были вовлечены в национально-освободительное движение на Украине в 60—90-х годах XIX в. Они пополняли ряды буржуазно-либеральных громад, занимались культурно-просветительской деятельностью. Не стояла в стороне передовая часть студенческой молодежи университета и от революционно-демократических движений. В землевольческих и народо-вольческих кружках 70-х—начала 80-х гг. XIX в., действовавших в Харькове, активными участниками выступали студенты историко-филологического факультета Н. Бакай, Е. Деген, Н. Федченко и др. В этот же период радикально настроенная студенческая молодежь знакомится с идеями К. Маркса, входит вначале в марксистские кружки и группы, а затем — социал-демократические организации Харькова, связывает свою судьбу с пролетарским революционным движением.

В начале XX в. под влиянием рабочего класса и его партии студенческое движение наполняется политическим содержанием, происходит четкое размежевание его по идейно-классовым позициям. Выходцы из дворянско-буржуазной среды становятся защитниками и приверженцами монархических, буржуазных, буржуазно-националистических групп и партий. Разночинная молодежь, тесно связанная с трудящимися массами классовыми интересами, потянулась к марксистско-ленинской революционной партии российского пролетариата. Именно эта часть студенчества приняла участие в совместных с рабочими выступлениях 1900—1902 гг., многочисленных демонстрациях в Харькове 1 мая и 1 декабря 1900 г., отмеченных В. И. Лениным [1, т. 4, с. 396]. Вместе с рабочими студенты участвовали в баррикадных боях 1905 г. В связи с революционными событиями в университете на несколько месяцев были прекращены занятия. В период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции лучшая часть студентов пошла за большевиками. Среди них — питомец историко-филологического факультета И. И. Межлаук, большевик-ленинец, после революции — крупный государственный и партийный деятель.

* * *

С победой Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эпоху в истории человечества — эпоху обновления мира, перехода общества от капитализма к социализму, были начаты коренные преобразования и в области высшего образования. В концентрированном виде основные принципы новой совет-

ской высшей школы были провозглашены в Программе Коммунистической партии, принятой на VIII съезде РКП(б): «Открытие широкого доступа в аудитории высшей школы для всех желающих учиться, и в первую очередь для рабочих; привлечение к преподавательской деятельности в высшей школе всех, могущих там учить; устранение всех и всяческих искусственных преград между свежими научными силами и кафедрой; материальное обеспечение учащихся с целью дать фактическую возможность пролетариям и крестьянам воспользоваться высшей школой» [2, т. 2, с. 49].

В первые революционные годы, в условиях гражданской войны занятия в университете проводились нерегулярно, часто вовсе прекращались, состав студентов был нестабильным, материально-финансовое положение вуза — бедственным. Во время оккупации Харькова денikinцами (июнь—декабрь 1919 г.) предпринимались попытки восстановить в университете старые, дореволюционные порядки: украинские кафедры, созданные в 1918 г., были закрыты, украинский язык объявляется несуществующим, все передовое, прогрессивное грубо преследовалось. Только после изгнания деникинцев стала восстанавливаться учебная жизнь университета. Однако через короткое время начавшийся процесс демократизации и пролетаризации университета привел к его реорганизации, затянувшейся более чем на 10 лет. Решением Наркомпроса УССР от 13 мая 1920 г. были закрыты историко-филологические и юридические факультеты университетов [21, с. 18], а летом 1920 г. были вообще ликвидированы университеты Украины как якобы наиболее консервативные носители устаревших форм высшего образования. В июле 1920 г. Харьковский университет перестал существовать. На его базе в 1920—1932 гг. действовали Академия теоретических знаний, Институт народного образования, Педагогический институт профессионального образования, Физико-химико-математический институт, которые, в свою очередь, также систематически реорганизовывались, их структура постоянно пересматривалась, учебные планы, не успев утвердиться, менялись.

Крайне сложным, неустойчивым было положение студентов исторического профиля. Приказом Наркомпроса УССР на базе историко-филологического факультета были образованы Временные высшие педагогические курсы [6, с. 47], просуществовавшие немногим более месяца. После этого историко-обществоведческие специальности были включены в Институт общественных наук при Академии теоретических знаний. Руководителями кафедр историко-филологического профиля здесь были назначены крупные ученые, сформировавшиеся еще в дореволюционный период, а с победой Октября добросовестно сотрудничавшие с Советской властью — Д. И. Багалей, В. П. Бузескул, А. И. Белецкий, Л. А. Булаховский, Д. К. Зеленин и др. Однако неопределенность профиля, рыхлость структуры, материальные трудности, отсев студентов, их уход в другие вузы привели к скорому закрытию Академии и ее подразделений. На ее основе в мае 1921 г. был создан ХИНО — Харьковский институт народного образования [6, с. 49].

Студенты-историки на этот раз влились в состав факультета профессионального образования ХИНО, работавшего в учебных помещениях дореволюционного университета. Среди преподавателей было немало тех, кто ранее работал на историко-филологическом факультете. Формы и методы обучения применялись в основном традиционные: лекции, семинары, практические занятия, рефераты, доклады, но проводились и посещения заводов, фабрик, школ. Предпочтение отдавалось практическим методам обучения «как развивающим самостоятельность студентов» [22, с. 4].

Прием на факультет, как и вообще в ХИНО, осуществлялся по направлениям партийных, советских, комсомольских органов, военных организаций, что способствовало серьезному увеличению в студенческой среде рабоче-крестьянской прослойки. Эта часть студентов, по словам акад. Д. И. Багалей, отличалась особым стремлением к знаниям, желанием грызть гранит науки на пользу трудящихся» [23, с. 131]. Со временем осязаемым источником пролетаризации студентов факультета профессионального обучения, его пополнения стал рабфак, открытый в ХИНО в 1923 г. [6, с. 50]. И все-таки подготовка специалистов-историков в 20-е годы представляла собой сложную проблему. Среди преподавателей было мало опытных историков-марксистов, отсутствовали стабильные учебники, не хватало учебной литературы, история как учебная дисциплина постепенно отошла на второй план, уступив место абстрактному обществоведению, историков, по сути, не готовили, научно-исследовательская работа была отделена от учебной. Для научно-исследовательских целей были открыты специальные кафедры исторического характера, куда вошли преимущественно ученые бывшего университета. Организационно они числились при ХИНО.

Плодотворной была деятельность научно-исследовательской кафедры истории Украины (другое ее название — кафедра истории украинской культуры), основанной в 1921 г. [24, с. 37]. Возглавлял ее Д. И. Багалей. В составе кафедры было четыре секции: истории Украины (руководитель Д. И. Багалей); истории России (проф. В. И. Веретенников); истории украинского права (проф. И. А. Максимейко); этнологии и краеведения (проф. А. В. Ветухов). Кроме того, при кафедре работали комиссии: слобожанская, библиографическая, техники исторического исследования и аспирантская [24, с. 37]. На кафедре работала большая группа талантливых историков, представлявшая как старшее, так и молодое поколение ученых: О. Д. Багалей-Татарина, В. А. Барвинский, А. П. Ковалевский, А. И. Козаченко, Г. А. Максимович, Н. Ю. Мирза-Авакянц, М. Е. Редин, В. А. Романовский и др.

Одновременно велись изыскания на научно-исследовательской кафедре истории европейской культуры под руководством акад. В. П. Бузескула, имевшей три секции: античной культуры (руководители акад. В. П. Бузескул и проф. Е. Г. Кагаров); русской культуры (профессора В. И. Веретенников и М. В. Довнар-Запольский); западноевропейской истории (проф. Н. С. Гольдин).

Среди сотрудников кафедры были историки Л. Н. Беркут, А. Я. Киктев, Н. М. Пакуль, Г. А. Рохкин и др.

Тематика исследовательской работы кафедр не планировалась сверху, она разрабатывалась главным образом по инициативе ученых и заказам заинтересованных ведомств и организаций. Кафедры должны были заниматься вопросами научной методологии, следить за ее состоянием и развитием, растить новую смену через аспирантуру, издавать научную и популярную литературу, устраивать лекции, доклады для трудящихся [24, с. 35]. Они регулярно издавали «Наукові записки», монографические исследования, археографические сборники. В 1930 г. кафедры были ликвидированы.

В этом же году постановлением Совнаркома УССР «О реорганизации сети и системы педагогического образования» [25, 1930, № 40, с. 3—6] ХИНО был ликвидирован и вместо него были созданы Харьковский педагогический институт профессионального образования и Физико-химико-математический институт для подготовки преподавательских кадров соответствующих специальностей. В составе первого было четыре факультета, в том числе социально-экономический с исторической, экономической, философской, литературной и языковой секциями.

Наконец, в 1933 г. после многочисленных реорганизаций Харьковский университет был восстановлен. В числе семи его факультетов начал работать и исторический. Вместе с вновь воссозданным университетом исторический факультет столкнулся с большими трудностями, связанными с учебно-материальной базой, финансовым состоянием, текучестью профессорско-преподавательских кадров, вызванной чистками, недостатком учебной литературы, набором студентов. В первые годы на факультете было лишь две кафедры — истории СССР и УССР и всеобщей истории, но и они несколько раз претерпевали реорганизации.

При помощи ЦК КП(б)У и Совнаркома УССР, партийных и советских органов Харькова эти трудности преодолевались. В 1940 г. государственные ассигнования университету увеличились сравнительно с 1934 г. более чем в 3,5 раза [6, с. 63], расширялась и укреплялась учебно-лабораторная база, были построены студенческие общежития, в два с лишним раза вырос стипендиальный фонд, повышены размеры стипендий, удвоилось выделение средств на приобретение учебников и литературы [12, с. 130]. С 1936/37 г. были введены индивидуальные планы по всем специальностям, стабилизировано расписание занятий.

Постепенно нормализовалось положение и на историческом факультете. Штат преподавателей пополнился молодыми специалистами. И хотя отсутствие достаточного опыта сказывалось на учебно-воспитательной и научно-исследовательской работе, они активно включились в многогранную жизнь коллектива. Факультет набирал силы, все более утверждался его авторитет как учебного и научного подразделения университета. После нескольких перестроек к 1939/40 г. окончательно сформировались четыре ка-

92356
федры факультета: истории СССР и УССР (заведующий доц. И. Д. Бойко); древней истории и археологии (проф. С. А. Семенов-Зусер); истории средних веков (проф. Н. М. Пакуль); новой истории (доц. К. М. Вич). Численность профессорско-преподавательского коллектива факультета возросла до 40 чел. Здесь в довоенные годы трудились Б. М. Барак, Д. А. Введенский, З. А. Витков, В. А. Гольденберг, Ф. Ф. Ковтун, С. М. Короливский, И. М. Костенко, П. Ф. Кузьмин, В. Г. Лысенко, Г. А. Сапожникова, А. Д. Скаба, А. Г. Слюсарский, М. А. Рубач, Д. И. Чепига, К. К. Шиян. Многие из них впоследствии стали известными учеными, а А. Д. Скаба был избран академиком АН УССР, много лет возглавлял Институт истории АН УССР. Были созданы общие лекционные и специальные курсы, активно работали научные студенческие кружки. Именно тогда, в последние предвоенные годы, в студенческих научных кружках начинали путь в науку студенты Ю. В. Кнорозов, И. К. Рыбалка, Б. А. Шрамко, ставшие крупными учеными. К концу 30-х—началу 40-х годов ученые факультета добились определенных успехов в области отечественной и всеобщей истории, археологии. Некоторые преподаватели защитили кандидатские диссертации. С 1939 г. стали издаваться «Труды исторического факультета», в первом выпуске которых были опубликованы статьи И. Д. Бойко, Д. А. Введенского, К. М. Вича, К. П. Добролюбского, Н. М. Пакуля, С. А. Семенова-Зусера. Издание «Трудов» стимулировало дальнейшее развитие научных исследований.

Помимо прочих причин, работа факультета в довоенные годы серьезно тормозилась пагубным влиянием культа личности Сталина. Подозрительность, бесосновательные проработки, навешивание политических ярлыков, догматизм и начетничество в науке приводили к серьезным негативным последствиям. Были исключены из партии и репрессированы преподаватели К. Г. Мигаль, М. А. Рубач, К. К. Шиян, репрессированы А. А. Потапов, Н. К. Фукс, политически скомпрометирован и изгнан из университета С. М. Короливский. Печальная участь постигла и многих других преподавателей и студентов.

В 1939 г. после воссоединения западноукраинских земель с УССР факультет направил своих лучших воспитанников на работу в освобожденный край. Исторические кафедры в вузах Львова возглавили Б. И. Кубланов и А. Д. Скаба. И. М. Евтушенко стал редактором станиславской областной газеты, А. С. Брагинец — деканом исторического факультета Львовского университета.

С первых дней Великой Отечественной войны свыше 150 преподавателей, аспирантов, студентов и сотрудников ушли на фронт. В первых рядах добровольцев были коммунисты и комсомольцы. В боях с немецко-фашистскими захватчиками отдали свои жизни декан факультета К. М. Вич, заместитель декана Д. И. Чепига, преподаватели З. А. Витков, И. М. Костенко, П. Ф. Кузьмин и другие. Смертью храбрых погибли многие студенты факультета,

в их числе: Я. Голубчик, Г. Демур, Д. Каневский, И. Масалитин, Г. Нешадимов, К. Пироженко, Ю. Ракивненко, П. Стахов, Я. Тонкошкур, П. Шевченко и другие. Высокого звания Героя Советского Союза был удостоен авиационный штурман, выпускник факультета 1940 г. М. Е. Малущенко. Преподаватели и студенты, в первые дни войны не ушедшие на фронт, вступали в студенческий батальон, вливались в дивизию народного ополчения Дзержинского района Харькова, сооружали оборонительные рубежи на дальних и ближних подступах к городу, работали на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, на транспорте, дежурили в госпиталях, на объектах противовоздушной обороны.

Вся учебная и научная работа факультета была перестроена и подчинена условиям военного времени: по некоторым курсам сокращены сроки обучения и продолжительность экзаменационных сессий, в учебные планы вносились коррективы, в соответствии с правительственным постановлением осенью 1941 г. были временно прекращены занятия [6, с. 83]. Важнейшей задачей историков являлись изучение и широкая пропаганда героического прошлого нашей Родины, ее борьбы с иноземными агрессорами, популяризация подвигов великих предков. Ученые факультета выступали с популярными статьями и брошюрами в помощь политработникам Красной Армии, в которых разоблачались фашизм, это человеконенавистническая идеология. С. М. Короливский, работая в тылу, а с 1942 г. находясь на фронте, за годы войны опубликовал в периодической печати более 40 статей, брошюр и заметок [26, с. 21—23].

Эвакуированный осенью 1941 г. в г. Кызыл-Орду Казахской ССР, Харьковский университет, объединившись с Киевским, образовали Объединенный Украинский государственный университет, где вскоре возобновилась учебная и научная работа. Преподаватели исторического факультета, помимо выполнения учебных поручений, продолжали разработку важнейших вопросов отечественной и всеобщей истории, начали сбор и систематизацию документов о Великой Отечественной войне, вели большую лекционную работу, выступали с пропагандистскими статьями, прославлявшими подвиги советских людей на фронтах и в тылу, разоблачали зверские преступления гитлеровцев на советской земле.

Свою работу в Харькове исторический факультет возобновил 1 ноября 1943 г. после эвакуации университета. Военные действия, фашистский оккупационный режим нанесли огромный ущерб университету. С тяжелейшими следами войны вплотную столкнулся и исторический факультет: были разрушены учебные помещения, общежития, почти полностью уничтожен археологический музей, в котором до войны насчитывалось около 200 тыс. экспонатов, разграблена фашистами уникальная нумизматическая коллекция из 40 тыс. медалей и монет. В огне войны серьезно пострадали книжные фонды ЦНБ и кабинетов кафедр. Уничтожен весь газетный фонд с 1917 по 1941 г. Во время эвакуации под бом-

бежкой сгорел весь богатейший архив университета — эта потеря до сих пор создает невероятные трудности при восстановлении истории одного из старейших университетов страны.

Преодолевая тяжелейшие последствия войны, разруху, коллектив факультета под руководством партийной организации, при помощи партийных и советских органов, других университетов страны уверенно включился в созидательный процесс, решение ответственных задач.

Несмотря на многие негативные явления в истории советского общества, порожденные влиянием культа личности Сталина, деформациями в различных областях нашего бытия в годы застоя, последние 45 лет, прошедшие после Великой Отечественной войны, ознаменованы в жизни исторического факультета значительными достижениями в деле подготовки кадров историков, возросшим профессиональным уровнем преподавательского коллектива, существенным подъемом научно-исследовательской работы, количественным и качественным ростом печатной продукции.

К концу 1944/45 г. на историческом факультете учились 190 студентов. В первые послевоенные годы в студенческие аудитории пришли многие участники войны, труженики тыла, прервавшие в грозный час университетские занятия, или поступившие на первый курс, люди зрелые, закаленные, стремящиеся к знаниям. Составив авангард студенчества, проявляя исключительную энергию и работоспособность, они были передовиками в учебе и общественной работе. Из числа их впоследствии стали профессорами факультета *В. И. Астахов, В. Н. Довгопол, А. Е. Кучер, Г. Н. Попов, И. К. Рыбалка, Б. А. Шрамко*, доцентами — *В. И. Булах, Б. П. Зайцев* и другие. Учебные занятия совмещались с работой по восстановлению разрушенного университета, хозяйства города и области.

Увеличивались планы приема на первый курс — 50, 75, 90, 95, ныне 120 чел. (только по дневному отделению). С 1945/46 г. была возобновлена заочная форма обучения, в 1958/59 г. создано вечернее отделение. В 1983 г. была открыта новая специальность — история КПСС. Таким образом, исторический факультет, наряду с выпуском учителей истории и обществоведения, готовит кадры историков партии для высших учебных заведений. Ныне контингент студентов факультета по всем формам обучения составляет более 1300 чел.

Высокий научный потенциал, большой опыт научно-воспитательной работы профессорско-преподавательского коллектива позволяют успешно вести подготовку квалифицированных специалистов-историков. Совершенствуются учебные планы и программы по общим и специальным курсам, ведутся систематические поиски наиболее рациональных форм и методов обучения и воспитания студентов, особое внимание уделяется контролируемой самостоятельной работе. Процесс обучения все более индивидуализируется. Повышается научно-теоретический уровень курсовых и дипломных работ. При их написании все чаще используются ЭВМ, методы

естественных наук. Студенты вовлекаются в выполнение кафедральных научных планов, хозрасчетной тематики.

С 1936 г. на факультете работает студенческое научное общество. С этого времени ежегодно в апреле проводятся студенческие научные конференции, посвященные памяти В. И. Ленина. С 1983 г. традиционными стали краеведческие конференции. Разрабатываются и издаются учебники, учебные пособия, методическая литература по учебным дисциплинам и наиболее сложным темам. Абсолютная успеваемость студентов достаточно высока — 94—96%; до 60% студентов учатся на «отлично» и «хорошо»; 15—20% являются круглыми отличниками.

За 1933—1988 гг. факультет подготовил более 7,5 тыс. специалистов. Из числа выпускников 40—80-х годов более 300 чел. защитили кандидатские диссертации, более 40 стали докторами наук. В 1973 г. за школьный учебник по истории средних веков Государственной премии СССР были удостоены учителя, питомцы факультета, *Е. В. Агибалова* и *Г. М. Донской*. Лауреатами Государственной премии УССР в области науки стали воспитанники факультета, академик, директор Института истории АН УССР *Ю. Ю. Кондуфор*, старшие научные сотрудники того же института *А. Н. Зенина* и *Н. В. Комаренко*.

Среди выпускников факультета сотни преподавателей вузов, научных сотрудников АН СССР и АН УССР, музеев, архивов страны, партийных, советских и комсомольских работников. Тысячи воспитанников факультета трудятся на ниве просвещения, в числе которых немало директоров школ, завучей, руководителей органов народного образования районных, городских, областных и республиканских масштабов. Многие из них удостоены высоких государственных наград, почетных званий. Так, заслуженными учителями Украинской ССР стали *Н. Беляев*, *Э. Кривень*, *А. Лозовой*, *Н. Лучкина*, *И. Моторный*, *Ю. Новиков*, *В. Рена*, *Э. Файницкий* и другие.

Высокого профессионального мастерства достиг профессорско-преподавательский коллектив факультета. В начале 50-х годов на факультет пришли известные ученые — арабист, профессор *А. П. Ковалевский*, археолог, профессор *К. Э. Гриневич*, подвергавшиеся до войны необоснованным репрессиям. В 1956 г. в преподавательский коллектив влились ведущие преподаватели ликвидированных исторических факультетов Харьковского и Сумского пединститутов: *П. И. Гарчев*, *С. И. Сидельников*, *И. Л. Шерман*, *К. К. Шиян*, ставшие уже в университете докторами наук, профессорами; доценты *М. А. Литвиненко*, *Ю. Г. Литвиненко*, *Б. Г. Пильверман*, *А. Т. Прокопчук*, *В. Е. Тычина*, *Г. В. Фризман*. Значительно пополнился преподавательский корпус выпускниками факультета 40—60-х годов. Среди них *М. З. Бердута*, *В. И. Бутенко*, *Ю. А. Голубкин*, *В. М. Духопельников*, *Ю. И. Журавский*, *В. И. Кадеев*, *Л. П. Калуцкая*, *В. А. Латышева*, *В. П. Литвинова*, *Б. К. Мигаль*, *А. И. Митряев*, *В. К. Михеев*, *В. Ф. Пахомов*, *В. Г. Пикалов*, *Е. П. Пугач*, *А. Ф. Руденко*, *Т. Л. Степаненко*,

В. С. Шиловцева. Среднее и младшее поколение преподавателей представляют выпускники факультета 70—80-х годов — *Ю. В. Буйнов, Ю. П. Волосник, С. В. Дьячков, А. И. Елкин, В. В. Калинин, А. Д. Каплин, В. Д. Козлитин, В. В. Кравченко, С. М. Куделко, В. В. Лантух, А. П. Мартемьянов, В. Ф. Мещеряков, С. А. Наумов, И. П. Сергеев, А. В. Скоробогатов, С. Б. Сорочан, С. Ю. Страшнюк, В. В. Тимофеев, А. И. Тумаков, А. П. Чижов.* Совместная работа преподавателей разных поколений оказывает благотворное влияние на учебно-воспитательный процесс, научные исследования, морально-психологический климат на факультете. Сотрудниками факультета защищено 16 докторских и около 50 кандидатских диссертаций. Государственной премии УССР были удостоены профессора *С. М. Короливский, И. К. Рыбалка, В. Н. Довгопол.* Почетное звание заслуженного деятеля науки УССР было присвоено профессору *А. П. Ковалевскому,* заслуженного работника высшей школы УССР — доценту *Е. П. Пугачу.* Орденами СССР награждены профессора *В. И. Астахов, С. М. Короливский, А. Г. Слюсарский,* доценты *В. И. Булах, Е. П. Пугач,* большая группа преподавателей награждена медалями.

Историки факультета за послевоенный период опубликовали более 85 монографий, 10 учебников и учебных пособий, подготовили и издали 10 томов «Трудов исторического факультета», 23 выпуска исторической серии «Вестника Харьковского университета». На базе факультета, начиная с 1965 г., издано 33 выпуска республиканского межвузовского научного сборника «Вопросы истории СССР». В течение ряда лет на факультете издавался республиканский сборник «Вопросы новой и новейшей истории».

Сотрудники факультета участвовали в создании многотомной «Истории городов и сел Украинской ССР» (*В. И. Астахов, Н. К. Колесник, С. М. Короливский, И. К. Рыбалка, А. Г. Слюсарский, К. К. Шиян*), восьмитомной «Истории Украинской ССР» (*В. Н. Довгопол, С. М. Короливский, И. К. Рыбалка*), трехтомника «Украинская ССР в годы гражданской войны» (*Н. К. Колесник, И. К. Рыбалка*), «Очерков истории Харьковской областной партийной организации» (*В. И. Астахов, А. Е. Кучер*), «Очерков истории Харьковской комсомольской организации» (*П. И. Гарчев, А. Е. Кучер, Б. К. Мигаль*), во многих изданиях энциклопедического характера. Под руководством и при участии ученых факультета подготовлены и изданы фундаментальные археографические сборники по истории Великого Октября, гражданской войны, социалистического строительства на Украине.

В настоящее время факультет — крупный центр подготовки квалифицированных специалистов, авторитетный научный коллектив. В его составе пять кафедр: истории СССР (заведующий проф. *А. Е. Кучер*); истории УССР (проф. *Б. К. Мигаль*); истории древнего мира и средних веков (проф. *В. И. Кадеев*); новой и новейшей истории (доц. *Е. П. Пугач*); историографии, источниковедения и археологии (доц. *Ю. И. Журавский*), на которых работает 44 преподавателя, в том числе 7 докторов и 34 кандидата

наук. Около 90% преподавателей — выпускники факультета. В разные годы кафедрами факультета руководили В. И. Астахов, К. Э. Гриневич, А. П. Ковалевский, С. М. Короливский, А. И. Митряев, Н. М. Пакуль, Г. Н. Попов, С. А. Семенов-Зусер, И. К. Рыбалка, С. И. Сидельников, А. Д. Скаба, И. Л. Шерман, Б. А. Шрамко. Деканами факультета были К. Г. Мигаль (1943—1944), Н. М. Пакуль (1944—1946), А. Г. Слюсарский (1946—1962), В. Н. Довгопол (1963—1964), С. И. Сидельников (1964—1976), В. И. Кадеев (1978—1982), В. И. Булах (1982—1987), Ю. И. Журавский (1976—1977; 1987—по настоящее время).

Научно-исследовательская работа на факультете ведется по трем основным направлениям: теоретические проблемы всемирно-исторического процесса; актуальные проблемы истории зарубежных славянских народов в новое и новейшее время; история капиталистической и докапиталистических социально-экономических формаций. В рамках этих направлений разрабатываются 7 тем по отечественной и всемирной истории и археологии: история исторической науки в СССР; социалистическое строительство в СССР; история европейских стран; буржуазные революции и развитие капиталистических отношений в Западной Европе и в России; история международного рабочего и национально-освободительного движения; археология бронзового и железного веков в Восточной Европе; история и археология Причерноморья и Средиземноморья в античную эпоху.

Факультет поддерживает научные связи с Институтом истории АН СССР, Институтом археологии АН СССР, Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, Институтами истории и археологии АН УССР, Московским, Ленинградским, Киевским и другими советскими и зарубежными университетами. Сотрудники факультета постоянно участвуют в работе международных, всесоюзных, республиканских, региональных научных конференций, симпозиумов, чтений. В свою очередь, на базе факультета были организованы V и X Всесоюзные научные конференции историков-славистов (1970 г., 1985 г.), Всесоюзная научная конференция историков древнего мира (1980 г.), получившие широкий общественный резонанс. Об уровне научной продукции ученых факультета свидетельствуют положительные отзывы и рецензии во всесоюзных и республиканских журналах, в обобщающих историографических трудах [27].

Большая роль в деятельности факультета принадлежит общественным организациям. Круг вопросов, находящихся в центре их внимания, широк и многообразен: совершенствование форм и методов идеологической работы; повышение качества подготовки специалистов-историков, их теоретико-методологической вооруженности; комплексность в воспитательной работе; усиление мировоззренческой направленности преподаваемых дисциплин; определение приоритетных направлений в работе факультета; приближение научно-исследовательской работы в области истории к повседневной практике.

Начавшаяся в стране перестройка нашла горячее одобрение и поддержку всего коллектива исторического факультета, активно включившегося в ее реализацию. Профессорско-преподавательский состав факультета отчетливо понимает, что перестройка применительно к нашим задачам означает прежде всего коренное повышение качества преподавания, его эффективности, подготовку такого специалиста-историка, который сочетал бы в себе черты педагога, воспитателя, исследователя, общественного деятеля; активизацию научных исследований, их соответствие запросам жизни.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. М., 1970. Т. 2. 3. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15 т. М.; Л., 1939—1953. 4. Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. Х., 1955. 5. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905) / Под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалая. Х., 1908. 6. Харьковский государственный университет. 1805—1980: Исторический очерк. Х., 1980. 7. Щетинина Г. А. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. 8. Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета. В 2 т. Х., 1904. Т. 2. 9. Мальцева Л. Г. Преподавание и изучение отечественной истории в университетах России в первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 1988. 10. Записки Харьковского университета за 1918—1919 г. Х., 1919. 11. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985. 12. Короткі нариси з історії Харківського державного університету ім. О. М. Горького. 1805—1940. Х., 1940. 13. Сборник Харьковского историко-филологического общества. Х., 1911. Т. XX. 14. Українська радянська енциклопедія. 2-е вид. К., 1981. Т. 6. 15. Сборник Харьковского историко-филологического общества. Х., 1905. Т. XIV. 16. Фрадкин В. З. Фольклорно-этнографическая деятельность Харьковского историко-филологического общества (1877—1919): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973. 17. Фрадкин В. З. Харьковское историко-филологическое общество (1877—1919) // История и историки: историограф. ежегодник. М., 1982. 18. Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983. 19. Михайлова С. М. Казанский университет и развитие духовной культуры народов Востока России (XIX век): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1985. 20. Эйдельман Н. Я. Герцен и Харьковско-Киевское революционное общество // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. 21. Бистров М. А. Керівна роль КП(б)У у галузі вищої освіти в період будівництва соціалізму (1917—1937). Х., 1974. 22. Народное просвещение на Украине. Х., 1924. 23. Ювілейний збірник на пошану Д. І. Багалія. К., 1927. 24. Комаренко Н. В. Утворення та діяльність історичних кафедр на Україні в 20-х роках // Історіограф. дослідження в Українській РСР. К., 1971. Вип. 4. 25. Бюллетень НКО УССР. 26. Королівський Степан Мефодійович: Бібліограф. покажчик. Х., 1972. 27. За глибоке наукове вивчення історії українського народу // Вопр. історії. 1955. № 7; Воробей П. І., Ковбасюк С. М., Раковський М. Ю. Збірник праць історичного факультету Харківського університету // УІЖ. 1958. № 6; Сухарев В. В., Чер-

нявский Г. И. Исследования истории славянских стран харьковскими славистами // Сов. славяноведение. 1966. № 2; Супруненко Н. И. Изучение истории Великого Октября на Украине // Вестн. АН СССР. 1967. № 1; Розвиток історичної науки на Україні за роки Радянської влади. К., 1973; Щеглов А. Н. Вопросы античной археологии в изданиях Харьковского университета // СА. 1972. № 1; Шиловцева В. С. Изучение древней истории в Харьковском государственном университете им. А. М. Горького в 1950—1980 годах // ВДИ. 1982. № 1; Крыжицкий С. Д. Античность в УССР в 1972—1982 гг. // ВДИ. 1983. № 2; Санцевич А. В. Українська радянська історіографія (1945—1982). К., 1984; Історіографія історії Української ССР. К., 1986.

Поступила в редколлегию 10.11.88

В. В. КРАВЧЕНКО, канд. ист. наук,
В. П. ЛИТВИНОВА, канд. ист. наук

ИЗУЧЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ДООКТАБРЬСКИЙ ПЕРИОД (1805—1917 гг.)

В процессе изучения отечественной истории в Харьковском университете дооктябрьского периода можно выделить несколько периодов, отражавших в той или иной степени как общие закономерности развития исторической науки в России, так и местные особенности и условия, влиявшие на ее общий уровень:

1. 1805 — вторая половина 20-х гг. XIX в.;
2. 30—40-е годы XIX в.;
3. середина XIX—начало XX в.

Первое 20-летие в истории Харьковского университета было временем, когда формировался профессорско-преподавательский состав, создавались организационные условия, необходимые для развития исторической науки (издательская база, библиотеки, музеи), шел процесс подготовки научных и преподавательских кадров. В этих условиях более актуальными считались не столько самостоятельные исследования в той или иной области науки, сколько распространение знаний [1, с. 76]. Тем не менее изучение отечественной истории в Харьковском университете уже в первые годы его существования было поднято на высокий уровень.

Наиболее заметной фигурой среди специалистов, изучавших историю России в Харьковском университете в начале XIX в., был крупный историк и блестящий лектор Г. П. Успенский, являвшийся в 1807—1820 гг. единственным штатным преподавателем кафедры истории, географии и статистики Российского государства. Выпускник Воронежской учительской гимназии, принадлежавший к научному кружку известного историка и архивиста Е. Болховитинова, Г. П. Успенский получил широкую известность благодаря своему «Опыту повествования о древностях русских», выдержавшему два прижизненных издания в 1811—1812 и 1818 гг. [2].

Эта работа, написанная на основе широкого круга источников,

в том числе записок иностранцев о Московском государстве, представляла большой интерес для массового читателя энциклопедической полнотой сведений по истории, географии, о духовной и материальной культуре, быте и верованиях русского народа, истории государства и права России,— словом, всего того, что в отечественной историографии начала XIX в. объединялось под словом «древности». Анализ содержания «Опыта...» показывает, что Г. П. Успенский разделял взгляды Е. Болховитинова на характер и задачи исторической науки, считавшего патриотическим долгом историка собирание и обобщение фактических сведений об историческом прошлом русского народа и нередко отдававшего предпочтение полноте материала перед его критической обработкой [3, с. 204—210; ср.: 2, с. V—VI]. В трактовке основных вопросов истории России Г. П. Успенский опирался преимущественно на В. Н. Татищева и И. Н. Болтина. Таким образом, его труд в целом представлял собой во многом устаревшую к моменту публикации историографическую традицию XVIII в., далекую от философских и методологических поисков молодых историков начала XIX в.

Помимо Г. П. Успенского, к отечественной истории в начальный период существования Харьковского университета обращался историк, профессор юридического (этико-политического) факультета *Б. Рейт*, опубликовавший в 1811 г. в Харькове «Опыт истории России» на латинском языке [4]. Эта оригинальная работа, основанная преимущественно на иностранных источниках, представляла собой краткий очерк истории России с древнейших времен до XIII в. Ученый, разделяя критическое отношение А. Л. Шлецера к русским летописям, в то же время высоко оценивал культурный и экономический уровень Киевской Руси, был вполне самостоятельным в описании истории монголов и родственных им народов в XII—XIII вв., постановке вопроса о происхождении казачества [5, с. 89, 103]. К сожалению, работа Б. Рейта осталась почти неизвестной его современникам в России.

Отдельные вопросы прошлого России находили отражение в работах представителей других кафедр и факультетов Харьковского университета — *А. А. Дегурова*, *Х. Роммеля*, *И. Ф. Тимковского*.

Характерной особенностью начального этапа изучения отечественной истории в Харьковском университете был рано проявившийся в преподавательской среде интерес к истории и этнографии украинского народа, что отражалось в определенной мере запросы местной интеллигенции [6, с. 936]. К украинской тематике обращались *И. Рижский*, *А. Дегуров* и *Х. Роммель*, но более всего — *Г. П. Успенский*, который может считаться первым русским университетским ученым, специально занимавшимся историей Украины. Во второе издание своего «Опыта...» он включил главу «О бывших прежде в Малороссии присутственных местах и чинах», в которой подробно описал систему казацко-старшинского самоуправления и дал краткий очерк истории Украины XVII—

XVIII вв. Скомпилировав этот материал в основном по «Топографическому описанию Черниговского наместничества» А. Ф. Шафонского, Г. П. Успенский заимствовал и многие его взгляды, в том числе неприязненное отношение к участию народных масс в освободительной войне 1648—1654 гг., оправдание ликвидации царизмом автономии Левобережной Украины в XVIII в. [2, с. 710—711, 740]. Остальные ученые касались истории или этнографии украинского народа эпизодически, мимоходом, в трудах, посвященных другим проблемам. Специальной подготовки по истории Украины университет не давал.

Говоря об изучении отечественной истории в Харьковском университете, нельзя не отметить научно-организаторской роли его профессуры. В этой связи заслуживает внимания деятельность Общества наук при Харьковском университете (1812—1818 и 1823—1829 гг.), куда входили преподаватели университета, в том числе Г. П. Успенский, *И. Е. Срезневский*, *П. П. Гулак-Артемовский* и представители дворянства Слободской и Левобережной Украины, проявлявшие интерес к прошлому украинского народа,— Г. Ф. Квитка, В. Н. Каразин, Н. А. Цертелев, М. Е. Марков, П. П. Белецкий-Носенко и др. [7, с. 209—240].

В заседаниях Общества наук обсуждались научные доклады, рецензировались научные труды, шел обмен научной информацией. Среди активных участников Общества наук в 20-х годах XIX в. выделялся, в частности, преемник Г. П. Успенского на кафедре истории, географии и статистики Российского государства П. П. Гулак-Артемовский, обративший на себя внимание критическими замечаниями в адрес «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина [7, с. 235; 8, с. 1612]. Крупной фигурой в ряду членов Общества наук был профессор юридического факультета *И. Н. Данилович*, издавший за сравнительно короткий период пребывания в Харьковском университете (1825—1830 гг.) ценнейшие источники по истории Литвы и Польши [9, с. 231—233].

Таким образом, имеются, на наш взгляд, все основания для вывода о том, что изучение отечественной истории в Харьковском университете первого 20-летия его существования велось интенсивно и не уступало в этом отношении другим российским университетам. Подтверждением этому служит, в частности, перечень имен выпускников Харьковского университета данного периода, получивших специальное историко-филологическое или юридическое образование и заслуживших известность в области изучения отечественной истории (А. М. Маркович, И. Н. Лобойко, И. И. Срезневский), славистики (П. И. Кеппен).

Время правительственной реакции, наступившее в стране после подавления восстания декабристов,— это время глубокого упадка в истории российских университетов [10], и Харьковский не был среди них исключением.

Начавшееся в 1827 г. следствие по делу о пропаганде идей декабристов среди студентов Харьковского университета [11, с. 34] не могло не оказать деморализующего влияния и на профессор-

ско-преподавательский состав. Последовавшие вскоре прекращение деятельности Общества наук (1829 г.) и уход из университета И. Н. Даниловича (1830 г.) негативно отразились на состоянии изучения отечественной истории в университете. По воспоминаниям выпускника М. Ф. Де-Пуле, преподаватели этого времени «...по десятку и более лет все „собирали источники“ для своей науки, да так и отошли *ad patres*, ничего не собравши...» [12, с. 79].

Типичной для данного периода времени фигурой был П. П. Гулак-Артемовский, возглавлявший кафедру истории, географии и статистики Российского государства (уставом 1835 г. она была реорганизована в кафедру русской истории) с 1820 по 1849 гг. [13, с. 319—326]. Талантливый человек, выдающийся украинский поэт-романтик, П. П. Гулак-Артемовский ничем не проявил себя как историк. В условиях застоя в общественной жизни, жестоких цензурных притеснений, гонений на университеты он предпочитал излагать отечественную историю по официально одобренным трудам Н. М. Карамзина и Н. Г. Устрялова, отвергая при этом все, что не укладывалось в прокрустово ложе созданных ими концепций.

Между тем в аудиториях Харьковского университета с конца 20-х—в 30-х гг. XIX ст. появилось немало талантливой молодежи, тяготевшей к изучению истории и этнографии Украины,—И. И. Срезневский, А. Л. Метлинский, Н. И. Костомаров, А. П. Рославский-Петровский. Удовлетворение своих научных и литературных интересов они находили не в университете, а в различных кружках, тесно связанных с харьковской интеллигенцией. Одним из наиболее авторитетных был кружок И. И. Срезневского, куда входил и историк, этнограф В. В. Пассек, тщетно пытавшийся получить в Харьковском университете место преподавателя отечественной истории [1, с. 95; 14, с. 11—12].

И. И. Срезневский начал преподавательскую деятельность в Харьковском университете в конце 1837 г. с избранием его адъюнктом кафедры политической экономии и затем продолжил ее после длительной заграничной командировки (1839—1842 гг.) в 1842—1847 гг. на кафедре славяноведения. В это время его украинovedческие интересы отошли на второй план перед изучением статистики, а позднее славистики. Среди опубликованных ученым в конце 30-х—первой половине 40-х гг. работ, относящихся к истории Украины, наиболее значительной может быть признана «Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины» (1839 г.), ставшая первым описанием истории заселения края и его административно-политического статуса вплоть до конца XVIII в. [15].

Историю и этнографию Украины плодотворно изучал другой участник кружка И. И. Срезневского, выпускник Харьковского университета Н. И. Костомаров, занимавший в нем с августа 1842 г. по апрель 1843 г. сугубо административную должность субинспектора [6, с. 38]. Созданные им в харьковский период

труды по истории Слободской Украины, Брестской церковной унии 1596 г., исторической этнографии [17], частью не сохранившиеся, не оказали существенного влияния на изучение и преподавание отечественной истории в Харьковском университете. Не добившись места преподавателя в университете, Н. И. Костомаров был вынужден покинуть Харьков. С уходом из университета в 1847 г. И. И. Срезневского его кружок окончательно распался. Из числа его участников лишь А. П. Рославский-Петровский, ставший профессором, продолжал изучение местной истории, опубликовал несколько статей по истории Харьковского университета [18]. В целом же кружок И. И. Срезневского не оказал заметного влияния на развитие историографии отечественной истории в Харьковском университете.

Ситуация изменилась к лучшему лишь на рубеже 40—50-х гг. XIX в. в связи с приходом в Харьковский университет нового поколения преподавателей — выпускников Петербургского Главного педагогического института братьев *Н. А. Лавровского* и *П. А. Лавровского* (славистов), и в особенности *А. П. Зернина*, сменившего в 1849 г. на кафедре русской истории П. П. Гулака-Артемовского. Свою роль сыграла и либерализация духовной жизни внутри страны, наступившая после смерти Николая I.

А. П. Зернин, работавший в Харьковском университете в 1847—1867 гг. [13, с. 326—331], был представителем нового поколения историков, решительно выступавших против казенно-патриотической риторики официальной дворянской историографии под флагом объективности и научности. Начав свой путь в науку с изучения истории церкви и византийско-российских церковных отношений, А. П. Зернин с переходом на кафедру русской истории Харьковского университета постепенно перешел к исследованию внутриполитической истории России, а позднее и Украины XVII—начала XVIII вв., посвятив этой тематике 8 специальных работ. Его исследования затрагивали актуальные в науке того времени вопросы о самозванцах в России XVII в., местничестве, народных восстаниях в Новгороде и Пскове 1650 г. и Москве в 1648 г. [19].

В понимании задач и методики исторической науки А. П. Зернин находился под влиянием С. М. Соловьева и разделял его взгляды по основным вопросам отечественной истории. Для творческой манеры А. П. Зернина были характерны стремление к научной объективности, интерес к архивным источникам и их критическое использование, исторический подход к объяснению тех или иных явлений прошлого. Обращает на себя внимание обширная рецензия А. П. Зернина на работу Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого», в которой он с позиций буржуазной историографии критически отзывался о методологии Н. Г. Устрялова и, вопреки ему, дал положительную оценку политике царевны Софьи, находя в ней предтечу реформам Петра I [20].

История Украины нашла отражение в творчестве А. П. Зернина в конце 50-х—начале 60-х гг. XIX в. Ученый тщательно изу-

чал и собирал источники по истории Украины и высказал ряд соображений об исторических заслугах Б. Хмельницкого, политике гетманов Г. Самойловича, И. Мазепы [20, т. 153, с. 88—101, т. 156, с. 45—46; 21, с. 55]. В рецензии на монографию Н. И. Костомарова «Богдан Хмельницкий» А. П. Зернин критически отозвался об уровне изучения истории Украины к середине XIX в. Трудам российских и польских исследователей этой темы он противопоставил работы Н. И. Костомарова и И. Лелевеля, одним из первых в российской историографии высказав мысль о сходстве исторических взглядов этих выдающихся ученых [21].

Научная деятельность А. П. Зернина была тесно связана с учебной. Он был первым профессором Харьковского университета, отводившим в своих общих и специальных курсах место истории Украины, в частности, истории украинского казачества [13, с. 327—328]. Его заслугой следует считать появление украинской тематики в студенческих научных работах 50—60-х гг. XIX в. Среди тех, кто приобщался к этим проблемам, был и А. А. Потебня, высоко оценивший лекции А. П. Зернина [22, с. 423].

К сожалению, А. П. Зернин рано ушел из жизни и не успел подготовить себе преемника. После его кончины Ученый совет Харьковского университета долгое время не мог обеспечить должного уровня изучения и преподавания отечественной истории. В разное время безуспешно пытались пригласить на кафедру русской истории Н. И. Костомарова, Н. Н. Фирсова, Д. И. Иловайского, В. О. Ключевского, М. Ф. Владимирского-Буданова [1, с. 105]. Недолго на историко-филологическом факультете преподавали историю России В. С. Иконников (1866—1867 гг.), Г. Ф. Карпов (1867—1870 гг.), Н. Я. Аристов (1873—1875 гг.), разные по характеру и мировоззрению ученые, период пребывания каждого из которых в Харьковском университете был слишком короток, чтобы оставить в нем заметный след. В отсутствие штатных преподавателей истории России лекции по этому предмету читали специалисты по всеобщей истории — вначале М. Н. Петров, впоследствии В. К. Надлер. Тем не менее изучение отечественной истории в Харьковском университете не прекратилось со смертью А. П. Зернина, хотя и поддерживалось в основном преподавателями других кафедр и дисциплин.

С 50-х гг. XIX в. начинается разработка истории самого университета, нашедшая воплощение в трудах А. П. Рославского-Петровского [18] и К. К. Фойгта [23].

В 60-х годах XIX в. исследовательская работа в этом направлении значительно активизировалась в связи с полемикой, разгоревшейся в Харьковском университете по поводу издания в 1868 г. университетским библиотекарем Я. Балясным перевода ценного источника по истории Харьковского университета начала XIX в. — воспоминаний профессора Х. Роммеля [24]. Высказанные Х. Роммелем резкие суждения о нравственном уровне русских профессоров, их постоянной апелляции к начальству в научных дискуссиях и обвинениях друг друга в политической неблагонадежности вы-

звали сочувственные комментарии со стороны профессора-юриста *Д. Н. Каченовского* и резко негативные отклики *Н. А. Лавровского* (преемника *И. И. Срезневского* на кафедре славистики) [25]. Полемика, в которой приняли участие *А. П. Рославский-Петровский*, *М. Ф. Де-Пуле* и другие, заставила противников обратиться к архивным документам, воспоминаниям современников. Прямым результатом этого можно считать появление специальных работ *Н. А. Лавровского* по истории Харьковского университета, на много продвинувших вперед исследование этой проблемы и создавших необходимую основу для последующих историков [26].

С 1863 г. в Харьковском университете была учреждена кафедра церковной истории. Ее первый представитель — выпускник Московской духовной Академии *А. С. Лебедев* — продолжил своими работами традицию изучения местной истории, начатую *И. И. Срезневским*, *А. П. Рославским-Петровским*, *Н. А. Лавровским*.

А. С. Лебедев был человеком прогрессивных убеждений, получившим серьезную научную подготовку в России и Западной Европе. Его научные труды относятся более к светской, чем церковной тематике. Местной историей *А. С. Лебедев* занялся после переезда в Харьков. Он опубликовал по этой теме в общей сложности свыше 25 специальных работ, в том числе монографии о Харьковском коллегииуме, церковной и религиозной жизни на Слобожанщине XVII—XVIII столетий, Харьковском университете, монастырских архивах [27]. В 1894 г. *А. С. Лебедев* был удостоен степени почетного доктора русской истории.

Исследования местной истории, опубликованные в 50—60-е гг. XIX в., впоследствии стали той основой, на которой развернулось широкомасштабное изучение истории Слободской Украины в Харьковском университете с 80-х годов XIX в.

В начале 80-х годов XIX в. Ученый совет Харьковского университета принял, наконец, окончательное решение заполнить вакантную с 1875 г. кафедру русской истории избранием на нее двух штатных преподавателей. Выборы происходили в условиях борьбы между консервативной и либерально мыслящей профессурой. Либералы во главе с *А. А. Потебней* и *А. С. Лебедевым* поддерживали кандидатуры *Д. И. Багалей* — выпускника Киевского университета, за которым стояла влиятельная украинская Старая громада, и популярного в широких кругах российской интеллигенции историка *В. И. Семевского* [28, с. 42]. В противовес последнему консервативная профессура во главе с деканом историко-филологического факультета *В. К. Надлером* выдвинула монархиста *П. Н. Буцинского*, выпускника Харьковского университета, оставленного в свое время для подготовки к профессорскому званию. В результате на кафедру русской истории Харьковского университета были избраны *Д. И. Багалей* (в 1883 г.) и *П. Н. Буцинский* (в 1884 г.), между которыми с самого начала возникла устойчивая конфронтация.

Конец XIX в.—начало XX в.—это время подъема исследова-

тельской работы по отечественной истории в Харьковском университете, связанное в первую очередь с улучшившимися условиями для научной деятельности в Харькове и приходом в университет молодых историков.

На историко-филологическом факультете в данный период работала группа талантливых исследователей, занимавшихся изучением отечественной истории, этнографии, культуры. Среди них необходимо назвать Д. И. Багалея, П. Н. Буцинского, *Н. Ф. Сумцова, В. Е. Данилевича, В. И. Савву, В. И. Веретенникова, М. В. Клочкова* и других.

Наиболее яркий период в изучении отечественной истории в Харьковском университете дооктябрьского периода связан с именем Д. И. Багалея [29] — ученого прогрессивного направления, сформировавшегося под влиянием известных историков В. Б. Антоновича, В. С. Иконникова, А. М. Лазаревского. Многочисленные исследования Д. И. Багалея в области истории Слободской, Левобережной и Южной Украины XVII—XVIII вв., историографии и источниковедения, археологии и исторической географии насчитывают более 300 публикаций (в том числе учебников, монографий, статей и рецензий) и составляют важный этап в развитии позитивистской историографии истории Украины данного периода.

К осещению отечественной истории Д. И. Багалея подходил с позиций так называемого областничества, сочетавшего признание единства отечественного исторического процесса с географической, этнической и культурно-исторической самобытностью отдельных регионов (областей) России, к числу которых причислялась и Украина. Областничество Д. И. Багалея, при всей условности этого термина, свидетельствовало о попытке ученого преодолеть великодержавную схему отечественной истории С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, правда, одновременно оно затрудняло создание целостной, синтетической концепции истории Украины, поскольку ограничивалось рамками одного или нескольких ее регионов — областей.

Подобный подход к изучению отечественной истории — подчеркнутая аполитичность, стремление спрятать свое мнение за массой фактического материала, отказ от теоретических обобщений отражал не только особенности исторических взглядов самого Д. И. Багалея, но и очерчивал тот предел в трактовке истории Украины, который был положен царской цензурой и переход за который был связан с риском обвинения в политической неблагонадежности.

В центре творчества Д. И. Багалея стояла история Слободской Украины, которой он посвятил свыше ста специальных работ, принесших ему широкое признание. Ученый изучил процесс заселения, социально-экономическую и культурную историю края. Результатом его многолетней работы стала «Історія Слободської України» (1918 г.) [30]. Работы ученого, посвященные местной истории, стали завершением многолетней традиции историко-крае-

ведческих исследований, начавшихся в Харьковском университете в 30—40-х гг. XIX в.

Д. И. Багалея внес большой вклад в изучение истории украинской культуры. Он сумел организовать коллективную работу по изучению истории Харьковского университета путем привлечения к ней представителей всех кафедр и факультетов. В результате этой работы в начале XX в. под редакцией Д. И. Багалея была опубликована целая серия монографических исследований по истории Харьковского университета [1; 7; 9 и др.].

Научная деятельность Д. И. Багалея была тесно связана с учебной и общественно-политической. В университете он с большим успехом читал общие и специальные курсы по истории России и Украины с древнейших времен до середины XVII в., впервые ввел в практику преподавания спецкурсы по историографии и источниковедению, археологии и исторической географии. Под его руководством плодотворно работали над изучением Слобожанщины и Левобережья воспитанники Харьковского университета *Н. Н. Бакай, Д. П. Миллер, М. М. Плохинский, В. А. Барвинский*.

К истории Слободской Украины неоднократно обращались и другие преподаватели Харьковского университета, в частности, пришедшие на кафедру русской истории в качестве приват-доцентов в начале 900-х годов В. Е. Данилевич, В. И. Савва [13, с. 346—348], работавшие в университете ранее профессор кафедры истории русской литературы Н. Ф. Сумцов [13, с. 104—112], искусствовед Е. К. Редин [13, с. 307—311], историки церкви *Т. А. Буткевич, И. А. Бродович* [13, с. 9—11, 301—303]. Их публикации по истории края носили фрагментарный характер, но в целом, вместе с работами Д. И. Багалея, они составляли впечатляющую картину, свидетельствующую о том, что Харьковский университет в конце XIX—начале XX вв. стал подлинным научным центром по изучению истории Слободской Украины.

Многообещающими были и первые работы по истории Левобережной Украины, вышедшие в начале XX ст. из-под пера ученика Д. И. Багалея В. А. Барвинского, оставленного в университете для подготовки к профессорскому званию. Студенческая научная работа В. А. Барвинского «Крестьяне в Левобережной Украине в XVII—XVIII вв.» [31], выполненная в духе прогрессивной буржуазно-либеральной историографии, стала, по мнению советских ученых, шагом вперед в изучении данной темы [32]. В. А. Барвинский впоследствии продолжал изучение социально-экономической истории Левобережной Украины, историографии истории Украины.

Другое тематическое направление исследовательской работы харьковских университетских историков данного периода — история России — представлено именами П. Н. Буцинского, В. И. Саввы, В. И. Веретенникова и М. В. Ключкова.

П. Н. Буцинский — второй, помимо Д. И. Багалея, штатный преподаватель кафедры русской истории, был человеком реакционных, шовинистических убеждений и как ученый и преподаватель явно уступал своему коллеге. Начало своей научной деятельности

он ознаменовал публикацией в 1882 г. монографии «О Богдане Хмельницком», получившей скандальную известность тенденциозной, грубой и ненаучной трактовкой деятельности Б. Хмельницкого [33]. Позднее П. Н. Буцинский перешел к изучению истории Сибири с момента ее заселения, посвятил этой теме ряд монографий [34]; выступал он и с небольшими статьями об истории России конца XVIII—XIX вв.

Исторические взгляды П. Н. Буцинского с самого начала развивались в русле консервативно-охранительной историографии; по своему профессиональному уровню они отставали от требований передовой по тому времени буржуазной исторической науки [35]. Заведомая тенденциозность зачастую сводила на нет выводы и объективные наблюдения П. Н. Буцинского. Так, правильно указывая на глубокие социальные и политические противоречия между простым народом и казацко-старшинской верхушкой на Украине в XVII—XVIII ст., он объяснял их «польским воспитанием» старшины и на этом основании ставил в один ряд Б. Хмельницкого и И. Мазепу [35, с. 132—174]. Тенденциозностью отличались и критические замечания П. Н. Буцинского о злоупотреблениях царской администрации в Сибири.

Тем не менее советские историки отмечают ценность его работ по истории Сибири в плане постановки новых научных проблем и использования богатого архивного материала, подчеркивая в то же время присущие П. Н. Буцинскому шовинистические великодержавные высказывания [36]. В последние годы XIX в.—начале XX в. на кафедре русской истории пришла группа новых преподавателей — выпускников других университетов; из их числа в первую очередь следует выделить В. И. Савву, выпускника Историко-филологического института имени князя Безбородко в Нежине, работавшего на кафедре русской истории Харьковского университета с небольшим перерывом в 1895—1905 гг. и 1909—1917 гг. сначала приват-доцентом, а с 1911 г. — исполняющим обязанности экстраординарного профессора [13, с. 25, 344]. За время работы в Харьковском университете В. И. Саввой было написано около 30 научных работ — монографий, статей, рецензий, посвященных в основном истории государственных учреждений и политико-правовой мысли России конца XV—XVI вв., в особенности — документации Посольского приказа [37]. Ряд ценнейших материалов, собранных историком, не был опубликован и стал достоянием научной общественности лишь в 1983 г. [38]. Далекий от передового общественного движения В. И. Савва не затрагивал проблем, волновавших прогрессивную научную общественность. Он был далек и от методологических исканий, характерных для отечественной российской науки начала XX в. Его исследования касаются конкретной тематики истории России XV—XVI вв. Они отличаются историографической тщательностью, в основе большинства из них лежат архивные документы, в значительной своей части впервые вводимые в научный оборот. Ценность трудов В. И. Саввы — в их фактологической насыщенности.

С 1910 г. на кафедре русской истории начинается работа в качестве приват-доцента *В. И. Веретенникова*, ученика академика *А. С. Лаппо-Данилевского*, выпускника Петербургского университета. После защиты в 1910 г. диссертации на степень магистра русской истории Веретенников становится ведущим преподавателем кафедры, а в 1913 г. избирается Советом историко-филологического факультета ее профессором. За время работы в Харьковском университете Веретенниковым было написано свыше 10 научных работ. Условно их можно разделить на три группы. Первую составляют исследования по истории государственных учреждений России XVIII в. Центральное место среди них занимает магистерская диссертация ученого «История тайной канцелярии петровского времени» [39]. В ней Веретенников восполнил пробел в русской исторической литературе, показав генезис, функции и эволюцию данного института. Продолжением этой темы стала работа «Из истории тайной канцелярии. 1731—1762 гг.» [40]. Здесь автор изучил историю тайной канцелярии при преемниках Петра I. Вторую группу работ Веретенникова составляют статьи, посвященные теоретико-методологическим проблемам исторической науки [41]. И наконец, в третью группу работ вошли небольшие заметки, статьи по истории русского искусства XVIII в. [42].

Изучением истории России периода Павла I занимались два преподавателя кафедры русской истории: приват-доцент *Е. П. Трифильев* и профессор *М. В. Клочков*. В 1904 г. *Е. П. Трифильев* был написан «Очерк из истории крепостного права в России. Царствование императора Павла I» [43]. За эту работу *Е. П. Трифильев* был удостоен звания магистра русской истории. В «Очерке...» показаны волнения крестьян в первый год царствования Павла I, определены территория их распространения, число выступлений, впервые поднят интересный вопрос об участии духовенства в крестьянских волнениях; правда, на страницах «Очерка...» нашел развитие и неверный тезис о благожелательном отношении Павла I к крепостным крестьянам.

На такой точке зрения стоял и *М. В. Клочков* — ученик академика *М. А. Дьяконова*, выпускник Юрьевского университета, а затем приват-доцент Петербургского университета, назначенный в 1914 г., после перехода *В. И. Веретенникова* в Московский университет, экстраординарным профессором на кафедре русской истории Харьковского университета. Ко времени перехода на новую работу *М. В. Клочков* уже был автором 26 научных публикаций, посвященных в основном исследованию истории населения России петровского времени. В Харькове *М. В. Клочковым* была подготовлена и в 1916 г. издана работа «Очерки правительственной деятельности времени Павла I», которая была защищена в Петрограде в качестве докторской диссертации [44].

В этой работе *Клочков* предпринял попытку исследовать правительственную деятельность Павла I, используя новые документальные и архивные материалы. Высшие государственные учреж-

дения, Государственный Совет, Сенат, Синод, Коллегии, должности генерал-прокурора и государственного казначея были описаны ученым обстоятельно, показана их организация, освещен круг деятельности и ее результаты. Впервые в исторической литературе была дана подробная картина правительственного механизма времени Павла I. Но Ключков, как и Трифильев, пытался реабилитировать Павла и подорвать господствовавшее в исторической литературе мнение о необдуманности и бессистемности его мероприятий. Ключков называет их разумными и целенаправленными, вытекающими из цельной продуманной программы. В очерках дан образ едва ли не идеального государя, который попытался найти опору в общественных низах [44, с. 574]. Однако это положение автором не доказано, и корни противоречий в социальной политике Павла I остались не раскрытыми.

В целом же преподавание и изучение отечественной исторической науки в Харьковском университете в конце XIX—XX вв. развивались по восходящей линии. Наиболее значительные успехи в этой области были связаны с изучением проблем, сделавшимися традиционными с середины XIX в.,— истории Харьковского университета, прошлого Слободской Украины. Характерно, что историки, работавшие над изучением истории Украины на рубеже XIX—XX ст., обращались преимущественно к исследованию вопросов культуры, быта, социально-экономических отношений, исторической географии, в то время как их коллеги, занимавшиеся историей России, придерживались более традиционной проблематики, связанной с историей государства.

Подводя итоги, приходится констатировать, что развитие отечественной исторической науки в Харьковском университете до октябрьского периода было неравномерным, прерывистым, испытывавшим периоды подъема (начало XIX в. и рубеж XIX—XX ст.) и спада, что было связано прежде всего с отсутствием преемственности на кафедре русской истории. Ее занимали, как правило, воспитанники других высших учебных заведений (в первую очередь из Киева и Петербурга), приходившие сюда сложившимися учеными и уходившие, зачастую не подготовив себе смены. Это подтверждает вывод В. И. Вернадского о том, что история российской высшей школы «...есть история борьбы за существование, она не есть история мирного развития, а потому в ней нет места для прочной преемственности раз начатого дела. Поэтому исключением, а не правилом является в ней непрерывная работа одной и той же научной школы в течение нескольких научных поколений» [45, с. 70]. Таким исключением, с некоторыми оговорками, можно считать исследования по истории Украины, в первую очередь Слободской, но здесь имелись препятствия другого рода — цензурная политика царского правительства, с подозрением относившегося ко всему украинскому и препятствовавшего открытию в Харьковском университете кафедры истории Украины.

Многие из историков, работавших в Харьковском университете в начале XX ст., после Великой Октябрьской социалистической

революции приняли активное участие в советском культурном строительстве. В их числе Д. И. Багалей, Н. Ф. Сумцов, В. А. Барвинский, В. И. Веретенников. В советское время традицию изучения истории Слободской и Левобережной Украины с успехом продолжила научно-исследовательская кафедра истории Украины, работавшая под руководством Д. И. Багаля.

- Список литературы: 1. Багалей Д. И., Сумцов Н. Ф., Бузескул В. П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Х., 1906. 2. Успенский Г. П. Опыт повествования о древностях русских. Х., 1818. 3. Миллюков П. Главные течения русской исторической мысли. М., 1913. 4. *Reiſe B. Specimen historial Rossorum*. P. I. Chark., 1811). 5. Лавровский Н. А. Опыт русской истории Рейта // ЖМНП. 1873. № 1. 6. Багалей Д. И., Миллер Д. П. История города Харькова за 250 лет его существования. Х., 1912. Т. 2. 7. Ученые общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского университета (1805—1905). Х., 1911. 8. Иконников В. И. Опыт русской историографии. К., 1908. Т. 2, кн. 2. 9. Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Х., 1908. 10. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985. 11. Харьковский госуниверситет. 1805—1980. Исторический очерк. Х., 1980. 12. Де-Пуле М. Ф. Харьковский университет и Д. И. Каченовский: Культурный очерк и воспоминания из 40-х годов // Вестник Европы. 1874. № 1. 13. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Х., 1908. 14. Срезневский В. И. Из первых лет научно-литературной деятельности И. И. Срезневского // ЖМНП. 1898. № 1. 15. Срезневский И. И. Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины со времени ее заселения до преобразования в Харьковскую губернию. Х., 1839. 16. Пинчук Ю. А. Исторические взгляды Н. И. Костомарова: Критический очерк. К., 1984. 17. Грушевский А. С. Из харьковских лет Н. И. Костомарова // ЖМНП. 1908. № 4. 18. Рославский-Петровский А. П. Краткое историко-статистическое обозрение императорского Харьковского университета. Х., 1850; *его же*. Об ученой деятельности императорского Харьковского университета в первое десятилетие его существования // ЖМНП. 1855. № 7. 19. Зернин А. П. О самозванцах: По поводу сочинений Проспера Мериме *Epizode de l'histoire de Russie—Les faux Demetrius* // Библиотека для чтения. 1858. Т. 147; *его же*. Судьба местничества преимущественно при первых двух государях династии Романовых. М., 1862; *его же*. О смутах, бывших в начале царствования Алексея Михайловича // Библиотека для чтения. 1860; 20. *Его же*. [Рецензия] // Библиотека для чтения. 1958. Ноябрь. 1859. Февраль, Июль. Рец. на кн.: Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 1. Спб., 1858; 21. *Его же*. [Рецензия] // Рус. слово. 1859. Сентябрь. Рец. на кн.: Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. СПб., 1859. 22. Пыпин А. Н. История русской этнографии. Спб., 1893. Т. 3. 23. Фойгт К. К. Историко-статистические записки об имп. Харьковском университете и его заведениях от основания университета до 1859 г. Х., 1859. 24. Роммель Х. Пять лет из истории Харьковского университета: Воспоминания о своем времени, о Харькове и о Харьковском университете (1785—1815). Х., 1868. 25. К. И. К истории Харьковского университета // Вестник Европы. 1868. Кн. 12. 26. Лавровский Н. А. Василий Назарович Каразин и открытие Харьковского университета // ЖМНП. 1879. № 1; № 2; *его же*. Эпизод из истории Харьковского университета. М., 1873; *его же*. О сношении Н. М. Карамзина с Харьковским университетом // Рус. архив. 1869. № 12. 27. Лебедев А. С. Харьковский коллегийум как просветительный центр Слободской Украины до учреждения в Харькове университета. Х., 1885; *его же*. Исторические разыскания в южнорусских архивах. М., 1886. Вып. 1—2. 28. Багалей Д. И. Автобиография. К., 1927. 29. Кравченко В. Д. И. Багалей и его вклад в изучение отечественной истории: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 1986. 30. Багалей Д. И. История Слободской Украины. Х., 1918. 31. Барвинский В. А. Крестьяне в Левобережной Украине в XVII—XVIII вв. Х., 1909. 32. Борисенко В. И. Социально-экономический разви-

ток Лівобережної України в другій половині XVII ст. К., 1986; Гуржий А. И. Эволюция феодальных отношений на Левобережной Украине в первой половине XVIII века. К., 1986. 33. Буцинский П. Н. О Богдане Хмельницком. Х., 1882. 34. *Его же*. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Х., 1889; *его же*. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. Х., 1893. 35. *Его же*. Общий курс новой русской истории. Х., б/г. 36. Мирзоев В. Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970; Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI—начало XX вв.). Новосибирск, 1984. 37. Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Х., 1901; *его же*. О посольском приказе в XVI в. Х., 1917. Вып. 1. 38. *Его же*. Дьяки и подьячие. М., 1983. 39. Веретенников В. И. История тайной канцелярии петровского времени. Х., 1910. 40. *Его же*. Из истории тайной канцелярии: 1731—1762: Очерки. Х., 1911. 41. *Его же*. Несколько слов об исторической критике // Сб. Харьк. ист.-филол. о-ва. 1914. Т. 21. 42. *Его же*. Художественная школа в Харькове в XVIII в. // Сб. Харьк. ист.-филол. о-ва. 1911. Т. 12; *его же*. Лампи-отец и его мысли об Академии художеств // Старые годы. 1910. Ноябрь. 43. Трифильев Е. П. Очерк из истории крепостного права в России: Царствование имп. Павла I. Х., 1904. 44. Ключков М. В. Очерки правительственной деятельности времен Павла I. Пг., 1916. 45. Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988.

Поступила в редколлегію 18.11.88

М. З. БЕРДУТА, канд. ист. наук,

В. И. БУЛАХ, канд. ист. наук

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции положила начало перестройке всей социально-экономической, политической, идеологической и культурной жизни страны. Теоретическим фундаментом, методологической основой при изучении проблем истории для советских историков стали труды основоположников марксизма-ленинизма.

Процесс утверждения марксистско-ленинской методологии в советской исторической науке проходил в обстановке острой борьбы с буржуазной и мелкобуржуазной историографией. В условиях Украины интересы развития советской исторической науки требовали решительной борьбы с буржуазной, в первую очередь с буржуазно-националистической историографией.

В столице Украины — Харькове были созданы Комиссия по изучению истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (большевиков) Украины (Истпарт), Институт марксизма, Институт красной профессуры, выходил журнал «Летопись революции». С 1923 г. началось многотомное издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. По решению IX съезда РКП(б) в 1920—1926 гг. было осуществлено первое издание Сочинений В. И. Ленина, а в последующие годы — второе и третье издание, каждое

в тридцати томах. Начались публикации отчетов, бюллетеней, стенограмм, резолюций партийных съездов и конференций, съездов Советов, сессий ЦИК СССР и ВУЦИК, а также документов, которые характеризовали деятельность Совнаркомов СССР и УССР. Вышел в свет ряд статистических документальных сборников о народном хозяйстве, народном образовании и культурном строительстве как в СССР, так и в УССР. Историко-документальные материалы стали систематически публиковать архивные учреждения СССР и УССР, а также Академии наук СССР и УССР.

Развитие исторической науки в Харьковском университете до 1933 г. проходило в сложных условиях глубокой организационной ломки системы высшего образования. С ликвидацией университета в 1921 г. был упразднен и исторический факультет, а дело подготовки исторических кадров перешло к социально-экономическим отделениям (затем факультетам) Института народного образования (ИНО — до 1930 г.), а затем Института профессионального образования (до 1933 г.). Они не давали полноценного специального исторического образования, так как готовили преподавателей обществоведения, а не истории. К тому же их деятельность была оторвана от научно-исследовательской работы в области истории.

Вся исследовательская работа, которую вели харьковские историки, была сосредоточена на кафедрах истории украинской и европейской культуры Института народного образования, в Институте марксизма, в Истпарте, в Укрцентрархиве. Часть преподавателей университета, занимавшихся научной работой в области отечественной истории, вели ее на Научно-исследовательской кафедре (затем — Институте), созданной в 1921 г. в Харькове во главе со старейшим профессором Харьковского университета академиком Д. И. Багалеем. На кафедре работали четыре секции: истории Украины, истории украинского права, истории России, этнографии и краеведения. Эта кафедра подготовила значительное количество аспирантов — специалистов по истории Украины. Ею в течение 1924—1930 гг. было опубликовано 10 томов научных записок и сборников, в которых наряду с историей феодализма до XVIII в. получили освещение также и отдельные важные проблемы классовой борьбы в XIX—начале XX в.

Крупный вклад в исследование дореволюционной истории Украины внес академик Д. И. Багалей, продолжавший преподавательскую деятельность в университете почти до последних лет своей жизни. «История Слободской Украины» Д. И. Багаля, в основном подготовленная еще в дооктябрьский период, вышла в 1918 г. [1]. Научная ценность ее определяется богатством нового фактического материала, относящегося к периоду от заселения Слободской Украины до второй половины XVIII в., а также ранее неизвестными данными о самоуправлении, социальном строе и экономике Слобожанщины, органических исторических связях украинского и русского народов. Под редакцией, с пред-

словием и замечаниями Д. И. Багалея в 1922 г. переиздана на украинском языке книга А. Я. Ефименко «История украинского народа» [2]. Девятая глава этой книги, посвященная истории Украины второй половины XIX—начала XX вв., написана Д. И. Багалеем. Интересно, что никогда раньше ученый этим периодом не занимался. С другой стороны, Д. И. Багалея здесь впервые выступил как историк всей Украины, а не только Слобожанщины. Проблематика истории Украины XVII—XVIII вв. в аспекте освещения историографии и общественно-политической мысли нашла отражение в таких работах Д. И. Багалея, как «Нарис української історіографії» и «Мандрований філософ Г. Сковорода» [1].

В 1928 г. вышла последняя работа Д. И. Багалея «Нарис історії України на соціально-економічному ґрунті», в которой он сделал попытку создать синтетический труд по истории Украины на основе марксистско-ленинской методологии, но потерпел неудачу, так как не разобрался в различии исторического материализма и вульгарного экономического материализма, но именно последний положил в основу своего исследования [1].

Работавшие вместе с Д. И. Багалеем старейшие профессора университета Н. А. Максимейко и В. И. Веретенников в советское время выступили с рядом статей. Н. А. Максимейко продолжал заниматься изучением социальных отношений в Древнерусском государстве по «Русской правде». Среди сотрудников Д. И. Багалея, преподававших в университете до середины 30-х годов, следует отметить также научную деятельность Н. И. Мирзы-Авакяну. В ее работах «Селянські рухи 1902 року на Полтавщині та Харківщині», «Селянські рухи на Україні 1905—1907 рр.» и др. содержится большой и новый материал о классовой и революционной борьбе на Украине в начале XX в. и в годы первой русской революции [3].

К концу 20-х годов в ходе становления советской исторической науки на Украине сформировались кадры молодых историков-марксистов. Среди них были и преподаватели институтов, возникших на базе Харьковского университета. Одним из наиболее талантливых был Н. Е. Редин. В числе первых он начал исследовать историю гражданской войны на Украине. В работах о всеукраинской железнодорожной забастовке в 1918 г. Н. Е. Редин, опираясь на большой исторический материал, глубоко вскрыл расстановку классовых сил на Украине в тот период, политический характер и значение забастовки [4]. Он впервые дал глубокий марксистский анализ так называемой «киртовщины». Под таким названием известно необычное явление в истории гражданской войны, сущность которого сводится к попытке денкинского режима создать контрреволюционную организацию из рабочих. Н. Е. Редин в своей работе приходит к выводу о том, что киртовщина была провалившейся попыткой насадить социал-фашизм в рабочем движении.

В 1930 г. Н. Е. Редин выступил с работой методологического характера, посвященной изучению ленинского учения о двух ти-

пах развития капитализма в сельском хозяйстве России [Там же]. Выход такой работы в тот период имел исключительно важное значение. Она знакомила широкие круги читателей с важнейшими ленинскими положениями о путях развития капитализма в России и ленинской теорией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Правда, в работе имелись и некоторые недостатки. В частности, автор допустил серьезную ошибку, заявляя, что накануне революции 1905 г. В. И. Ленин не имел достаточно четкого представления о двух возможных путях развития капитализма в сельском хозяйстве.

Среди преподавателей ИНО значительную исследовательскую работу вели также *А. Козаченко, Г. Карпенко, Т. Скубицкий, М. Свидзинский* и др. Так, А. Козаченко написал ряд оригинальных работ, посвященных различным эпохам и проблемам, в том числе и такой сложной, как история украинской культуры [5]. Г. Карпенко исследовал крестьянское движение на Киевщине в 1918 г., направленное против националистической, белогвардейской контрреволюции и германских оккупантов [6]. Работы Т. Скубицкого и М. Свидзинского явились первой попыткой марксистского исследования рабочего движения на Украине [7].

Таким образом, еще в период становления и первого этапа развития советской исторической науки историки Харьковского университета внесли определенный вклад в изучение отечественной истории. Конечно, в их работах имелись недостатки методологического характера. Сказывалось и отсутствие у молодых историков достаточного опыта исследовательской работы.

В 1933 г. Харьковский университет был восстановлен. В числе других факультетов университета был организован и исторический, а в его составе — кафедра истории СССР и УССР. Создание кафедры, которая, как и предусматривалось постановлением ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах», должна была отныне стать центром не только учебно-методической, но и научной работы, создавало более благоприятные условия для исследовательской работы в области отечественной истории [8].

Нормальному, плодотворному разворачиванию научной работы на кафедре в это время мешали многие причины: продолжавшиеся еще ряд лет реорганизации факультета и кафедры, текучесть ее состава, хроническая неукомплектованность кадрами, перегрузка сотрудников учебными и общественными поручениями, недостаточная упорядоченность документальной базы архивных учреждений. Пагубно сказывалось на научной работе кафедры, как и всей исторической науки, тормозящее влияние захлестнувшего уже к этому времени партию и страну культа личности Сталина.

Однако научная работа на кафедре не останавливалась. В 1939 г. историки факультета выпустили первый том «Ученых записок исторического факультета». В нем были опубликованы и две статьи членов кафедры истории СССР и УССР: *И. Д. Бойко* «До питання про приєднання України до Росії в 1654 р.» и

Д. А. Введенского «К истории образования Новгородской республики» [9]. Накануне Великой Отечественной войны успешно защитили кандидатские диссертации И. Д. Бойко («Крестьянское движение на Украине в период польского восстания 1863—1864 годов») и Ф. Ф. Ковтун («Крестьянское движение в Харьковской губернии в связи с реформой 1861 года»). К 135-летию Харьковского университета сотрудниками кафедры И. Д. Бойко и С. М. Короливским были написаны краткие очерки по истории Харьковского государственного университета им. А. М. Горького [10].

В годы Великой Отечественной войны, когда Харьковский университет находился в г. Кызыл-Орде Казахской ССР, в научной работе кафедры истории СССР и УССР основное место занимали научно-популярные работы, связанные с героической борьбой народов России с иностранными интервентами в прошлом, внутренней и внешней контрреволюцией и иностранной военной интервенцией. Так, в 1941 г. И. Д. Бойко выпустил брошюру «Польша под сапогом Гитлера», а С. М. Короливский — «Разгром немецких псов-рыцарей». Последняя затем была переведена на немецкий язык и переброшена за линию фронта. Тогда же С. М. Короливский опубликовал в «Литературному журналі» статью «Разгром немецких оккупантов на Украине в 1918 году». В 1944 году С. М. Короливский защитил кандидатскую диссертацию «Харьковский государственный университет им. А. М. Горького в годы Советской власти (1917—1940)». После возвращения университета в Харьков кандидатскую диссертацию о комнезах Украины в 1920 году защитил А. Г. Слюсарский (1945 г.).

Более интенсивно научно-исследовательская работа кафедры истории СССР и УССР развернулась в первое послевоенное десятилетие. Условия для ее проведения в это время заметно улучшились. Кафедра увеличилась численно, появилась аспирантура, было возобновлено издание «Ученых записок», второй том которых под названием «Труды историчного факультету» вышел в свет в 1952 г. Впервые за всю историю кафедра начала планировать свою исследовательскую работу, положив в основу изучение таких важнейших проблем, как победа Великой Октябрьской социалистической революции на Украине, героическая борьба трудящихся Украины с внутренней и внешней контрреволюцией в годы гражданской войны и иностранной военной интервенцией и укрепление Советской власти на Украине, социалистическое строительство на Украине в довоенный период, главным образом, на этапе борьбы за построение фундамента социалистического общества в 1921—1932 гг. В разработку этой тематики был включен почти весь коллектив кафедры, в том числе и аспиранты. Кафедре с 1945 г. возглавлял доцент С. М. Короливский. Он исследовал влияние русских пролетарских центров на революционную борьбу трудящихся Украины в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции, созыва и работы первого съезда Советов Украины, братскую помощь великого русского народа

украинскому народу в борьбе за установление Советской власти на Украине. Разгрому украинской буржуазно-националистической Директории и восстановлению Советской власти на Украине в конце 1918—начале 1919 гг. была посвящена кандидатская диссертация *И. К. Рыбалки*. В 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию *Н. К. Колесник* («Восстановление и укрепление Советской власти на Украине в 1919—1920 гг.»). Интересные статьи о колхозном строительстве на Украине в период гражданской войны написал доцент *И. Л. Шерман*. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию о борьбе рабочего класса и трудящегося крестьянства Украины за хлеб в 1920 г. аспирант *В. П. Шило*.

Все больше внимания члены кафедры истории СССР и УССР в этот период начинают уделять вопросам социалистического строительства. Вышли в свет статьи *К. К. Шияна* о помощи великого русского народа украинскому народу в восстановлении промышленности Донбасса в период передышки 1920 г. и деятельности рабочих Донбасса по восстановлению каменноугольной промышленности и *И. Л. Шермана* о роли машинно-тракторных станций в коллективизации сельского хозяйства Украины; были защищены кандидатские диссертации: *В. Г. Лысенко* о вкладе рабочих Харькова в социалистическую индустриализацию страны в период первой пятилетки (1951 г.), *В. Н. Довгополом* о роли рабочих Донбасса в увеличении добычи угля в 1928—1929 гг. (1953 г.), *А. И. Эпштейном* о борьбе рабочих машиностроительной промышленности за выполнение первого пятилетнего плана (1953 г.), *А. П. Виноградовым* о трудовом и политическом подъеме горняков Криворожского железорудного бассейна в 1929 году (1954 г.), *В. П. Терентьевым* о подготовке инженерно-технических кадров на Украине в годы первой пятилетки (для тяжелой промышленности) (1955 г.).

Группа членов кафедры (*В. Н. Довгопол*, *Н. К. Колесник*, *Ю. Ю. Кондуфор*, *И. К. Рыбалка*, *А. Г. Слюсарский*) занимались изучением вопросов, связанных с празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией. В 1954 г. вышел третий том «Трудов исторического факультета» под названием «Збірник наукових робіт, присвячених 300-річчю возз'єднання України з Росією». Тогда же были опубликованы брошюра *К. К. Шияна* «Селянство — основна і вирішальна сила визвольної війни українського народу (1648—1654 рр.)» и монография *А. Г. Слюсарского* «Слобідська Україна», в которой автор дал обзор экономики, культуры и классовой борьбы на Слобожанщине в XVII в.

Определенное внимание в тот период члены кафедры истории СССР и УССР уделили вопросам первой буржуазно-демократической революции в России. К 50-летию этого события (1955 г.) вышла книга *В. А. Астахова* и *Ю. Ю. Кондуфора* «Революционные события 1905—1907 гг. в Харькове и Харьковской губернии», две статьи *Б. М. Барак* «Загальний політичний страйк 1905 р. в Харкові» и «Грудневе збройне повстання в 1905 р. в Харкові».

В течение ряда лет члены кафедры трудились над написа-

нием истории Харьковского государственного университета им. А. М. Горького. В результате была подготовлена монография «Харьковский университет им. А. М. Горького за 150 лет» (1955 г.) [11]. В ее написании принимали участие шесть членов кафедры — А. Г. Слюсарский, В. И. Астахов, И. Я. Мирошников, Б. М. Барак, С. М. Короливский, Н. К. Колесник. Начальному периоду работы университета посвящены работы А. Г. Слюсарского «Василий Назарович Каразин» и «В. Н. Каразин. Его научная и общественная деятельность» (1955 г.)

Члены кафедры истории СССР и УССР внесли большой вклад в советскую историческую науку. Были разработаны многие актуальные проблемы, привлечен большой, в основном архивный материал. Однако нельзя игнорировать отрицательное влияние культа личности Сталина, в результате чего не все события получили объективное освещение.

Исторические решения XX съезда КПСС ознаменовали крутой перелом в развитии советской исторической науки, оказали благотворное влияние на изучение отечественной истории. Ученые получили доступ ко многим ранее закрытым архивным фондам, благодаря чему расширилась источниковая база. Установились более тесные связи и сотрудничество с Институтом истории АН УССР и Институтом истории партии при ЦК Компартии Украины. Из кафедры истории СССР, которой по-прежнему руководил профессор С. М. Короливский, выделились и стали самостоятельными кафедрами истории Украинской ССР (заведующий проф. И. К. Рыбалка) (1957 г.), кафедра историографии и вспомогательных исторических дисциплин (заведующий проф. В. И. Астахов) (1964 г.).

Преподаватели кафедр истории СССР и УССР по-прежнему уделяли большое внимание исследованию важнейшей проблемы героической борьбы украинского народа за Советскую власть. В связи с 40-летием победы Великого Октября был подготовлен и издан юбилейный сборник трудов исторического факультета (1957 г.). Статьи С. М. Короливского, А. Г. Слюсарского, И. К. Рыбалки, Н. К. Колесника, В. Н. Довгопола, И. Л. Шермана были посвящены вопросам борьбы украинского народа за установление Советской власти. В статьях В. И. Астахова, Б. М. Барак, В. Г. Лысенко, К. К. Шияна, М. А. Литвиненко, П. И. Гарчева, В. Е. Тычины показаны различные аспекты борьбы за власть Советов на местах — в Харькове, Екатеринославе, Одессе, на Черниговщине. Особое внимание уделено изучению деятельности большевистской организации и Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов, ходу борьбы за победу Советской власти в Харькове.

Плодотворно продолжал работать над изучением истории Великого Октября на Украине С. М. Короливский. Ему принадлежит свыше 50 научных работ, посвященных этой проблеме. В его трудах исследуются важнейшие и наиболее сложные вопросы Великой Октябрьской социалистической революции на Украине: событие в целом, его предпосылки, периодизация и общность с со-

бытиями, происходящими в стране, их своеобразие в условиях Украины; роль Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина в революции на Украине; Советы, их роль и значение; украинское национальное движение и его место в революции; процесс образования и становления Украинского Советского государства, его характер и взаимоотношения с Российской Социалистической Советской Республикой и другие. К наиболее важным работам С. М. Короливского относятся «Первый съезд Советов Украины» [12], разделы в фундаментальном исследовании «Победа Советской власти на Украине» [13], удостоенной в 1969 г. Государственной премии УССР. За время своей научной деятельности С. М. Короливский опубликовал около 100 научных и научно-популярных работ, вышедших как отдельными изданиями, так и в виде статей в журналах, газетах, ученых записках, различного рода сборниках и т. п. Под его редакцией вышли монографии, учебные пособия, сборники статей и археографические сборники. За успехи в науке и большую педагогическую деятельность С. М. Короливский был награжден орденом Ленина, удостоен Государственной премии УССР.

Исследованием борьбы Красной гвардии Украины за установление Советской власти занимался П. И. Гарчев. Им были опубликованы ряд статей, брошюра «Червона гвардія на Сумщині» и монография «Червона гвардія України у Жовтневій революції». П. И. Гарчев поставил ряд новых вопросов, которые прежде не освещались или освещались поверхностно. В частности, им изучались вопросы деятельности рабочей милиции и Красной гвардии в период двоевластия, показаны состояние вооружения Красной гвардии в период подготовки вооруженного восстания, прослежена работа красногвардейских штабов и борьба Красной гвардии с контрреволюцией, организация Красной гвардии Украины и ее деятельность в ноябре—декабре 1917 г.; впервые подсчитана общая численность советских отрядов и количество оружия, полученного из Советской России для борьбы с Центральной радой и Калединым в январе 1918 г. [14].

Среди исследований, освещающих борьбу рабочих Харькова за победу Советской власти, важное место занимают работы В. И. Астахова и Ю. Ю. Кондуфора, в первую очередь их совместно написанные монографии [15]. В этих работах обстоятельно и последовательно показано, как пролетариат Харькова под руководством большевистской партийной организации боролся за установление власти Советов. Опубликовал ряд статей и защитил кандидатскую диссертацию о I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов В. В. Лантух. К работам по истории Октябрьской революции на Украине примыкает и оригинальная статья И. К. Рыбалки «Рабочий класс Украины на выборах во Всероссийское и Всеукраинское Учредительные собрания» [16], в которой впервые в советской историографии были приведены подсчеты итогов выборов по крупнейшим промышленным центрам и районам Украины.

Широко исследуется на историческом факультете ХГУ гражданская война на Украине 1919—1920 гг. Вопросами борьбы трудящихся против немецких оккупантов и внутренней контрреволюции за восстановление власти Советов на Украине в 1918 г. занимался *В. Е. Тычина*. В ряде статей и монографий автор акцентировал внимание на организации весной 1918 г. обороны северного Левобережья от наступающих немецких войск, формировании первых регулярных частей Красной Армии на Украине, образовании правительственного центра, августовском вооруженном восстании против немецких оккупантов и гетьманщины и др. [17].

Борьбу за восстановление Советской власти и социалистическое строительство на Украине в ноябре 1918—августе 1919 гг. исследовал И. К. Рыбалка. В монографиях «Восстановление Советской власти на Украине (1918—1919)», «Разгром буржуазно-националистической Директории на Украине», «Аграрные преобразования на Украине в период гражданской войны (1919 г.)» [16], в двух главах второго тома трехтомного труда «Украинская ССР в период гражданской войны (1917—1920 гг.)», изданного к 50-летию Октябрьской революции Институтом истории партии ЦК КП Украины, в главе, напечатанной в пятом томе многотомной «Истории Украинской ССР», выпущенной Институтом истории АН УССР, в ряде научных статей им обстоятельно охарактеризована борьба трудящихся Украины под руководством Коммунистической партии против немецко-австрийских оккупантов и буржуазно-националистической Директории, впервые в советской историографии изучен процесс восстановления центральных и местных органов Советской власти на Украине в конце 1918—первой половине 1919 гг., показана борьба за их укрепление, уяснены особенности политики военного коммунизма, освещено социалистическое строительство в 1919 г. Монография И. К. Рыбалки об аграрной политике Советской власти и аграрных преобразованиях на Украине в 1919 г. является первым специальным исследованием данной проблемы.

В брошюре «В. И. Ленин и Украина» (1969 г.) и ряде статей И. К. Рыбалка на основе большого конкретно-исторического материала показал роль В. И. Ленина в жизни и судьбах украинского народа, а также борьбу трудящихся УССР за выполнение ленинских заветов. В последние годы И. К. Рыбалка исследует характер изменений социально-классовой структуры общества на Украине в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917—1920 гг.). Им опубликованы три статьи в «Українському історичному журналі», глава в «Очерках развития социально-классовой структуры УССР. 1917—1937», изданной Институтом истории АН УССР в 1987 г. Под руководством и с вступительными статьями И. К. Рыбалки изданы первая книга первого тома сборника документов «Гражданская война на Украине. 1918—1920 гг.», сборник документов «Борьба трудящихся Харьковщины за построение фундамента социалистической экономики (1926—1932 гг.)», «Комитеты незаможных селян Украины. 1920—

1933 гг.», «Харьковщина в период гражданской войны и иностранной военной интервенции 1918—1920 гг.», а также книга «Харьковский университет. Очерки истории (1805—1980)», изданная к 175-летию Харьковского университета. И. К. Рыбалкой подготовлены и изданы два тома (второй том совместно с В. Н. Довгополом) учебника для студентов исторических факультетов вузов по истории Украинской ССР с древнейших времен до наших дней, который был удостоен Государственной премии УССР.

События гражданской войны на Украине в конце 1919—1920 гг. отражены в нескольких статьях, трех главах (две главы в соавторстве с В. И. Петровым) третьего тома «Украинская ССР в период гражданской войны (1917—1920 гг.)» и специальной монографии «Восстановление и укрепление Советской власти на Украине в 1919—1920 гг.» Н. К. Колесника [18]. Советскому строительству на Украине в 1919 г. посвящены ряд статей и кандидатская диссертация С. А. Наумова. Две статьи об организации и деятельности комбедов на Украине в 1919 г. опубликовал А. Г. Слюсарский. Развитию федеративных отношений между УССР и РСФСР в 1918—1920 гг. посвящена статья В. И. Булаха.

Много внимания уделяли ученые факультета истории Украинской ССР в период восстановления народного хозяйства и строительства социализма. Плодотворно в этой области работал К. К. Шиян. В монографии «Борьба рабочего класса Украины за восстановление промышленности в 1921—1925 гг.» и ряде статей глубоко исследованы переход к нэпу и перестройка в связи с этим партийных организаций, государственного аппарата и профсоюзов, борьба рабочих за повышение производительности труда, преодоление кризиса сбыта в 1923 г., восстановление промышленных предприятий, положение рабочего класса УССР к концу восстановительного периода и др. [19]. Восстановлению народного хозяйства посвящена также глава, подготовленная К. К. Шияном для книги по истории народного хозяйства Украины, изданной Институтом экономики АН УССР к 50-летию Октябрьской революции. В соавторстве с А. Я. Островским К. К. Шиян написал интересную книгу о прошлом и настоящем сел Харьковщины [20].

Истории рабочего класса Украины в восстановительный период посвящены и работы А. Е. Кучера. В монографии «Борьба рабочих Украины за восстановление тяжелой промышленности после гражданской войны» и ряде статей исследованы формы и методы вовлечения рабочих УССР в активную производственную и общественно-политическую деятельность, благодаря чему в республике в короткий срок были преодолены хозяйственные и политические трудности, успешно восстановлены все отрасли тяжелой промышленности. Большой интерес представляет монография А. Е. Кучера «Разгром вооруженной внутренней контрреволюции на Украине в 1921—1923 гг.» [21]. В ней рассмотрены вопросы участия местных партийных комитетов и Советов в организации борьбы против политического бандализма, роль Красной Армии, ВУЧК, милиции, комсомола, отрядов комнезамов. Ряд статей

А. Е. Кучера посвящены проблемам нэпа. Он принял участие в коллективных монографиях по истории Харьковской областной партийной организации, истории комсомола Харьковщины, истории Харьковского университета. Всего им опубликовано более 80 работ.

Восстановление каменноугольной промышленности и повышение производительности труда рабочих Донбасса на последнем этапе гражданской войны и в первые годы после нее стали предметом исследования М. А. Литвиненко. Ей же принадлежит историко-биографический очерк о героине гражданской войны большевичке Анне Хоперской [22].

Аграрную политику на Украине в 1921—1925 гг. изучает Б. К. Мигаль. В монографии «Осуществление аграрной политики на Украине в восстановительный период (1921—1925 гг.)» и многочисленных статьях глубоко раскрыты сущность и основные направления аграрной политики в условиях завершавшейся аграрной революции, перехода к нэпу и социалистических преобразований украинской деревни [28]. Революционным аграрным преобразованиям на Левобережной Украине в 1919—1923 гг. посвящены статьи и кандидатская диссертация В. В. Калиниченко. Ряд статей о колхозном строительстве на Украине в 20-е годы опубликовала В. И. Бутенко. Привлечению буржуазной интеллигенции к социалистическому строительству в Украинской ССР в 1917—1925 гг. посвящены статьи и кандидатская диссертация В. П. Литвиновой. Деятельность Советов Харьковщины в период восстановления народного хозяйства нашла отражение в статьях и кандидатской диссертации В. М. Духопельникова [24].

Проблемами истории УССР в период первых лет индустриализации и социалистического строительства занимались И. Л. Шерман, В. Н. Довгопол, В. Г. Лысенко, Б. М. Барак, Т. Л. Степаненко, В. И. Булах. Так, И. Л. Шерман в соавторстве с Н. Ф. Шевченко предпринял попытку комплексно исследовать итоги социалистического строительства на Украине в первое десятилетие Советской власти [25]. Его перу принадлежат статьи об организационно-хозяйственном развитии колхозов в 1927—1928 гг. и об истории борьбы рабочих Харькова за социалистическую индустриализацию. Значительный вклад в изучение истории рабочего класса Украины в первые годы социалистической индустриализации внес В. Н. Довгопол. Он опубликовал ряд работ по этой теме. Среди них следует отметить монографию «Рабочий класс Украины в годы социалистической индустриализации (1926—1929 гг.)» [26], в которой особое внимание уделил созданию материально-технической базы социализма, росту и консолидации рабочего класса, его трудовой и общественно-политической активности.

Статьи В. Г. Лысенко посвящены первой пятилетке на Украине, разработке пятилетнего плана развития народного хозяйства Украины, организации социалистического соревнования на машиностроительных заводах, производственно-техническому обучению

рабочих Украины. Ею написана глава для «Очерков истории ХТЗ». Б. М. Барак сосредоточила свое внимание на вопросах укрепления союза рабочего класса с крестьянством в годы первой пятилетки. По истории рабочего класса Украины в годы второй пятилетки защитила кандидатскую диссертацию Т. Л. Степаненко. Деятельности Советов Украины по социалистической реконструкции сельского хозяйства в 1926—1932 гг. посвящены работы В. И. Булаха.

Сотрудники кафедр истории СССР и УССР изучали и ряд других важных вопросов истории досоветского периода и советского общества. Опубликовали работы и защитили кандидатские диссертации о деятельности рабочего класса Украинской ССР по ускорению научно-технического прогресса в годы восьмой пятилетки В. В. Тимофеев, о деятельности профсоюзов УССР по улучшению условий труда и быта рабочего класса в годы восьмой и девятой пятилеток А. В. Скоробагатов, об организационно-хозяйственном укреплении колхозов в 1956—1959 гг. В. И. Булах. М. З. Бердута опубликовал ряд статей о деятельности Советов Украины в 60—80-е годы. В. И. Астахов и А. Е. Кучер приняли участие в написании очерков истории Харьковской областной партийной организации. Под руководством А. Е. Кучера была подготовлена книга об истории комсомольской организации ХГУ. В. Н. Довгопол, А. Е. Кучер, С. М. Короливский, Б. К. Мигаль, И. К. Рыбалка, А. Г. Слюсарский, Б. М. Барак, В. И. Булах, Ю. А. Голубкин, Ю. И. Журавский, Б. П. Зайцев, В. В. Лантух, В. П. Литвинова участвовали в написании юбилейного исторического очерка «Харьковский государственный университет. 1805—1980».

А. Г. Слюсарский продолжал исследование Слободской Украины. В 1964 году он опубликовал монографию «Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII—XVIII веков», в которой прослеживается длительный и сложный процесс заселения края, развития земледелия, промышленности, торговли, постепенное вовлечение Слобожанщины в товарно-денежные отношения, подробно рассмотрены возникновение феодального землевладения, формирование местного дворянства, закрепощение крестьянско-казацких масс. Эволюции земельных отношений на Левобережной Украине в конце XIX—начале XX вв. посвятил свои статьи и кандидатскую диссертацию А. М. Авраменко.

Таким образом, преподаватели кафедр истории СССР и УССР ХГУ вносят посильный вклад в исследование отечественной истории, в первую очередь истории Украины. Необходимо подчеркнуть, что невозможно однозначно оценить все опубликованные работы: в них нашли отражение не только сильные, но и слабые стороны советской исторической науки. Последние связаны прежде всего с периодом культа личности и застойными явлениями 60-х—начала 80-х гг. Курс на революционное обновление советского общества предопределяет усиление интереса историков к предпосылкам и истокам осуществляемой в стране перестройки. Требуется всестороннее освещение жизни страны в годы довоенных пяти-

леток и последующие десятилетия, процесс развертывания НТР, изменения в социальной структуре советского общества, культурные процессы и т. д. Следует совместными усилиями выявить до сих пор не исследованные «белые пятна» в изучении отдельных периодов и проблем истории нашего многонационального государства. Утверждение принципов социалистической демократии обязывает обновить как тематику публикаций по истории советского общества, так и сам подход к анализу исторических событий.

Список літератури: 1. Багалій Д. І. Історія Слобідської України. Х., 1918; *його ж.* Нарис української історіографії. Т. І, вип. 1—2. К., 1923—1925; *його ж.* Мандрований філософ Г. Сковорода. К., 1926; *його ж.* Нарис історії України на соціально-економічному ґрунті. Т. 1. Х., 1928. 2. Єфіменко О. Я. Історія українського народу. Х., 1922. 3. Мірза-Авакянц Н. І. Селянські рухи 1902 року на Полтавщині та Харківщині. К., 1926; *її ж.* Селянські рухи на Україні 1905—1907 рр. Х., 1925. 4. Редін М. Є. До історії Всеукраїнського залізничного страйку 1918 р. // Літопис революції. 1928. № 5—6; *його ж.* Всеукраїнський страйк залізничників в 1918 р. Х., 1929; *його ж.* Легенда про кірстовщину // Літопис революції. 1931. № 1—2. 5. Козаченко А. Нариси з історії революції 1905—1907 рр. // Наук. зап. Харк. наук.-досл. каф. Укр. культури. 1927. № 5—7; *його ж.* Бібліотечна статистика (спроба методології). К., 1929; *його ж.* Минуле книги на Україні: Істор. нарис. Х., 1930; *його ж.* Українська культура, її минулисть і сучасність. Х., 1931. 6. Карпенко Г. Селянський рух на Київщині за часів гетьманщини // Літопис революції. 1929. № 3; *його ж.* Селянський рух на Київщині за часів австро-германської окупації та гетьманщини // Літопис революції. 1931. № 1—2. 7. Свідзінський М. Боротьба робітників ХПЗ за Жовтень // Літопис революції. 1932. № 3—4; *його ж.* Робітництво ХПЗ в боротьбі за зміцнення диктатури пролетаріату // Літопис революції. 1932. № 5—6; Скубицький Т. Рабочее движение на Днепровском заводе (1895—1905) // Літопис революції. 1926. № 6. 8. СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 671. 9. Ученые записки исторического факультета, т. 1. К., 1939. 10. Короткі нариси з історії Харківського державного університету ім. О. М. Горького. Ювілейне видання. 1805—1940. Х., 1940. 11. Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. Х., 1955. 12. Королівський С. М. Перший з'їзд Рад України. К., 1957. 13. Королівський С. М., Рубач Н. А., Супруненко Н. І. Победа Советской власти на Украине М., 1967. 14. Гарчев П. І. Червона гвардія на Сумщині. Суми, 1957; *його ж.* Червона гвардія у Жовтневій революції. Х., 1960; *його ж.* Збройна допомога російському народу трудящим України в боротьбі проти Центральної ради і Каледіна (грудень 1917—січень 1918 рр.) / УІЖ. 1966. № 11. 15. Астахов В. И., Кондуфор Ю. Ю. Пролетариат Харькова в борьбе за победу Октября. Х., 1957; *их же.* Пролетариат Харькова в трех революциях. К., 1959. 16. Рибалка І. К. Відновлення Радянської влади на Україні (1918—1919 рр.). Х., 1957; *його ж.* Розгром буржуазно-націоналістичної Директорії на Україні. Х., 1962; *його ж.* Аграрні перетворення на Україні в період громадянської війни (1919 р.). Х., 1967; *його ж.* Робочий клас України на виборах во Всероссийское и Всеукраинское Учредительные собрания // Історія СССР. 1965. № 1. 17. Тишина В. Є. Боротьба проти німецьких окупантів на Чернігівщині у 1918 р. Х., 1959; *його ж.* Боротьба проти німецьких окупантів і внутрішньої контрреволюції на Україні у 1918 р. Х., 1969. 18. Колісник М. К. Відновлення і зміцнення Радянської влади на Україні у 1919—1920 рр. Х., 1958. 19. Шиян К. К. Боротьба робітничого класу України за відбудову промисловості (1921—1925 гг.). К., 1959. 20. Шиян К. К., Островський О. Я. Минуле і сучасне села. Х., 1963. 21. Кучер О. О. Боротьба робітників України за відбудову важкої промисловості після громадянської війни. Х., 1959; *його ж.* Розгром збройної контрреволюції на Україні в 1921—1923 рр. Х., 1971. 22. Литвиненко М. А. Боротьба шахтарів Донбасу за відбудову кам'яно-вугільної промисловості в період переходу до непу. (1921—1922 р.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1953; *її ж.* Ганна Хоперська. Історико-біографічний нарис. Х., 1964. 23. Мигаль Б. К. Здійснення аграрної політики на Україні у відбудовний

період (1921—1925 рр.). Х., 1974. 24. *Калиниченко В. В.* Аграрные преобразования на Левобережной Украине (конец 1919—1923 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1981; *Бутенко В. И.* Колхозное движение на Украине в 1921—1929 гг. в советской историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1971; *Литвинова В. П.* Борьба за привлечение дореволюционной технической интеллигенции к социалистическому строительству в Украинской ССР (1917—1925): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1970; *Духопельников В. М.* Деятельность Советов Харьковщины в 1921—1925 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1980. 25. *Шевченко Н. Ф., Шерман И. Л.* Итоги первого десятилетия социалистического строительства на Украине. Х., 1957. 26. *Довгопол В. М.* Робітничий клас України в роки соціалістичної індустріалізації (1926—1929 рр.). Х., 1971.
Поступила в редколлегию 16.11.88

В. И. КАДЕЕВ, д-р ист. наук,
В. А. ЛАТЫШЕВА, канд. ист. наук,
В. Ф. МЕЩЕРЯКОВ, канд. ист. наук,
И. П. СЕРГЕЕВ, канд. ист. наук

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ И АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1805—1990 гг.)

Становление истории древнего мира как науки в Харьковском университете относится ко времени, когда Россия переживала значительные социально-экономические и культурные изменения. Эти изменения были обусловлены и процессами внутреннего развития, связанными с кризисом феодально-крепостнических отношений и эволюцией капиталистических, и влиянием извне. Наряду с изучением отечественной истории в университете возрастал интерес ко всеобщей истории, в частности истории древнего мира. Однако в первые годы существования университета не хватало преподавателей, особенно отечественных [2, с. 6]. Лекции по древней истории читал на немецком языке А. Г. Рейниш (до 1811 г.), затем один год Б. О. Рейт, а потом воспитанник Харьковского университета — Д. Г. Адамович (до 1818 г.) [1]. До середины 30-х годов была вакантной кафедра восточных языков, на которой в соответствии с уставом 1804 г. предполагалось сосредоточить исследование проблем востоковедения [3, с. 68].

Одним из первых историков древнего мира в Харьковском университете можно считать его ректора — *Ивана Степановича Рижского* (1805—1811)*. Наряду с проблемами русской словесности, он занимался историей и археологией Северного Причерноморья. В 1807 г. И. С. Рижский провел обследование древнегреческого города Ольвии: собрал археологические материалы, описал состояние античного городища и снял копии нескольких надписей. Все это было зафиксировано в «Отчете проф. Рижского об археологических открытиях, совершенных им в 1807 г., во время визитации училищ в Новороссии», а находки доставлены в университет [4, с. 6—8].

* Здесь и далее в скобках указываются годы работы в университете.

Первые научные исследования и публикации по древней истории в Харьковском университете относятся к 20—30-м годам XIX в. и связаны с именами И. Я. Кронеберга, В. Ф. Цыха и М. М. Лунина.

Иван Яковлевич Кронеберг (1818—1838), филолог-классик, получил известность переводами римских авторов. Кроме того, он составил интересное пособие по римским древностям (на латинском языке), посвященное топографии Рима, государственному управлению, суду и военному делу [5, с. 169—170]. Публиковал он и статьи, представлявшие собой переводы трудов зарубежных антиковедов, например «О изобилии произведений пластического искусства у греков и о причинах оного» [6, с. 103—126]. Были у И. Я. Кронеберга работы по истории Рима и Карфагена, носившие популярный характер [6, с. 1—12; 7, с. 317—338].

Воспитанник Харьковского университета *Владимир Францевич Цых* был приглашен в университет преподавать всеобщую историю в 1831 г. До него лекционный курс по всеобщей истории читал проф. Е. М. Филомафитский, ничем не проявивший себя ни в преподавании, ни в науке. Лекции же В. Ф. Цыха, написанные на основе исследования исторических источников, слушались с восторгом. В магистерской диссертации «Об улучшении способа преподавания истории» (1833 г.) В. Ф. Цых изложил собственные теоретические взгляды на историю, которые он назвал «фактическими». Для того времени они были, несомненно, прогрессивными. Но, признавая важность исторических источников, ученый еще не вполне понимал необходимость их критического изучения и считал возможным передавать факты с максимальным приближением и даже сохранением стиля источника [8]. Перу В. Ф. Цыха принадлежит первое в России исследование эпохи эллинизма [8], опубликованное им уже после перехода в 1834 г. в Киевский университет.

Большое влияние на развитие древней истории в Харьковском университете оказал *Михаил Михайлович Лунин* (1835—1844), которого называли «харьковским Грановским». Своей главной задачей он считал составление на русском языке обширного курса по всеобщей истории. Однако ему не удалось завершить эту работу. Сохранилась рукопись с разделами по истории Индии, Вавилона, Ассирии, Мидии, Египта и частично Греции и поздней Римской империи [9]. Научные труды М. М. Лунина немногочисленны и относятся в основном к древней истории: статьи по истории древнего мира в целом, в которых сопоставляется вклад в мировую цивилизацию Востока, Греции и Рима; статьи по истории древней Индии и историографии Древнего Востока. Касался ученый и истории раннего христианства. Наиболее значительной для понимания мировоззрения М. М. Лунина представляется его работа «Несколько слов о римской истории», в которой автор дал обобщающую и сравнительную характеристику древней истории Востока, Греции и Рима. По его мнению, «Греция — посредник между Востоком и Западом, а Рим — общее вместилище и

проводник древних цивилизаций». Различия в этих цивилизациях М. М. Лунин объяснял различиями в развитии «человеческого духа» [10, с. 405—423]. Эта работа — пример идеалистического истолкования своеобразия исторического развития народов древнего мира под влиянием философии Гегеля. В статье об Индии М. М. Лунин касался таких важных проблем, как этногенез, происхождение и сущность кастового строя. Он отрицал чистоту «арийской расы» в Индии, считал, что смешение рас способствовало расцвету культуры, подчеркивал негативное значение кастовой системы и осуждал засилье жрецов в Индии [11, с. 1—86]. В работе «Взгляд на историографию древнейших народов Востока» М. М. Лунин дал общую характеристику исследованиям по истории Древнего Востока и показал особенности развития древневосточных народов [12].

Примерно в одно время с М. М. Луниным в Харьковском университете преподавал *Измаил Иванович Срезневский*. Его научные интересы были связаны со славянской филологией и палеографией. Но в двух своих работах он обратился к проблемам истории Древнего Востока. В статье, посвященной «Зенда-Авесте», И. И. Срезневский изложил основные положения учения Зороастра, охарактеризовал политические законы персов, обратил внимание на кастовую систему, особенно на касту магов [13]. В работе «Сближение религии персидской с египетской» он выражал против господствовавшего мнения о противоположности персидской и египетской религий и утверждал, что у этих религий имеется ряд сходных черт: обожествление одних и тех же животных, признание, наряду с Единым богом, дуализма света и мрака, добра и зла [14].

Преемником М. М. Лунина на кафедре всеобщей истории стал воспитанник Харьковского университета *Александр Петрович Рославский-Петровский* (1844—1871). Ему принадлежит исследование о быте и политическом строе Спарты на основе изучения Ксенофонта и других источников [15]. Защитив магистерскую диссертацию по прагматической истории [16], А. П. Рославский-Петровский продолжал изучать античную историю, в частности, историю Греции до греко-персидских войн и греко-персидские войны [17]. Серьезное исследование причин, повода и хода греко-персидских войн возникло из спецкурса, основанного на тщательном и критическом изучении источников и глубоко знакомстве с западноевропейской и отечественной литературой. Оно во многом дополняло и корректировало специальные труды Люгебиля, Грота, Дункера и учебник всеобщей истории Д. И. Иловайского. Но главное внимание ученый уделил истории Древнего Востока. Материалы лекционного курса послужили основой для нескольких интересных публикаций [18], о которых с похвалой отзывались Т. Н. Грановский и С. В. Ешевский. В этих работах описаны природные условия отдельных регионов Древнего Востока, дан обзор историографии и источников, изложена, правда, довольно схематично, политическая история некоторых народов Востока,

охарактеризованы их экономика и культура. Большое внимание А. П. Рославский-Петровский уделил исследованию восточных религий. Он считал Египет колыбелью «халдейской» цивилизации, признавал ариев предками греков, римлян и большей части жителей новой Европы.

В течение 35 лет, начиная с 1851 г., преподавал в университете *Михаил Назарович Петров*. В 1871 г., после смерти А. П. Рославского-Петровского, М. Н. Петров принял кафедру всеобщей истории и начал читать историю древнего мира [19, с. 40]. Среди проблем древней истории М. Н. Петрова привлекали вопросы развития Рима периода Республики. Он полагал, что на всемирно-исторический процесс большое влияние оказывают такие факторы, как географическая среда, усовершенствование «религии и моральности», государственной жизни, науки, искусства и материального быта людей. С этих позиций М. Н. Петров определял причины упадка и гибели Римской республики, объяснял неудачи реформ братьев Гракхов [20, с. 103—106].

В последней трети XIX в. в Харьковском университете создаются условия для более глубокого исследования проблем истории Древнего Востока. В 1863 г. на историко-филологическом факультете была образована кафедра сравнительной грамматики индоевропейских языков, что сделало обязательным изучение студентами санскрита [19, с. 40]. В 1884 г. эту кафедру возглавил *Эмилей Михайлович Диллен*, который в 1883 г. защитил магистерскую диссертацию «Дуализм в Авесте». Основные ее положения вошли в опубликованную им монографию [21]. По мнению Э. М. Диллена, религия древних иранцев (маздеизм) представляет собой смесь иранской, иудейской религий и верований исконного населения Мидии — туранцев.

Крупным индологом был *Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский* (1888—1905). В харьковский период своей деятельности он исследовал проблему ведаизма и опубликовал ряд статей и обобщающую монографию [22]. Д. Н. Овсяннико-Куликовский сделал попытку классификации божеств ведийской эпохи, определил место в системе ведаизма культов Огня, Опьяняющего Напитка, так называемых Сынов Адити, проанализировал значение молитвы в культе индийцев ведийского периода.

Видным санскритологом и специалистом в области изучения древнеиндийской литературы и религии стал ученик Д. Н. Овсяннико-Куликовского, выпускник Харьковского университета *Павел Григорьевич Риттер* (1897—1935). Написанное им на основе лекционного курса учебное пособие по санскриту выдержало несколько изданий [23]. Его перу принадлежали статьи по индологии в «Энциклопедическом словаре братьев Гранат», переводы произведений древнеиндийской литературы [24, с. 50—61].

В последние десятилетия XIX в. и в начале XX в. в Харьковском университете активно разрабатывались проблемы античной истории, источниковедения и нумизматики.

Исследования по античной нумизматике проводил *Ричард Иванович Шерцль* (1874—1913), который читал курсы римских древностей и монетного дела и одновременно заведовал нумизматическим кабинетом университета. Ему принадлежат «Каталог монет нумизматического кабинета Харьковского университета» и монография «Римское монетное дело», в которой показаны возникновение денежного обращения, монетные металлы и техника, сделан обзор монетного дела в Риме до I в. до н. э., охарактеризованы основные типы монет [25].

Георгий Федорович Шульц (1877—1908) преподавал греческий язык, вел семинары по Гомеру, Платону, Софоклу, читал спецкурсы греческих древностей и палеографии. Им написаны одна из первых работ, посвященных «Афинской политике» Аристотеля (1892 г.), и исследование института адвокатуры в древних Афинах [26].

Алексей Николаевич Деревицкий (1887—1893) читал в Харьковском университете историю греческой литературы, историю и теорию искусства, курс греческих древностей, вел семинары по «Илиаде» и «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха. Кроме докторской диссертации «О начале историко-литературных занятий в древней Греции», им опубликованы работы по древнегреческой литературе, искусству, источниковедческие штудии [27]. Принимая участие в издании «Лекций по всемирной истории» М. Н. Петрова, А. Н. Деревицкий написал раздел, посвященный римской образованности, отметив большое значение греческой культуры для ее формирования [28].

Наибольший вклад в изучение истории древнего мира в Харьковском университете дореволюционного периода внесли И. В. Нетушил и В. П. Бузескул.

Иван Вячеславович Нетушил (1875—1919) начинал преподавательскую деятельность учителем харьковских гимназий, а научную — с классической филологии и лингвистики. В 90-х гг. он обратился к исследованию древнеримской истории. Основные исторические труды И. В. Нетушила посвящены ранней истории Рима, от его основания и до IV в. до н. э., т. е. периоду, требующему критического подхода к источникам, большой осторожности истолкования их данных. Нужно также учесть, что на рубеже XIX—XX вв. существовало широкое увлечение гиперкритикой источников. К чести И. В. Нетушила, он решительно выступал против гиперкритиков, в частности Э. Пайса, которого считал «необузданным субъективистом». В своих исследованиях И. В. Нетушил много внимания уделил вопросам основания Рима, территории, которую занимала римская община, магистратурам и внешней политике Рима в период ранней Республики, а также римской религии [29]. Его перу принадлежат «Обзор римской истории», основу которого составил курс лекций, подготовленный на базе самостоятельного изучения источников, и специальное пособие «Очерк римских государственных древностей», единственное на русском языке. Нужно отметить и большой труд И. В. Нетушила

«История римской религии», охватывающий период с древнейших времен до эпохи Юстиниана и оставшийся, к сожалению, не опубликованным. Все свои исследования И. В. Нетушил строил на основе тщательного анализа различных литературных, лингвистических источников, данных исторической традиции. Однако при этом он не использовал археологических материалов, так как считал, что археологи «часто высказывают гадательные суждения». Такое предвзятое отношение к археологии сужало источниковую базу трудов И. В. Нетушила и отрицательно сказывалось на некоторых его выводах по истории древнего Рима.

Наиболее выдающимся исследователем истории древнего мира в Харьковском университете был профессор, а затем академик *Владислав Петрович Бузескул* (1885—1931). Его труды по истории древней Греции, источниковедению и историографии древнего мира получили мировое признание.

Много лет В. П. Бузескул посвятил изучению истории древней Греции, результатом чего стали такие фундаментальные труды, как «Перикл. Историко-критический этюд» (1889 г.), «„Афинская полиция“ как исторический источник для истории государственного строя Афин до конца V в. до н. э.» (1895 г.) и «История Афинской демократии» (1909 г.). В этих работах автор выступил блестящим знатоком источников и литературы, противником гиперкритиков и реакционных представителей буржуазной историографии типа Д. Шварца и М. Дункера, отрицавших прогрессивный характер афинской демократии. Своим главным трудом В. П. Бузескул считал «Введение в историю Греции» (1903, 1904, 1915). Надо сказать, что эта книга не имела равных в мировой науке того времени. Она содержит критический обзор разнообразных источников и историографии.

В. П. Бузескул живо интересовался археологическими открытиями как за рубежом, так и в Северном Причерноморье, правильно оценивал их значение для истории древнего мира. Он активно участвовал в работе Археологических съездов, писал библиографические обзоры и рецензии на научные публикации, откликался на важнейшие археологические открытия.

Знакомство с трудами В. П. Бузескула дореволюционной эпохи показывает, что в начале XX в. на его научные взгляды в определенной мере повлияли широко распространенные в то время попытки модернизации истории древнего мира. Это проявилось в некоторых его работах как в терминологии, так и в проведении параллелей между античностью и современностью [30]. Однако нельзя согласиться с мнением о том, что во время революционных событий 1905 г. в Харькове В. П. Бузескул занимал реакционные позиции [31, с. 577]. Против подобного голословного утверждения свидетельствуют воспоминания самого В. П. Бузескула об этих днях, в которых автор предстает буржуазным либералом, делавшим все от него зависящее, чтобы избежать кровопролития [32]. Кроме того, в годы реакции ученый опубликовал рассчитанный на массового читателя труд «История Афинской демократии», в

котором показал прогрессивный характер демократии, т. е. отстаивал свои либеральные взгляды, высказанные задолго до событий 1905 г.

К началу XX в. относятся первые научные исследования Н. С. Гольдина, Е. А. Черноусова и Е. Г. Кагарова.

Наиболее значительным трудом *Николая Семеновича Гольдина* (1902—1930) была монография, посвященная Афинскому совету, в которой на основе скрупулезного изучения источников показаны история, организация, права и обязанности членов совета, роль этого государственного института [33]. Ему принадлежит научно-популярная работа «Народы древнего мира», содержащая элементы модернизации греческой истории [34]. С другой стороны, Н. С. Гольдин правильно оценивал афинскую демократию как демократию ограниченную, доступную лишь для меньшинства населения Афин. В связи с чтением лекционного курса Н. С. Гольдин написал «Историю Древнего Востока» с критическим обзором источников и историографией [35]. В этом пособии автор явно недостаточно внимания уделил социально-экономической истории, а также модернизировал древнеегипетское общество.

Евгений Александрович Черноусов (1906—1918), наряду с историей Византии, занимался изучением античности. В монографии, посвященной истории Римской империи, им была сделана попытка выяснить причины кризиса III в. н. э. Работа имела большую источниковую базу, в ней делались интересные выводы, но экономические факторы автором недооценивались [36]. Аналогии, которые Е. А. Черноусов находил для римской истории в новом времени, привели к определенной модернизации античности.

В 1912 г. в университет пришел *Евгений Георгиевич Кагаров* (1912—1925). Научные интересы Е. Г. Кагарова были широки: он занимался источниковедением, историей древнего мира, историей религии, этнографией. Его магистерская диссертация «Культы фетишей, растений и животных в древней Греции» не утратила своего значения до сих пор [37] благодаря использованию громадного количества источников и этнографических данных. Не случайно эту работу называют иногда «энциклопедией по вопросам культов» [38, с. 146]. Изучал Е. Г. Кагаров и древнегреческие источники, в частности Псевдоксенофонтову «Афинскую политику» [39], а так же историю античной науки [40].

Таким образом, с первых лет существования Харьковского университета преподаванию и изучению истории древнего мира уделялось большое внимание. Правда, примерно до 70-х годов XIX в. историки университета занимались больше преподаванием древней истории, чем научными исследованиями. Они, за редким исключением, не знали восточных языков, но хорошо владели классическими и иностранными, следили за публикациями зарубежных ученых. На основании переводов памятников письменности Востока на европейские языки, свидетельств античных авторов и знакомства с зарубежной историографией ученые университета в

30—60-х годах составили и опубликовали курсы лекций по древней истории, предложили оригинальную трактовку некоторых проблем востоковедения и античной истории. В последней же трети XIX в. и в начале XX в. Харьковский университет превратился в крупный научный центр, в стенах которого работали серьезные исследователи истории древнего мира, хорошо известные не только в России, но и за рубежом. Что касается античной археологии, то в дореволюционный период база для ее развития в Харьковском университете отсутствовала. Античные археологические памятники, сосредоточенные на юге нашей страны, уже вследствие их территориальной удаленности, а также ведомственных барьеров длительное время не являлись объектом специального изучения университетских археологов.

После Великой Октябрьской социалистической революции начался довольно длительный процесс становления советской исторической науки. Сложным он оказался и для истории древнего мира, так как кадры историков по этой специальности некоторое время не готовились и ведущая роль принадлежала представителям дореволюционной буржуазной науки. Старая профессура Харьковского университета по-разному встретила революцию. Были среди нее противники Советской власти, некоторые ушли из университета и покинули Харьков, но многие встали на путь сотрудничества с новой властью. В числе последних оказались В. П. Бузескул, Е. Г. Кагаров, П. Г. Риттер, Н. С. Гольдин и др. Исследовательская работа затруднялась отсутствием необходимой литературы, частыми перестройками после закрытия университета в 1920 г. Древней историей занималась научно-исследовательская кафедра всеобщей истории, позднее — кафедра истории европейской культуры, в состав которой входила секция античности. Большое значение имело созданное в 1921 г. и просуществовавшее два года Научное общество. Оно способствовало популяризации науки, приобщало к ней не только преподавателей, но и всех интересовавшихся историей древнего мира, этнографией, археологией и филологией.

Особенно плодотворно в 20-е годы работали В. П. Бузескул и Е. Г. Кагаров. Сразу после Октября были переизданы «Школьное дело у древних греков по новым данным» (1918 г.), вышли в свет популярные очерки «Афинская демократия. Общий очерк» (1920 г.) и «Перикл» (1923 г.) В. П. Бузескула, а позднее — две части его фундаментального труда «Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира» (1923—1924 гг.), посвященного истории важнейших открытий на Востоке и в Греции. Продолжал В. П. Бузескул интересоваться археологическими исследованиями в Северном Причерноморье, активно участвовал в работе первых Всесоюзных конференций археологов в Керчи (1926 г.) и Севастополе (1927 г.). В конце 20-х годов В. П. Бузескул завершил главный историографический труд «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» в двух частях (1929, 1931 гг.), ставший первым в советской исто-

риографии опытом всестороннего осмысления вклада русских ученых в развитие всеобщей истории, в частности, антиковедения и истории Древнего Востока.

В. П. Бузескул оставил заметный след в науке, и хотя марксизмом он так и не овладел, но широкий кругозор, прекрасная подготовка, стремление к объективности способствовали подлинно научному изучению древнего мира, развенчанию реакционных течений гиперкритиков и модернизаторов, совершенствованию методов критики исторических источников.

Успешно продолжал исследования греческой религии, этнографии и Е. Г. Кагаров. В 1919 г. он защитил докторскую диссертацию «Греческие таблички с закланиями». Наряду с этим он вел большую работу по распространению научных знаний среди трудящихся и учащейся молодежи. Перу Е. Г. Кагарова принадлежат научно-популярные работы по истории античного производства, науки, культуры, первая в советской историографии работа о восстании Спартака, переводы трудов немецких ученых по истории первобытного общества [41]. В 20-х гг. Е. Г. Кагаров еще оставался на позициях буржуазного позитивизма, хотя и пытался опереться на труды основоположников марксизма [42, с. 6—8]. Много внимания Е. Г. Кагаров уделял рецензированию [43]. В 1921—1922 гг. он был ученым секретарем Научного общества при ХИНО, часто выступал с докладами. Вплоть до переезда в Ленинград в 1925 г. Е. Г. Кагаров руководил научным семинаром по истории религии, а также аспирантами, работавшими по истории древнего мира [44].

Преемником Е. Г. Кагарова в античной секции и научном семинаре кафедры истории европейской культуры стал один из его бывших аспирантов — М. Л. Константинопольский (1924—1929). Он занимался исследованием культа Митры, изучал причины распространения христианства в Римской империи. В 1926 г. М. Л. Константинопольский защитил докторскую диссертацию «Культ Митры», а позднее опубликовал ряд статей [45].

Наряду с научными исследованиями по истории античной религии в 20-е годы харьковскими учеными велась антирелигиозная пропаганда. Несколько научно-популярных работ по раннему христианству принадлежали В. С. Рожицыну, работавшему в то время в ХИНО [46]. Однако эти работы получили отрицательную оценку А. И. Тюменева, указавшего на их немарксистский, поверхностный характер [47, с. 33].

Новый этап в изучении древней истории начался с восстановлением Харьковского университета, на историческом факультете которого в 1937 г. была создана кафедра древней истории и археологии. С этого времени определилось основное направление в научной работе историков древнего мира ХГУ — история и археология античных государств Средиземноморья и Северного Причерноморья, хотя отдельные преподаватели, в частности Л. В. Симонская, изучали историю Древнего Востока [48].

Возглавивший кафедру древней истории и археологии С. А. Се-

менов-Зусер (1937—1951) занимался исследованием истории и культуры Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства [49], готовил аспирантов по этой проблематике (в 1941 г. З. А. Витковым была защищена диссертация «Гетский разгром Ольвии»). Следует отметить, что во второй половине 30-х годов историки древнего мира, как и представители других исторических наук, переживали нелегкие времена. В обстановке массовых необоснованных репрессий, проводившихся под лозунгом «очищения советского исторического фронта от подлых врагов народа», С. А. Семенов-Зусер выступил с несправедливыми обвинениями в адрес уже почивших В. П. Бузескула и Б. В. Фармаковского, которые у него превратились в «фашистов» и подверглись оскорблениям на научной сессии исторического факультета ХГУ в 1938 г. [50, с. 10—12].

Отечественная война прервала исследования по древней истории, но в послевоенные годы ее изучение возобновилось. С. А. Семенов-Зусер задумал серию публикаций под общим заглавием «Памятники истории экономики и культуры Северного Причерноморья», но свет увидела лишь одна работа — «Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности» [51]. Отдельные данные по истории исследования античных государств Северного Причерноморья содержались в докторской диссертации С. А. Семенова-Зусера (1947 г.) [52], однако эта работа имела немало существенных недостатков, за что серьезно критиковалась в ряде рецензий [53].

Под руководством С. А. Семенова-Зусера продолжалась подготовка аспирантов по древней истории — в 1947—1948 гг. защитили диссертации В. А. Гольденберг («Гражданская война в Риме в 69 г. н. э.») и М. М. Слонимский («Северное Причерноморье как военно-экономическая база римской экспансии на Востоке»). В. А. Гольденберг (1946—1956) после защиты диссертации продолжал исследование истории древнего Рима и Северного Причерноморья, что нашло отражение в монографии, посвященной гражданской войне 68—69 гг. в Римской империи, а также статья о народно-освободительных движениях в римских провинциях и северопричерноморском рынке рабов [54].

Еще больше усилился интерес к изучению истории античных государств Северного Причерноморья с приходом на кафедру воспитанника Харьковского университета известного археолога и организатора музейного дела К. Э. Гриневича (1953—1970). В конце 50-х годов он опубликовал окончание своего фундаментального труда, посвященного оборонительным сооружениям Херсонеса Таврического [55]. Первые две части были изданы еще в 20-е годы и позднее, в 1944 г., защищены автором в качестве докторской диссертации. Третья часть монографического исследования содержала характеристику крепостных сооружений на южной и западной линиях обороны города. В ней обстоятельно проанализирована фортификационная система, большое внимание уделено выяснению времени возникновения древнейшей стены Херсонеса, намечены основные этапы последующего крепостного строитель-

ства. Ученый сделал вывод о том, что крепостная стена на западном участке Херсонеса возникла не позднее первой половины IV в. до н. э. Не исключено, что дальнейшие исследования оборонительной системы Херсонеса позволят специалистам уточнить или конкретизировать отдельные положения и выводы монографии К. Э. Гриневича. Тем не менее данная работа — первое и пока что единственное в советской археологической науке обобщающее исследование по фортификации Херсонеса, она сохраняет свое значение для всех, кто будет обращаться к этой сложной и исключительно важной для истории античного города теме.

В 1954—1956 и 1960 гг. археологическая экспедиция ХГУ под руководством К. Э. Гриневича произвела раскопки западной оборонительной стены Ольвии. Археологические материалы поступили на хранение в Археологический музей Харьковского университета. Его богатые коллекции впервые пополнились массовыми находками из раскопок этого крупного античного центра. Результаты работы ольвийской экспедиции нашли отражение в ряде статей К. Э. Гриневича [56]. Открытая и исследованная экспедицией в районе Заячьей балки крепостная стена была датирована первой половиной V в. до н. э., что позволило автору заявить о достоверности свидетельств Геродота об Ольвии и высказать предположение о личном пребывании его в этом древнегреческом городе. Однако следует отметить, что датировка К. Э. Гриневича недавно была пересмотрена: открытая экспедицией стена относится к концу IV—началу III в. до н. э. [57, с. 84—86].

Под руководством К. Э. Гриневича на кафедре в 60-е гг. были написаны и защищены кандидатские диссертации В. И. Кадеева — «Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э.» (1963 г.), В. А. Латышевой (Устиновой) — «Особенности исторического развития Боспора на рубеже нашей эры» (1970 г.), В. С. Шиловцевой — «Проблема кризиса и падения Римской республики в русской историографии эпохи разложения феодально-крепостнических отношений и развития капитализма (вторая половина XVIII—XIX в.)» (1970 г.).

Приоритетным направлением научной работы кафедры в 60—80-х гг. было комплексное исследование истории, экономики, идеологии и культуры античного Херсонеса и его хоры. Большое внимание уделялось древней истории и археологии Боспора, Римской империи и античной историографии.

С 1963 г. начала работу Херсонесская археологическая экспедиция Харьковского университета под руководством В. И. Кадеева (с 1986 г. экспедицию возглавляет С. Б. Сорочан). Основным районом раскопок стала портовая часть Херсонеса, занимавшая юго-восточную часть города. На участке общей площадью 2 тыс. м² в ходе многолетних работ выявлена сложная стратиграфическая картина. Под средневековыми напластованиями мощностью свыше трех м обнаружены остатки четырех жилых усадеб античного времени (I—V вв. н. э.): с мощеными дворами и сооружениями хозяйственного назначения — водосборной цистерной, колодцами,

кладовой с пифосами для хранения соленой рыбы. Часть построек возникла на месте большого общественного здания эллинистической эпохи. Для характеристики хозяйственного и бытового уклада, экономических и культурных связей античного Херсонеса получен большой и разнообразный вещественный материал, особенно значительный для I—V вв. н. э.: фрагменты черепицы, керамической тары, кухонной и столовой посуды, сосудов из стекла, светильники, терракота, туалетные принадлежности, украшения и т. п. Картина хозяйственной деятельности херсонеситов дополняется находками каменных жерновов, ступ, глиняных грузил от ткацкого станка, орудий рыбной ловли, обработки дерева (полотно от железной пилы). За 14 полевых сезонов найдено более тысячи монет, из них примерно треть принадлежит античной чеканке (Херсонес, Боспор, Амис, Рим и другие центры).

Важным результатом исследований Херсонесской экспедиции являются находки новых эпиграфических памятников, в том числе херсонесского декрета II в. н. э., эпитафии на мраморном надгробии с упоминанием представителей знатной семьи в Херсонесе, игравшей видную роль в политической жизни города в первые века н. э. Получены новые данные о пребывании в Херсонесе солдат римского гарнизона, о существовании в практике политической жизни полиса такого института, как остракизм. Большой интерес представляют найденные в ходе раскопок памятники изобразительного искусства: рельефы с изображениями Героса, Асклепия, бронзовая статуэтка актера в маске, изображающего раба, типичного персонажа позднеантичной комедии. Все эти материалы расширяют круг известных ранее источников по истории городской культуры и позволяют сделать вывод о существовании фракийского святилища в портовом районе Херсонеса.

Параллельно с раскопками в портовом районе Херсонеса экспедиция совместно с группой харьковских спортсменов-подводников проводила подводные исследования в Круглой, Карантинной и Песочной бухтах [58]. Обнаружены следы многочисленных кораблекрушений античного и средневекового времени, на дне Карантинной бухты найдены остатки оборонительных сооружений раннесредневекового периода, что представляется важным для реконструкции порта и древней береговой линии.

С 1972 г. Харьковский университет включился в исследование памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму, слабо изученном в археологическом отношении. Работы проводились Северо-Крымской экспедицией ХГУ под руководством В. А. Латышевой. В результате пятнадцатилетних исследований (1972—1987 гг.) археологическая карта пополнилась тремя новыми поселениями античного времени — Маслины, Гроты, Скалистое (Черноморский р-н Крымской обл.), причем раскопки первых двух уже завершены. Одним из основных результатов работы экспедиции было выяснение характера памятников, определяемых на основе комплекса данных как поселения Херсонесской хоры, возникшие в конце IV в. до н. э. в результате освоения херсонеситами

северо-западного побережья Крыма. Впервые надежно зафиксирована северная граница Херсонесского государства, простиравшегося в период расцвета более чем на 200 км по западному побережью Крыма.

Раскопки дали большой и разнообразный материал как для характеристики самих поселений, их хозяйственного и культурного облика, так и для понимания взаимоотношений города и хоры. «Маслины» были земледельческим поселением зернового профиля, обменивавшим сельскохозяйственную продукцию на ремесленные изделия, поставщиком которых был Херсонес. Поселение «Гроты» играло роль посредника в организации торгового обмена между Херсонесом и его далекой северной окраиной. К середине II в. до н. э. все поселения погибли в пожаре, очевидно, вследствие налета кочевников из степного Крыма. Таким образом, работы Северо-Крымской экспедиции расширили базу исследования истории эллинистического Херсонеса, показав, что для ее изучения необходимо учитывать материалы не только города и его ближайшей округи, но и более далекой северной окраины. Еще одним важным результатом работы экспедиции стало расширение базы для совершенствования методики обработки массового археологического материала. Получены большие керамические серии, принадлежащие однослойным памятникам сравнительно узкого хронологического диапазона. Они могут послужить надежной основой для хронологической классификации и типологии массового археологического материала.

Материалы раскопок Херсонесской и Северо-Крымской археологических экспедиций широко использовались сотрудниками кафедры при написании монографий и статей по северопричерноморской проблематике*.

В. И. Кадеев, плодотворно изучавший в 60-х годах экономику Херсонеса, опубликовал ряд статей и обобщающую монографию «Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э.», в которой впервые была дана всесторонняя характеристика промыслов, металлургии, обработки черных и цветных металлов, керамического производства, деревообработки, косторезного дела и торговли Херсонеса в первых веках н. э. Монография написана на базе большого фактического материала, значительная часть которого обрабатывалась автором с использованием спектрально-то, металлографического и петрографического анализов.

В ряде статей 70—80-х годов В. И. Кадеевым освещались некоторые аспекты экономики позднеантичного Херсонеса: в научный оборот были введены новые данные о промыслах и ремеслах [60]; откорректированы утвердившиеся в литературе взгляды на сельское хозяйство Херсонеса, систему землевладения и землепользования; изложены взгляды о развитии на херсонесской хоре полеводства, виноградарства, садоводства, системы севооборота

* Основная библиография работ 60—80-х годов представлена в историографической статье В. И. Кадеева [59].

[61]. В написанных в соавторстве с С. Б. Сорочаном статье и монографии В. И. Кадеев продолжал исследование различных аспектов торговли Херсонеса с населением Юго-Западного Крыма, Причерноморьем и Средиземноморьем [62].

Основное же место в научной работе В. И. Кадеева заняло всестороннее изучение внешне- и внутривосточной истории Херсонеса в I в. до н. э.—III в. н. э., социальной структуры, государственного строя, этнического состава населения и культуры Херсонеса. Эти слабо разработанные в историографии вопросы нашли отражение в серии статей [63], докторской диссертации («Херсонес Таврический в I в. до н. э.—III в. н. э.», 1975 г.) и монографии «Херсонес Таврический в первых веках нашей эры» (1981 г.). Комплексное исследование источников позволило В. И. Кадееву воссоздать картину исторического развития Херсонеса в первых веках н. э., проследить эволюцию отношений Херсонеса с Боспорским царством, Римом и местным населением Крыма. Внимание исследователя привлекли наиболее «темные» места истории Херсонеса («свобода», дарованная полису Цезарем, введение новой «херсонесской эры», статус города в I—III вв. н. э., римская оккупация Северного Причерноморья).

Ученому удалось дать свою интерпретацию некоторых известных источников, пересмотреть целый ряд утвердившихся в литературе положений о влиянии Рима на внутреннюю и внешнюю политику Херсонеса. В. И. Кадеев дал обстоятельную характеристику классов и сословий херсонесского рабовладельческого общества, выделил в среде граждан Херсонеса различные социальные группировки, показал наличие острых социально-политических конфликтов, изучил институты рабства и вольноотпущенничества в херсонесском государстве. Разработана исследователем и концепция политического строя позднеримского Херсонеса, причем В. И. Кадееву удалось не только проследить, но и объяснить эволюцию херсонесского государства, превращение демократического полиса в аристократическую республику, в которой реальная власть оказалась в руках поддерживаемой Римом социальной верхушки.

Весомый вклад внесен В. И. Кадеевым в изучение сложной проблемы этнического состава населения Херсонеса. Оживленную дискуссию среди специалистов вызвала оригинальная трактовка скорченных погребений херсонесского некрополя, а также этнической принадлежности носителей имени Скиф. Комплексное использование эпиграфических и вещественных источников позволило В. И. Кадееву увидеть новые для Херсонеса этнокультурные влияния, выявить в городе уроженцев Малой Азии, Южного Понта, фракийцев и некоторые другие этнические элементы. Успешная разработка В. И. Кадеевым принципиально важных проблем истории Херсонеса Таврического получила высокую оценку научной общественности как в нашей стране, так и за рубежом [64].

История внутренней и внешней торговли Херсонеса в I в. до н. э.—V в. н. э. стала предметом исследования С. Б. Сорочана.

В серии статей и кандидатской диссертации («Торговля Херсонеса Таврического в I в. до н. э.—V в. н. э.», 1981 г.) С. Б. Сорочан показал значение торговли в экономике полиса, определил объем и масштабы торговли, выделил этапы ее развития, особенности каждого из этих этапов, выяснил размеры, интенсивность и значение экономических взаимоотношений Херсонеса с античными центрами Средиземноморья, Малой Азии, Балканского полуострова, Причерноморья, скифо-сарматским населением Крыма. Впервые в литературе С. Б. Сорочаном специально исследовался вопрос о внутренней торговле Херсонеса и ее организации в первых веках н. э. После защиты диссертации С. Б. Сорочан продолжает изучать внешнюю торговлю Херсонеса в I—V вв. н. э. Его внимание привлекли малоисследованные торгово-экономические контакты Херсонеса с Италией, западными римскими провинциями и особенно Фракией и Мезией. Исследователь ввел в научный оборот новые материалы, полученные в результате работы археологической экспедиции ХГУ в портовом районе Херсонеса [65].

Религиозная жизнь населения Херсонеса в I—IV вв. н. э. стала объектом специального исследования В. Ф. Мещерякова. В статьях и кандидатской диссертации («Религия и культы Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э.», 1980 г.) он предпринял попытку дифференцированно подойти к изучению религиозных явлений, выделить из системы религиозных представлений официальную религию херсонесской гражданской общины, частные культы и верования. Анализ разнообразных источников позволил В. Ф. Мещерякову реконструировать официальный пантеон богов Херсонеса, объяснить причины происходивших в нем изменений, связав их с конкретными событиями в истории города, охарактеризовать частные культы, верования и суеверия, занимавшие важное место в религиозном мировоззрении жителей Херсонеса. В работах В. Ф. Мещерякова показывается кризис полисной религии в первых веках н. э., пересматриваются проблемы проникновения и становления христианства в позднеантичном Херсонесе, положения о таврской основе культа херсонесской Девы, времени появления практики провозглашения этой богини «царицей» государства и причинах упразднения магистратуры царя-эпонима, времени учреждения в городе культа римских императоров, влияния Рима на религиозную жизнь населения позднеантичного Херсонеса [66].

Исследованием истории Боспорского царства занималась в 60—80-х годах В. А. Латышева. Ею опубликованы работы, в которых дан источниковедческий анализ «Географии» Страбона, высказаны аргументированные предположения об отсутствии на Боспоре в I в. до н. э. сколько-нибудь влиятельной проримской партии, о пребывании Динамии в Фанагории в период правления Птолемея и об участии царицы в антиримских выступлениях, выявлены и проанализированы особенности социально-экономического и политического развития Боспорского царства во второй половине I в. до н. э.—II в. н. э. [67]. Использование материалов Северо-Крымской экспедиции позволило В. А. Латышевой высту-

пить с серией статей, в которых определялось время существования поселений херсонесской хоры, показывался их характер, всесторонне исследовались экономика и быт населения, религиозные представления, экономические, политические и культурные связи Северо-Западного Крыма и Херсонеса, пересматривались некоторые традиционные представления о развитии земледелия на территории херсонесской хоры, предлагались рекомендации по методике обработки амфорного материала [68].

Исследования по древней истории и археологии Северного Причерноморья (проводившиеся кафедрой в 60—80-х гг.) получили положительную оценку в научной периодике [69].

Продолжалась в 60—80-е гг. работа по изучению истории древнего Рима и античной историографии. Так, в статьях и кандидатской диссертации *И. П. Сергеева* («Гражданская война 193—197 гг. в Риме», 1982 г.) на основе анализа всех достоверных источников показано, что главной причиной гражданской войны конца II в. н. э. было резкое обострение противоречий между различными фракциями господствующего класса Римской империи, охарактеризованы социальные слои, на которые опирались претенденты на императорскую власть, определена роль армии во внутривластной борьбе в римском государстве. В работах *И. П. Сергеева* освещены такие дискуссионные вопросы, как причины возведения на императорский трон Гельвия Пертинакса, характер союза между Септимием Севером и Клодием Альбином и причины войны между ними, военная реформа и так называемая «антисенаторская политика» Септимия Севера. Автор уточнил датировки ряда событий гражданской войны, пересмотрел некоторые встречающиеся в литературе ошибочные положения [70].

Изучением вклада русских дореволюционных ученых в исследование античной истории занималась *В. С. Шиловцева*, работавшая на кафедре до 1975 г. Ею опубликованы статьи, в которых обстоятельно проанализированы взгляды на различные проблемы древнеримской истории русских просветителей *И. А. Третьякова* и *А. Н. Радищева*, декабристов, революционеров-демократов, дворянских и буржуазных историков первой половины XIX в. [71].

Различные аспекты историографии античной истории нашли освещение в ряде статей других преподавателей кафедры [72].

Историки древнего мира ХГУ принимали участие в работе международных, всесоюзных и республиканских научных конференций, выступали с докладами на Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене», II Международном семинаре «Античная и балканская керамика» в НРБ, Всесоюзных археологических конференциях, авторско-читательских конференциях журнала «Вестник древней истории», Всесоюзных конференциях «Сергеевские чтения» в МГУ и других. В 1980 г. кафедра истории древнего мира и средних веков совместно с филологическим факультетом университета организовала и провела Всесоюзную научную конференцию по проблемам античной истории и классической филологии, в работе которой участвовали 146 уче-

ных из 25 городов СССР. По проблемам древней истории и античной археологии на конференцию было представлено более 40 докладов, в том числе доклады преподавателей кафедры В. И. Кадеева, В. А. Латышевой, В. Ф. Мещерякова, И. П. Сергеева, С. Б. Сорочана.

В 80-е гг. на кафедре были защищены диссертации А. В. Шмалько («Римская политика в Южном Причерноморье в I в. н. э.», 1985 г.), С. В. Дьячкова («Особенности социально-политического развития античных государств Северного Причерноморья в первых веках н. э.», 1988 г.). Проблемой социально-экономического развития римских провинций Нижней Мезии и Фракии занимался аспирант А. П. Мартемьянов [73].

Таким образом, за годы Советской власти в изучении истории древнего мира и античной археологии в Харьковском университете достигнуты значительные успехи. Создание на историческом факультете кафедры древней истории позволило готовить квалифицированные кадры историков древнего мира. Ученые ХГУ внесли весомый вклад в разработку кардинальных проблем древней истории и археологии Северного Причерноморья, римской истории и античной историографии.

Список литературы: 1. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет своего существования. Х., 1908. 2. Рославский-Петровский А. П. Об ученой деятельности имп. Харьковского университета за первые 10 лет его существования // ЖМНП. 1855. № 7. 3. Багалей Д. И., Сумцов Н. Ф., Бузескул В. П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905). Х., 1906. 4. Багалей Д. И. Археографические материалы как источник археологии // Труды XI АС в Киеве. Т. 2. М., 1901 (отд. оттиск). 5. Его же. Опыт истории Харьковского университета. Т. 2. Х., 1901. 6. Кроненберг И. Я. Амалтея. Х., 1825. Ч. 1. 7. Его же. Древний Карфаген // ЖМНП. 1837. № 2. 8. Цых В. Ф. Взгляд на историческую жизнь народа эллино-македонского // ЖМНП. 1835. № 5. 9. Лукин М. М. Древняя история // Отдел рукописей ЦНБ ХГУ. Д. № 396/с; Его же. Лекции по истории средних веков // Отдел рукописей ЦНБ ХГУ. Д. № 545/с. 10. Лукин М. М. Несколько слов о римской истории // Москвитянин. 1841. № 10. 11. Его же. Взгляд на жизнь индостанского народа // ЖМНП. 1837. № 7. 12. Его же. Взгляд на историографию древнейших народов Востока // Москвитянин. 1842. № 8. Ч. 4; № 9. Ч. 5. 13. Срезневский И. И. Общие основания Зенд-Авесты // Телескоп. 1835. Ч. 28. 14. Его же. Сближение религий персидской с египетской // ЖМНП. 1839. Ч. XXII. Отд. 2. 15. Рославский-Петровский А. П. Очерк быта и правления древней Спарты сочинения Ксенофонта, разобранного и представленного в связи с другими источниками. Х., 1838. 16. Его же. Решение вопроса, в чем состоит истинное значение прагматической истории и какова должна быть ее обработка? Х., 1839. 17. Его же. Обзор истории древнего мира. Х., 1852. Вып. 2; Его же. Персидские войны // ЖМНП. 1871. № 3. 18. Его же. Обзор истории древнего мира. Х., 1851. Вып. I; Его же. Руководство к истории главных народов древнего Востока и их цивилизаций. Х., 1865. Вып. I. Египет; Его же. Руководство к истории главных народов Древнего Востока и их цивилизаций. Х., 1868. Вып. II. История халдеев; Его же. Руководство к истории главных народов древнего Востока и их цивилизаций. Очерки древней Индии. Х., 1871. Вып. III; Его же. Введение в курс истории главных народов древнего мира и их цивилизаций. Х., 1870. 19. Ковалівський А. П. Вивчення Сходу в Харківському університеті та Харкові // Антологія літератур Сходу. Х., 1961. 20. Шиловцева В. С. Деякі питання історії стародавнього Риму у висвітленні М. Н. Петрова // Вісн. Київ. ун-ту. Іст. науки. 1982. Вип. 24. 21. Диллен Э. М. Дуализм в Авесте. Разбор дисцип-

лидарных предписаний. Спб., 1881. 22. Овсянко-Куликовский Д. Н. Ведийские этюды // ЖМНП. 1891. № 3; *Его же*. Религия индусов в эпоху Вед // Вестник Европы. 1892. № 4, 5; *Его же*. Ведийские этюды: Сыны Адити // ЖМНП. 1892. № 12; *Его же*. Основы ведизма // Собр. соч. Спб., 1909. Т. 6. 23. Риттер П. Г. Краткий курс санскритской грамматики. Х., 1904; *Его же*. Санскрит. Х., 1911, 1916. 24. Проф. Риттер П. Г. Збірник біографічних та бібліографічних матеріалів / Під ред. А. П. Ковалівського. Х., 1966. 25. Шерцль Р. И. Римское монетное дело. Х., 1893. 26. Шульц Г. Ф. Адвокатура в древних Афинах и один из ее представителей. Х., 1897. 27. Деревицкий А. Н. О начале историко-литературных занятий в Древней Греции. Х., 1891; *Его же*. Гомерические гимны. Анализ памятника в связи с историей его изучения. Х., 1889; *Его же*. Художник Менелай и его группа // Филол. обозрение. 1892. Т. 2; *Его же*. Несколько слов о вновь найденных письмах Юлиана Отступника. Х., 1887; *Его же*. О новом трактате Аристотеля и его значении для истории Афинской демократии. Х., 1891. 28. *Его же*. Римская образованность: Прибавление к «Всемирной истории» М. Н. Петрова. Х., 1888. 29. Нетушил И. В. К начальной истории Рима // Филол. обозрение. 1892. Т. 2; *Его же*. Легенда о близнецах Ромуле и Реме // ЖМНП. 1902. № 1—3; *Его же*. Городские трибы до цензуры Аппия и выборы жрецов // Филол. обозрение. 1894. Т. 7; *Его же*. Вопросы древнего Лация // ЖМНП. 1905. № 6; *Его же*. Основная территория римской общины // ЖМНП. 1902. № 7; *Его же*. Римские городские трибы // ЖМНП. 1902. № 8; *Его же*. Порсена и Вейентинские войны // ЖМНП. 1907. № 11; *Его же*. Начало мировой политики Римской республики и конец Лация // ЖМНП. 1904. № 8; *Его же*. Луперк, луперки и луперкалии // Филол. обозрение. 1892. Т. 3; *Его же*. О культе Весты // Филол. обозрение. 1896. Т. 11. 30. Бузескул В. П. Античность и современность. Спб., 1913. 31. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. 32. Бузескул В. П. Дни баррикад в Харькове в октябре 1905 г. // Голос минувшего. 1917. № 7, 8. 33. Гольдин Н. С. Афинский Совет: история, организация, ведомство. Х., 1904. 34. *Его же*. Народы древнего мира. М., 1912. 35. *Его же*. История Древнего Востока. Х., 1910. 36. Черноусов Е. А. Очерки по истории Римской империи 180—235 гг. Подготовка смуты III в. Х., 1911. 37. Кагаров Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. Спб., 1913. 38. Кисляков Н. А. Евгений Георгиевич Кагаров // Сов. этнография. 1963. № 1. 39. Кагаров Е. Г. Спорные вопросы, связанные с Псевдоксенофонтной «Афинской политией». Х., 1913. 40. *Его же*. Основные идеи античной науки в их историческом развитии. Х., 1916. 41. *Его же*. Первые шаги Европейской науки. Х., 1923; *Его же*. История книги // Октябрьские восходы. 1924. № 7; *Его же*. Спартак. Его жизнь и борьба. Х., 1924; Кунов Г., Левина-Дорш А. Техника доисторической эпохи. Огонь — жилище / Пер. с нем. Е. Г. Кагарова. Х., 1923; Кунов Г. Добывание и приготовление пищи. Ч. 2 / Пер. с нем. Е. Г. Кагарова. Х., 1923. 42. *Его же*. Горное дело в древности // Знание. 1924. № 1 (18). 43. Кагаров Е. Г. [Рецензия] // Студент революции. 1923. № 2—3. Рец. на кн.: Лурье С. Антисемитизм в древнем мире. Пг., 1922; *Его же*. [Рецензия] // Студент революции. 1923. № 2—3. Рец. на кн.: Сальвиоли Г. Капитализм в античном мире. Екатеринослав, 1922. 44. ЦГАОР УССР. Ф. 166, сп. 3, д. № 442, л. 131. 45. Константинопольский М. Митраизм. Джерела його вивчення та сучасний стан їхнього розроблення // Східний світ. 1928. № 2; *Его же*. Мифраизм как соперник христианства // Наук. зап. науково-досл. каф. Історії Європейської культури. 1929. Т. 3. 46. Рожницын В. Происхождение христианства. Х., 1922; *Его же*. Революция против бога. Х., 1922; *Его же*. Пасха Христова. Х., 1923; *Его же*. Происхождение христианского бога-отца. Х., 1925; *Его же*. Происхождение христианского культа страдающего, умирающего и воскресающего бога Иисуса. Х., 1925. 47. Тюменев А. И. Наука об античности в СССР за 15 лет // СГАИМК. 1932. № 9—10. 48. Симоновская Л. Возникновение и развитие государства в древнем Китае (третье тысячелетие—III в. до н. э.) // Ист. журн. 1940. № 7. 49. Семенов-Зусер С. А. Торговый путь из Тира в Ольвию // Уч. зап. ХГУ. 1940. Т. 19; *Его же*. Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. Х., 1940. 50. Харьковский государственный университет им. А. М. Горького. Науч. сессия ист. факультета: Тез. докл. 17—19 апр. 1938 г. Х., 1938. 51. Семенов-Зусер С. А. Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности. Х., 1947; *Его же*. Рыбный рынок в Херсо-

несе // ВДИ. 1947. № 2. 52. *Его же*. Опыт историографии скифов. Ч. 1. Скифская проблема в отечественной науке. 1692—1947. Х., 1947. 53. *Ельницкий Л. А.* [Рецензия] // ВДИ. 1948. № 4. Рец. на кн.: *Семенов-Зусер С. А.* Скифская проблема в отечественной науке. Х., 1947; *Смирнов А. П.* [Рецензия] // Вopr. истории. 1948. № 7. Рец. на кн.: *Семенов-Зусер С. А.* Скифская проблема в отечественной науке. Х., 1947. 54. *Гольденберг В. А.* Очерки по истории Римской империи в I в. н. э. Гражданская война 69 года н. э. Х., 1958; *Його ж.* З історії народно-визвольних рухів у Римській імперії у першій половині I сторіччя н. е. (за часів правління Тіберія) // Тр. іст. фак. ХДУ. 1957. Т. 5; *Его же*. Северное Причерноморье как рынок рабов для Средиземноморского мира // ВДИ. 1953. № 1. *Його ж.* До питання про вивіз рабів з Північного Причорномор'я в античний період // Тр. іст. фак. ХДУ. 1952. Т. 2. 55. *Гриневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч. 3 // Херсонес. сб. Вып. 5. Севастополь, 1959. 56. *Его же*. Новые данные о стенах Ольвии V—IV вв. до н. э. // КСИА АН УССР. 1957. Вып. 7; *Его же*. К вопросу об экономике архаической Ольвии // Античный город. М., 1963; *Его же*. О достоверности сведений Геродота об Ольвии // ВДИ. 1964. № 1. 57. *Крыжицкий С. Д.* Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. К., 1985. 58. *Кадеев В. И.* Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964—1965 гг. // Морские подводные исследования. М., 1969. 59. *Его же*. Изучение древней истории в ХГУ за годы Советской власти // Вестн. Харьк. ун-та. 1987. № 302. Великий Октябрь и его международное значение. 60. *Кадеев В. И., Рижов С. Г.* Нова рибозасолювальна цистерна у Херсонесі // Археологія. 1973. Вип. 12; *Его же*. Деревообрабатывающее производство Херсонеса в I—IV вв. н. э. // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. К., 1974. 61. *Кадеев В. И.* Некоторые вопросы истории земледелия античного Херсонеса // Вестн. Харьк. ун-та. 1981. № 214. 62. *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Египетские и сирийские светильники первых веков н. э. из Херсонеса // Вестн. ун-та. 1985. № 268; *Их же*. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья I в. до н. э.—V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Х., 1989. 63. *Кадеев В. И.* Малоазийські написи з Херсонеса // Вісн. Харк. ун-ту. 1978. № 167; *Его же*. Новый надгробный памятник II в. н. э. из Херсонеса // КСИА АН СССР. 1985. Вып. 182; *Его же*. Правовое и социальное положение граждан античного Херсонеса // Проблемы античной культуры. М., 1986; *Его же*. О культурных связях Херсонеса Таврического с Фракией и Мезией в первых вв. н. э. // Вестн. Харьк. ун-та. 1988. № 316. 64. *Кузицин В. И., Гвоздева И. А., Горбатюкская М. И.* [Рецензия] // ВДИ. 1983. № 3; *Мещеряков В. Ф.* [Рецензия] // Сов. археология. 1984. № 3; *Зубар В. М., Мещеряков В. Ф.* [Рецензия] // УИЖ. 1986. № 3; *Николов Д.* [Рецензия] // Археология. София, 1983. Кн. 3. Рец. на кн.: *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Х., 1981. 65. *Сорочан С. Б.* Про так звані рубчасті світильники з Херсонеса // Археологія. 1982. № 38; *Його ж.* Економічні зв'язки Херсонеса Таврійського з Заходом в I ст. до н. е.—V ст. н. е. // Археологія. 1985. № 50; *Его же*. Новый погребальный комплекс II—IV вв. н. э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н. э. К., 1986; *Сорочан С. Б., Зубар В. М.* Светильники в погребальном обряде античных городов Северного Причерноморья // Античная культура Северного Причерноморья. К., 1984; *Сорочан С. Б., Сон Н. А.* Античные светильники из Тире // Античные древности Северного Причерноморья. К., 1988. 66. *Мещеряков В. Ф.* Державні культи Діви і Херсонас у Херсонесі Таврійському I—III ст. н. е. // Вісн. Харк. ун-ту. 1980. № 201; *Его же*. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978; *Его же*. О культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1979; *Его же*. Проникновения христианства у Херсонес Таврийский // Вісн. Харк. ун-ту. 1975. № 118; *Его же*. Про походження культу Діви у Херсонесі Таврійському // Вісн. Харк. ун-ту. Сер. Історія. 1973. № 93. Вип. 7. 67. *Устинова В. О.* Аспург та аспургіани // Вісн. Харк. ун-ту. Сер. Іст. 1969. № 35. Вип. 3. *Ее же*. З історії Боспору у другій половині I ст. до н. е. // Вісн. Харк. ун-ту. Сер. Іст. 1966. № 17. Вип. 1; *Ее же*. К вопросу о присоединении Синдики к Боспору // ВДИ. 1966. № 4; *Ее же*. Про особливості соціально-економічного розвитку Боспору у I—II ст.

н. е. // Вісн. Харк. ун-ту. Сер. Іст. 1970. № 45. Вип. 4. 68. *Латышева В. А.* Некоторые итоги раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму // Вест. Харьк. ун-та. 1985. № 268; *Ее же.* Развитие земледелия на территории херсонесской хоры // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985; *Ее же.* К истории культов населения херсонесской хоры // Вестн. Харьк. ун-та. 1988. № 316; *Ее же.* Амфорный комплекс поселения херсонесской хоры Маслины // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь, 1988. 69. *Щеглов А. Н.* Вопросы античной археологии в изданиях Харьковского университета // Сов. археология. 1972. № 1; *Шиловец В. С.* Изучение древней истории в Харьковском университете им. А. М. Горького в 1950—1970 гг. // ВДИ. 1982. № 1; *Крыжицкий С. Д.* Античность в УССР в 1972—1982 гг. // ВДИ. 1983. № 2; 70. *Сергеев И. П.* До питання про причини поразки Песценнія Нігра під час громадянської війни 193—197 рр. у Римі // Вісн. Харк. ун-ту. 1980. № 201; *Его же.* Заключительный этап гражданской войны 193—197 гг. в Римской империи // Вестн. Харьк. ун-та. 1985. № 268; *Его же.* К вопросу об «антисенаторской политике» Септимия Севера // Вестн. Харьк. ун-та. 1983. № 238; *Его же.* К вопросу о начале заключительного этапа гражданской войны 193—197 гг. в Риме // Вестн. Харьк. ун-та. 1981. № 214. 71. *Шиловец В. С.* Російські революційні демократи про кризу та падіння Римської республіки // Вісн. Харк. ун-ту. 1966. № 17. *Ії ж.* Російські дворянські та буржуазні історики XIX ст. про кризу та падіння Римської республіки // Вісн. Харк. ун-ту. 1969. № 35; *Ії ж.* Проблема кризи і падіння Римської республіки // Пит. історії народів РСР. 1969. № 6. 72. *Кадеєв В. И.* В. П. Бузескул как историк // Вестн. Харьк. ун-та. 1983. № 238; *Его же.* Изучение древней истории в ХГУ за годы Советской власти // Вестн. Харьк. ун-та. 1987. № 302; *Кадеєв В. И., Журавский Ю. И.* Историческая наука в Харьковском университете (1933—1983) // Вестн. Харьк. ун-та. 1984. № 266; *Сергеев И. П.* Советская историография 50—80-х годов о кризисе III века в Римской империи // Вестн. Харьк. ун-та. 1988. № 316. 73. *Шмалько А. В.* Римское управление Вифинией-Понтом в I в. н. э. // Вестн. Харьк. ун-та. 1985. № 268; *Его же.* Римская социальная политика в провинции Вифиния-Понт во второй половине I в. до н. э.—I в. н. э. // Античная древность и средние века. Проблемы социального развития. Свердловск, 1985; *Его же.* Римская политика в Южном Причерноморье в I в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1985. *Дьячков С. В.* Некоторые вопросы социально-политической истории Ольвии I—III вв. н. э. (по данным ономастики) // Вестн. Харьк. ун-та. 1985. № 268; *Его же.* Отпущенники и их потомки в составе населения Боспорского царства в первых веках н. э. // Вестн. Харьк. ун-та. 1988. № 316; *Его же.* Особенности социально-политического развития античных государств Северного Причерноморья в первых веках н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1988; *Мартемьянов А. П.* Римская вилла на территории Фракии и Нижней Мезии в I—V вв. н. э. (обзор исследований) // ВДИ. 1986. № 2.

Поступила в редколлегию 11.11.89

А. И. МИТРАЕВ, канд. ист. наук,
Ю. А. ГОЛУБКИН, канд. ист. наук,
С. И. ЛИМАН

МЕДИЕВИСТИКА В ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Интерес русского общества к западноевропейскому средневековью зародился в конце XVIII—начале XIX в. Великая Французская буржуазная революция, нанесяшая сокрушительный удар по устоям освященного многовековой традицией феодального порядка, побуждала наших соотечественников разобраться не только в том, что утверждалось в Западной Европе, но и в том, что раз-

рушалось, чтобы на основе исторического опыта понять феодальное настоящее России и подумать о путях ее дальнейшего развития. Этот интерес удовлетворялся, с одной стороны, сочинениями просветителей, которые бичевали средневековые как одну из самых мрачных эпох в истории человечества, а с другой — произведениями литераторов-романтиков, пытавшихся представить средневековую Золушку в самом привлекательном виде. Историки же с ответом на духовные запросы общества запаздывали. «У нас, — писал в 1881 г. видный историк Харьковского университета М. Н. Петров, — давно уже принято бояться истории как рассадника самых опасных мнений, которые молодежь с толку сбивают. Это довольно ясно заметно на всех разнообразных перипетиях, какие испытывал ход нашего просвещения в текущем столетии. Как только в этой области почему-нибудь начиналась реакция, так тотчас первым делом, принимались за историю, — начинали ее упрощать, обрезать, делать невинною по форме и содержанию» [1, с. 27].

Медиевистика как отрасль исторической науки, изучающая западноевропейское средневековье, возникла в нашей стране в 30—40-х гг. XIX в. Но узкой специализации историков в дореволюционной России не существовало. Понятия «медиевистика» и «медиевист», употребляемые нами по отношению к дворянской и буржуазной русской историографии и ее представителям, — условны. За исключением специалистов по истории России, все русские дореволюционные историки были «всеобщими» историками. Они преподавали в университетах всемирную историю, а объектами их исследовательской работы становились многие проблемы и древней, и средневековой, и новой истории зарубежных стран.

На отделении словесных наук Харьковского университета со времени его основания была учреждена кафедра всемирной истории, географии и статистики. Первыми ее преподавателями были иностранцы — А. Г. Рейниш (1769(?)—1811), который до приезда в Россию был учителем в монастырской школе Вейнгартенского аббатства, и А. А. Дегуров (1765(?)—1849), покинувший Францию по политическим мотивам. Преподавательская деятельность первого в Харьковском университете относится к 1805—1807 гг., второго — к концу 1806—1816 гг. Кроме всемирной истории, в их педагогическую нагрузку входили лекции по географии, историческому обозрению хронологии, педагогике, дидактике и т. д. Разумеется, такое многообразие читаемых одним преподавателем предметов не могло не сказаться на глубине изложения материала. Преподавание всемирной истории до середины 30-х гг. XIX в. сводилось к пересказу лектором содержания учебных пособий и работ зарубежных «авторитетов». Исследовательской работой в области медиевистики названные выше историки не занимались.

Через несколько лет после основания Харьковского университета его преподавательский корпус начинает пополняться за счет талантливых выпускников. Одним из них был Д. Г. Адамович

(годы жизни неизвестны), преподававший всемирную историю в 1812—1819 гг. В 1818 г. к чтению этого курса подключились *Е. М. Филомафитский* (1790—1831) и *Р. Т. Гонорский* (1791—1819). Непродолжительное время (в 1831—1834 гг.) курс всемирной истории вел *В. Ф. Цых* (1805—1837) — серб по происхождению, превосходно образованный преподаватель, ставший позже ректором Киевского университета. Наконец, в 1835 г. на кафедре появился *М. М. Лунин* (1806(?)—1844). Современники этого талантливого ученого и преподавателя оставили о нем восторженные воспоминания. Основываясь на них, *В. П. Бузескул* назвал *М. М. Лунина* «харьковским Грановским» [2].

Наследие *М. М. Лунина* включает докторскую диссертацию «Предисловие к истории ахейцев», пять «Речей», из которых только две («Переход средней истории к новой и значение сей последней» (1835 г.) и «О влиянии В. Скотта на новейшие изыскания по части средней истории» (1836 г.)) непосредственно касаются истории западноевропейского средневековья, и неопубликованный обобщающий труд по всемирной истории, который не найден до настоящего времени.

М. М. Лунин первым из русских «всеобщих» историков осознал научную несостоятельность прежнего уничижительного отношения к средневековой истории, провозгласил необходимость ее всестороннего изучения и сделал первый шаг на этом пути. Харьковский профессор впервые в России начал читать всемирную историю, а следовательно, и историю средних веков не по иностранным «руководствам», а на основе собственных изысканий и размышлений. Он также впервые в отечественной историографии подготовил обобщающий труд по всемирной истории, включавший характеристику древней, средневековой и новой истории. «Каждую из этих частей,— отмечал ученик *М. М. Лунина* *М. Де-Пуле*,— он обрабатывал в таких громадных размерах, которые совсем выходили из рамок студенческого курса» [3, с. 88]. В этом труде центральное место отводилось истории западноевропейского средневековья. *М. М. Лунин* написал разделы, освещающие средневековую историю с конца V до конца XIII в. и с 1500 до 1648 г.* Автор не успел написать лишь раздел об истории Западной Европы XIV—XV вв. После смерти *М. М. Лунина* эта работа попала в руки его ученика *А. П. Рославского-Петровского*. Последний собирался издать ее, но, как замечает *М. Де-Пуле*, «из-за бесконечной лени» не сделал этого [Там же, с. 89]. Дальнейшая судьба рукописи неизвестна.

Если бы работа *М. М. Лунина* была опубликована, то многие акценты в истории отечественной медиевистики и в оценке талантливого харьковского историка можно было бы расставить по-иному. Ведь, по отзывам современников *М. М. Лунина*, его лекции, включавшие незначительную часть материала, собранного и

* Последний период истории средних веков *М. М. Лунин*, как и все дореволюционные историки, относил к истории нового времени.

осмысленного ученым, представляли собой выдающееся явление в тогдашней университетской жизни. «Содержание лунинских лекций,— свидетельствовал М. Де-Пуле,— до такой степени было полно, что исторические произведения московских ученых, явившихся позднее, для учеников Лунина не представляли ничего особенного» [Там же]. М. М. Лунин, по словам Н. И. Костомарова, «был бесспорно одним из лучших преподавателей всеобщей истории, какие когда-либо являлись в наших университетах» [4, с. 22].

С 1845 по 1852 г. всемирную историю преподавал А. П. Рославский-Петровский (1816—1870). Его научные интересы касались в основном истории древнего мира. Наследие ученого в области медиевистики включает статью о легендарном английском короле Альфреде Великом и рецензию на магистерскую диссертацию М. Н. Петрова.

Вторая половина XIX в.— время расцвета отечественной медиевистики. Почетное место в когорте талантливых отечественных медиевистов второй половины XIX в. занимает харьковский историк М. Н. Петров (1826—1887)*. Вклад М. Н. Петрова в отечественную науку определяется прежде всего тем, что он создал первую в России обобщающую работу по зарубежной историографии. Харьковский ученый одним из первых в отечественной историографии обратил внимание на судьбы западноевропейского средневекового крестьянства и с глубоким сочувствием охарактеризовал его борьбу против феодальной эксплуатации. Уделяя большое внимание Реформации и Крестьянской войне в Германии, исследователь оценивал эти события как первую буржуазную революцию. Новаторскими по содержащимся в них оценкам были и очерки М. Н. Петрова о Жанне д'Арк, Савонароле, Эразме Роттердамском, культуре эпохи Возрождения и т. д. Заметный след в отечественной историографии М. Н. Петров оставил и как исследователь политического строя стран Западной Европы в средние века.

Как лектор и педагог М. Н. Петров, по мнению В. П. Бузескула, «принадлежал к числу лучших и блестящих профессоров не только харьковского, но и других университетов» [6, с. 46]. «Ясность и вразумительность, отсутствие подавляющей массы подробностей, дробное и строго систематическое расположение научного материала, точность выводов и при всех этих внутренних достоинствах изящество формы»,— отличали, по мысли А. Н. Деревицкого, лекции М. Н. Петрова [7, с. 25]. Превосходные лекции М. Н. Петрова легли в основу написанного им первого русского университетского учебника всеобщей истории [8]. Во время пребывания в научной командировке в Германии М. Н. Петров пришел к выводу, что успехи немецкой исторической науки в значительной мере предопределены преобладанием специальных курсов над общими и проведением семинарских и практических занятий.

* Подробнее о М. Н. Петрове см. [5].

Возвратившись в Харьков, ученый настойчиво внедрял эти принципы в практику университетского обучения. М. Н. Петров пытался создать новый учебник всеобщей истории и для гимназий, но не успел довести начатого дела до конца. Широкий общественный резонанс в начале 80-х гг. вызвала статья М. Н. Петрова «Историческая подготовка» [1], проникнутая новаторскими идеями в области педагогики и методики преподавания истории.

С 1864 г. по решению Совета университета преподавание всемирной истории было разделено между тремя преподавателями: древнюю историю читал А. П. Рославский-Петровский, новую (историю XVI—XVII вв.) — М. Н. Петров, историю средних веков — В. К. Надлер (1840—1894). Последний читал этот курс до 1890 г.

Литографированные издания курсов по истории средних веков (с V по IX в.) [9] и по истории Крестовых походов [10] свидетельствуют о блестящей эрудиции В. К. Надлера и его педагогическом мастерстве. С признательностью следует упомянуть о большой работе В. К. Надлера по подготовке к изданию первого, второго и четвертого томов «Лекций по всемирной истории» М. Н. Петрова. Как исследователь В. К. Надлер придавал большое значение исторической критике источников. «Ложь, как бы красива она ни была, — писал он, — никогда не может принести действительной, настоящей пользы. История, очищенная от мифов и вымыслов, будет иметь несравненно большее образовательное, нравственное значение, нежели та странная смесь истины и лжи, которую мы находим в наших наиболее распространенных очерках» [11, с. 13]. Избирая в качестве объекта исследования сравнительно узкие темы, В. К. Надлер стремился всесторонне осветить их на основе тщательного анализа источников. Главная работа В. К. Надлера по истории западноевропейского средневековья — докторская диссертация «Адальберт Бременский, правитель Германии в молодые годы Генриха IV» — получила высокую оценку специалистов [12].

К середине 80-х годов XIX в. относится начало учебной и научной деятельности В. П. Бузескула (1858—1931), который позже получил широкую известность как исследователь-античник и специалист в области историографии всеобщей истории*. Первый прочитанный им в 1885 г. в Харьковском университете курс был посвящен истории Западной Европы XIV—XV вв. После перехода В. К. Надлера в Новороссийский университет (1890 г.) В. П. Бузескул на протяжении ряда лет читал историю средних веков и спецкурс по истории Реформации. В 1884 г. историк опубликовал статью «Папство и Арнольд Брешианский» [14]. В дореволюционный период В. П. Бузескул написал также ряд работ по историографии средних веков. Особое внимание он уделял немецкой исторической науке, которая во второй половине XIX в. добилась значительных успехов [15, 16].

* Подробнее о В. П. Бузескуле как медиевисте см. [13].

Последним в ряду дореволюционных историков-медиевистов Харьковского университета был А. С. Вязигин (1867—1919). В студенческие годы он получил золотую медаль за работу «Борьба Генриха IV с Григорием VII до избрания Рудольфа Швабского». Тема, скорее всего, была подсказана ему В. К. Надлером, который исследовал отношение папства к светской власти до Григория VII. Незадолго до окончания университета А. С. Вязигин опубликовал обширный биографический очерк «Григорий VII. Его жизнь и общественная деятельность» [17]. Этот сюжет изучался историком на протяжении всей научной деятельности. Наибольшую известность получили его «Очерки из истории папства в XI веке» [18]. Признавая бесспорный вклад А. С. Вязигина в изучение данной темы, вместе с тем следует отметить, что в его творчестве отразился наметившийся на рубеже XIX—XX вв. кризис методологических основ русской буржуазной историографии. В отличие от многих предшественников, А. С. Вязигин принимал непосредственное участие в политической жизни России. В 1908—1912 гг. он был депутатом III Государственной Думы. В 1919 г. А. С. Вязигин был расстрелян за контрреволюционную деятельность.

Новый этап в развитии отечественной медиевистики, как и всей исторической науки, начинается после Великой Октябрьской социалистической революции. Уже в первые послереволюционные годы в сложных условиях были заложены организационные основы советской исторической науки, подготовлены кадры историков-марксистов, сделаны первые шаги для пересмотра с марксистских позиций основных проблем исторической науки. В дальнейшем заметно расширилась тематика, совершенствовалась методика и повышался научно-теоретический уровень исследований.

Определенный вклад в изучение истории западноевропейского средневековья внесли историки Харьковского университета*. Среди тех ученых, которые закладывали фундамент марксистской медиевистики на Украине, видное место принадлежит Н. М. Пакулю (1880—1953). В 20-х годах он опубликовал ряд научно-популярных статей по всеобщей истории. Но этим отнюдь не исчерпывалась деятельность харьковского историка. Если большинство советских медиевистов в 20-х—середине 30-х гг. ограничивались интерпретацией с марксистских позиций фактического материала, заимствованного из работ буржуазных историков, то Н. М. Пакуль стремился к изучению западноевропейского средневековья на основе источников. В исследовательском плане его интересовали и история Франкского государства, и городские движения в Германии XIV в., и проблемы источниковедения и историографии средних веков. Главным трудом Н. М. Пакуля в рассматриваемый период была книга о Нидерландской буржуазной революции [20], которая вплоть до 50-х гг. продолжала оставаться единственным

* Подробнее о медиевистике в Харьковском университете за годы Советской власти см. [19].

в советской историографии исследованием одной из наиболее актуальных тем истории позднего средневековья.

История революционного движения изучалась и молодым коллегой Н. М. Пакуля А. Я. Киктевым (1899—1944). В обширной статье он впервые в советской историографии показал социально-экономические и политические причины и вскрыл классовое содержание Реформации и Крестьянской войны в Германии. А в 1931 г. была опубликована его монография о программах Крестьянской войны [21]. Но затем А. Я. Киктев перешел в Киевский университет, где стал заниматься исследованием проблем новой истории. Со второй половины 30-х до середины 40-х годов Н. М. Пакуль оставался единственным медиевистом на факультете. Он читал лекции по трем периодам средневековой истории, вел спецкурсы по историографии и источниковедению средних веков и по истории Франкского государства, заведовал кафедрой. Напряженная педагогическая и административная деятельность не позволили Н. М. Пакулю полностью реализовать свои творческие замыслы.

Исследовательская работа в области истории западноевропейского средневековья оживляется в университете в послевоенный период. В декабре 1948 г. заканчивает аспирантуру и начинает работать на кафедре истории средних веков ученица Н. М. Пакуля Л. П. Калущкая (1921—1983). Затем на кафедру из Педагогического института переходит Г. В. Фризман. В 50-х—начале 60-х гг. Л. П. Калущкая занимается изучением истории Франции периода позднего средневековья: защищает кандидатскую диссертацию, посвященную политическим идеям кардинала Ришелье, пишет статьи о франко-польских отношениях в середине XVII в., проблеме абсолютизма Г. В. Фризман, который в годы войны защитил кандидатскую диссертацию «Итальянская политика Оттона I», продолжает изучение этой темы. В середине 60-х—начале 80-х гг. основной темой научной работы Л. П. Калущкой и Г. В. Фризмана становится историография истории средних веков.

В 70-х—80-х гг. на кафедре возобновилось начатое А. Я. Киктевым изучение истории раннебуржуазной революции в Германии. Ю. А. Голубкин занимался исследованием идейно-политической борьбы в Германии в 1517—1525 гг., В. А. Дятлов исследовал реформационное движение в городах Саксонии и Тюрингии, А. А. Гаврюшенко — общественно-политические воззрения Ф. Меланхтона, С. И. Баев — учение и деятельность Б. Губмайера. По этой тематике было защищено три кандидатских диссертации — Ю. А. Голубкиным (1974 г.), В. А. Дятловым (1983 г.), А. А. Гаврюшенко (1988 г.), опубликовано около 30 статей, переведен на русский язык ряд источников по истории Реформации.

Много внимания на кафедре уделялось учебной работе. Кроме общего курса истории средних веков, преподаватели-медиевисты читали спецкурсы по историографии и источниковедению средних веков, политической истории Германии раннего средневековья,

средневековой культуре, гуситскому революционному движению, раннебуржуазной революции в Германии, руководили многими спецсеминарами. В конце 80-х годов в условиях перестройки всей системы общественных наук и реформы высшей школы на кафедре наместились новые подходы к изучению важнейших проблем средневековой истории, развернулся поиск наиболее эффективных форм учебной работы.

* * *

Средневековая история южных и западных славян заняла определенное место в исследованиях ученых Харьковского университета уже в первые десятилетия его деятельности.

С первыми публикациями в области славянской медиевистики выступил литовский профессор *И. Н. Данилович*, который за причастность к студенческим волнениям был уволен из Виленского университета и назначен в Харьков. За годы работы в Харьковском университете (1825—1830) он опубликовал ряд открытых им в архивах г. Вильно литовско-польских позднесредневековых источников [22, с. 21]. *И. Н. Данилович* находился в дружественных отношениях с польским историком и революционером *Иоахимом Лелевелем* и немало сделал для популяризации его идей в университетских лекциях по истории права в Харькове.

Лекции литовского профессора, несомненно, слушал учившийся в те годы на этико-политическом отделении *И. И. Срезневский*, с именем которого связано основание в 1835 г. славяноведческой кафедры и начало в Харьковском университете систематических исследований в области средневековой истории зарубежных славян [Там же, с. 49—53]. *И. И. Срезневский* стал одним из выдающихся славистов и первым доктором славяноведения в России, защитил в 1846 г. диссертацию «Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современников и преданиям». Вопреки распространенным в то время взглядам клерикальных историков на язычество и христианство как диаметрально противоположные и несовместимые системы, он показал, что они имели общие черты. Эти положения получили в дальнейшем подтверждение в трудах советского академика *Б. А. Рыбакова*.

Подобно *И. И. Срезневскому*, его ученик по Петербургскому университету и преемник по кафедре славяноведения в Харькове, убежденный славянофил *П. А. Лавровский* также работал преимущественно в области славянской филологии. Из его многочисленных трудов, созданных за время работы в Харьковском университете (1851—1869), вполне историческим сочинением по славянскому средневековью является, в сущности, лишь исследование «Падение Чехии в XVII веке». Однако понять действительные причины неудачи чешского освободительного движения в начале XVII в. маститому слависту все же не удалось. Исповедуя славянофильскую доктрину о решающей роли в судьбах западного славянства борьбы славянского и германского «духовных начал», он сосредоточил внимание на освещении распрей между протестан-

стантами-чехами и католиками-немцами, не коснувшись социальной розни в среде чешских протестантов, помешавшей им достичь необходимого единства в борьбе с выступавшими под знаменами католицизма и угнетавшими Чехию Габсбургами. Гораздо большее научное значение имело самое крупное исследование П. А. Лавровского «Св. Кирилл и Мефодий как православные проповедники и учителя...», в котором главное внимание уделяется также межцерковной борьбе между православием и католицизмом. Однако привлечение большого количества источников и их критический высокопрофессиональный анализ позволили ученому понять важную роль политических соображений правящих сил в принятии православного христианства Великой Моравией и Болгарией, а также обстоятельно осветить не только проповедническую, но и просветительную деятельность солунских братьев, благодаря чему труд харьковского слависта стал заметным явлением в русском славяноведении [23, т. 2, с. 490], к которому продолжают обращаться и современные исследователи.

Филологическая проблематика преобладала и в трудах его брата — *Н. А. Лавровского*, работавшего в Харьковском университете в 1852—1874 гг. [22, с. 34]. Однако некоторые его исследования в области византиноведения имеют важное значение для истории отношений Византии с Русью. В одном из них [24] на основе тщательного текстологического и источниковедческого анализа убедительно доказано влияние не дошедшего до нас византийского подлинника на древнерусский текст договоров Руси с Византией в первой половине X в.

Вместе с братьями Лавровскими в университете работал, правда непродолжительное время (1849—1863), воспитанник Петербургского главного педагогического института *А. П. Зернин*. Полагая, что Византия оказала решающее влияние на исторические судьбы Древней Руси, он поставил задачу исследовать эту проблему. Однако решить ее до конца не смог, ограничившись публикацией лишь отдельных очерков о жизни и деятельности императоров Константина Багрянородного и Василия Македонина и Константинопольского патриарха Фотия. Нельзя признать удачной и его попытку объяснить сущность польской истории первой половины XVI в., где все сведено к деятельности личностей [25]. К тому же ограниченный круг использованных источников не мог обеспечить успешное решение данной проблемы. Сказалась, видимо, и болезнь, вынудившая *А. П. Зернина* в 1863 г. оставить университет.

Если для первых десятилетий развития славяноведения и византинологии в университете в основном характерна филологическая проблематика, то начиная с 60-х годов XIX в. проблемы средневековой истории зарубежных славян начинают занимать в исследованиях харьковских славистов все более значительное место.

Уже в трудах ученика П. А. Лавровского профессора *В. К. Надлера* историческая проблематика является преобладающей. Ра-

ботая в течение 1864—1891 гг. на кафедре всеобщей истории, он главное внимание уделял сюжетам из западноевропейского средневековья, но разрабатывал их в тесной взаимосвязи с судьбами западнославянского мира [22, с. 40, 26, 29]. Унаследовав от своего учителя консервативно-славянофильские идеи, В. К. Надлер рассматривает историческое развитие средневековых славян в плане столкновения двух духовных начал — «немецко-католического» и «славяно-православного». В свете этого гуситское движение освещается им как попытка возрождения «славяно-православного начала», подавленного вследствие распространения в Чехии католицизма. Тем не менее в мастерстве изложения, умении привлечь новые источники В. К. Надлеру не откажешь. В его работе есть немало интересного материала, особенно о славяно-германских отношениях, а освещение деятельности чешских предшественников Гуса по-прежнему остается наиболее обстоятельным. К сожалению, этого нельзя сказать об увидевшей свет в 1877 г. серии очерков «Османские турки и балканские славяне во второй половине XIV века», в которых утверждалось, что победа османов на Балканах обусловлена «высокими качествами османской души», с одной стороны, и «недостатком религиозного энтузиазма» у южных славян — с другой. Такого рода откровения в духе заимствованных у Ранке реакционно-романтических идей, сочетавшихся у В. К. Надлера с открыто враждебным отношением к современным ему освободительным движениям славянских народов, были подвергнуты суровой критике не только в демократической печати [27, с. 247—248], но и либерально настроенными историками, в частности, одним из представителей болгарского национально-культурного Возрождения *Марином Дриновым*, с деятельностью которого в Харьковском университете (1812—1906) связаны наивысшие достижения в исследовании ряда проблем средневековой истории южных славян [22].

В отличие от В. К. Надлера, Марин Дринов, хотя и прошел выучку у профессоров-славянофилов в Московском университете, лишь отчасти следует доктринам славянофильского романтизма, преимущественно в ранних болгарских сочинениях. В исследованиях же харьковского периода он отходит от них, сближаясь с методологическими принципами русской либеральной историографии. Исследуя раннесредневековую историю южных славян, он избегает широких обобщений, ограничиваясь попытками объяснить исторические явления действием тех или иных факторов. Определяющее значение ученый придает личности правителя, полководца, дипломата, либо влиянию внешних обстоятельств. Мирные отношения между Болгарией и Византией второй половины IX в., по его мнению, обусловлены миролюбивыми натурами их правителей, а войны Симеона против Византии объясняются вероломством императора, с которыми болгарский царь рано или поздно должен был покончить. Вместе с тем М. Дринов получил важные научные результаты, которые сохраняют силу до сих пор. Это прежде всего, убедительное опровержение бытовавшей в сла-

вяноведении версии об автохтонности славян на Балканах, аргументированное обоснование точки зрения о заселении Юго-Востока Европы не сложившимися славянскими народностями, а племенами. М. Дринов вскрыл также несостоятельность свидетельств Константина Багрянородного о якобы мирном внедрении славян в пределы Восточноримской империи и показал, что славянские племена утвердились на Балканских землях лишь в VII в. в ходе длительных войн против империи. Однако попытки исследователя отнести начало столкновений славян с Римом еще ко времени так называемых Маркоманских войн были отвергнуты как бездоказательные уже его современниками [27, с. 148].

Значительные результаты получены М. Дриновым в ходе исследования византино-славянских отношений в X в. Подвергнув впервые в науке всестороннему исследованию письма патриарха Николы Мистика, М. Дринов сумел по-новому осветить ряд событий византино-славянской истории. Он доказал, что походы болгарского царя Симеона против Византии преследовали цель полного подчинения империи, что очаг болгарской государственности в западной части страны сохранялся и во время походов в Болгарию киевского князя Святослава, и во время ее завоевания Византией в 972 г., и, следовательно, восстановление в конце X в. Болгарского царства — не результат восстания болгар, а войны с нею западно-болгарского царя Самуила. На основе сочинений Константина Багрянородного ему удалось установить структуру болгарского управления в раннесредневековой Болгарии. М. Дринов впервые указал на народность богомилства и отметил в нем присутствие социально-политических устремлений, что нашло в современном славяноведении полное подтверждение, хотя классовая сущность богомилского движения осталась им непонятой [Там же]. Не всегда удавалось ему сочетать болгарский патриотизм с научной объективностью, что проявилось как в идеализации болгарского царя Симеона, так и в плохо скрываемом пренебрежении к сербам.

Во второй период деятельности в университете после окончательного (1881 г.) возвращения из Болгарии М. Дринов главное внимание сосредоточил на педагогической деятельности: он преподавал цикл славяноведческих дисциплин, в том числе и в области славянского средневековья [28, с. 71—72]. М. Дринов был удостоен звания заслуженного профессора, избран членом-корреспондентом Российской Академии Наук.

Одновременно с М. Дриновым в университете, но на кафедре богословия работал (1869—1910) почетный доктор церковной истории, заслуженный профессор А. С. Лебедев. Он не только читал обширные курсы по истории церкви у южных славян, но написал сочинения, в которых большое место занимают проблемы истории церкви у славян средневековой эпохи [22, с. 39]. В них содержится интересный материал о распространении в южнославянских землях византийской культуры. Рассматривая историю со славянофильских позиций, А. С. Лебедев стремился доказать, что имен-

но православие является наилучшей формой христианства, оценивая и гусизм как движение к православию [27, с. 211].

После смерти в 1906 г. М. Дринова в течение 1907—1909 гг. курсы по средневековой истории славян читал в университете Г. А. Ильинский. В эти же годы он подготовил исследование «Грамоты болгарских царей», которое, правда, опубликовал и защитил в качестве докторской диссертации в 1911 г., когда уже покинул Харьков. Это исследование было удостоено Ломоносовской премии и до сих пор сохраняет значение в качестве классического образца публикации и исследования такого рода средневековых источников [23, т. 3, с. 502].

В 1910—1919 гг. кафедру славяноведения в Харьковском университете возглавил видный русский славист, работавший до этого в Варшаве и Петербурге, профессор А. Л. Погодин, в научном творчестве которого преобладала также историко-славистическая тематика [22, с. 41—44]. Однако основные научные достижения в харьковский период связаны у него с исследованиями по новой истории польского народа. Средневековая проблематика затрагивалась лишь в опубликованных им «Лекциях по славянским древностям» и «Кратком очерке истории славян», в которых, как отмечала критика, автор не высказал оригинальных идей, ограничившись лишь обобщением всего того, что достигнуто было славяноведческой наукой к началу XX в. [29, с. 485; 30, с. 17].

Завершая рассмотрение развития славяно-византинологических исследований в Харьковском университете в дореволюционный период, следует отметить труды по истории Византии избранного в 1912 г. приват-доцентом по кафедре всеобщей истории воспитанника Нежинского историко-филологического института Б. А. Черноусова, в которых рассматривается широкий круг вопросов политической, экономической и культурной истории и историографии Византийского средневековья [31]. Отличительной чертой этих работ является попытки автора глубоко исследовать социально-экономические факторы. Однако ученый в соответствии с распространенными в дореволюционном византиноведении концепциями подчеркивает только преемственность византийских социальных учреждений от институтов Римской империи [23, т. 3, с. 517].

Таким образом, несмотря на то, что в дореволюционное время слависты и византилисты университета в своих исследованиях не вышли за пределы господствующей в историографии идеалистической методологии, в разработке ряда проблем средневековой истории зарубежных славян и Византии они достигли научных результатов, значение которых велико и по сей день.

К сожалению, такого нельзя сказать об исследованиях в области средневековой истории зарубежного Востока. Здесь можно назвать только лекции по истории средневекового Востока профессора В. К. Надлера, а также его скорее литературоведческое, чем историческое сочинение по истории арабской культуры раннего средневековья [32]. Предпочтение в Харьковском универси-

тете отдавалось восточным древностям, преимущественно восточным языкам и литературе.

Сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции в трудных условиях гражданской войны и послевоенной разрухи о какой-либо серьезной научно-исследовательской работе в области славяно-византийского и восточного средневековья, конечно же, не могло быть и речи. К тому же ведущий специалист в области славистики профессор А. Л. Погодин в 1919 г. эмигрировал в Югославию. Покинул Харьков в связи с ликвидацией в 1920 г. университета и подающий надежды византист Е. А. Черноусов. В Институте народного образования чтение курсов по средневековой истории славян, Востока и Византии не предусматривалось, а научно-исследовательская работа переносилась на так называемые научно-исследовательские кафедры. Когда же в середине 30-х годов в Харькове был восстановлен университет с историческим факультетом, то специалистов в области славяноведения и византинологии не оказалось.

Только с середины 60-х годов возобновляются исследования в области историографии славянского средневековья. В эти годы А. И. Митряев впервые в славистике осуществил историографический обзор истории изучения в УССР средневековой истории зарубежных славян [33, с. 3—27], а в 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию о советской историографии гуситского движения [34]. В дальнейшем он продолжил разработку вопросов истории славяноведения, опубликовав по этой проблематике около 20 статей. Под руководством А. И. Митряева в 70-е годы выполнен ряд дипломных работ по средневековой историографии и истории славян. Автор одной из них А. Н. Сурков опубликовал одну из глав об исторических взглядах Марина Дринова [28]. Дипломная работа А. Б. Головки о польско-русских отношениях в X—XIII вв. в дальнейшем выросла в кандидатскую диссертацию, а затем и в монографию, подготовленные им во время учебы в аспирантуре и работы в Институте истории АН УССР [35].

С конца 60-х годов в исследованиях профессора В. И. Кадеева по истории античного Херсонеса затрагиваются отдельные, главным образом источниковедческо-археологические, вопросы истории византийских владений в Крыму на рубеже античности и средневековья, а несколько позднее, с начала 80-х годов, эти сюжеты рассматриваются и в работах его ученика С. Б. Сорочана. О возрождении же в университете исследований, посвященных непосредственно средневековой Византии, можно говорить лишь со второй половины 80-х годов, когда С. Б. Сорочан приступает к работе над докторской диссертацией «Организация и структура Византийской торговли в IV—IX вв.» и публикует первые статьи по этой проблеме [36].

Самые выдающиеся результаты в отраслях медиевистики получены в советское время в трудах по арабскому источниковедению заслуженного деятеля науки УССР профессора А. П. Ковалевского, который после защиты докторской диссертации с 1951 г.

возглавлял кафедру новой истории, а с 1964 г. — кафедру истории средних веков. Главным трудом историка является фундаментальное исследование «Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.». В нем изложены результаты почти 20-летнего изучения сочинения арабского писателя начала X в. Мастерский источниковедческий и текстологический анализ, установление достоверности содержащихся в этом источнике сообщений о народах и племенах Восточной Европы осуществлены в тесной взаимосвязи с событиями жизни и творчества Ибн-Фадлана и его эпохи. Публикация фотоконии арабского списка книги и нового перевода, а также персидского варианта ее пересказа завершает исследование А. П. Ковалевского. Огромную ценность представляет также филологический и исторический комментарий, который служит важным подспорьем в работе историков не только над текстом Ибн-Фадлана, но и над всеми другими арабскими источниками, сообщающими сведения о раннесредневековых народах и племенах Восточной Европы. Не удивительно, что труд А. П. Ковалевского получил широкое признание и высокую оценку и у нас в стране, и во всем мире [37, с. 31]. Высокой оценки у славистов заслужили и две другие его источниковедческие работы, опубликованные посмертно (1973 г.). В них изложены результаты анализа сочинений арабского писателя Аль Масуди о славянских храмах и славянах первой половины X в. [38, с. 62—87].

Кроме источниковедческих работ, А. П. Ковалевский подготовил публикацию «Антологии литератур Востока» (1961 г.), где помещено большое количество переводов литературных произведений писателей Востока, многие из которых имеют значение исторических источников. Научные комментарии к ним во многом облегчают задачу их использования историками. В этом же труде помещен большой очерк об истории изучения Востока в Харьковском университете и в г. Харькове с конца XVIII в. до 50-х годов XX в. Кроме того, А. П. Ковалевский подготовил ряд статей о советских востоковедах — Тофике Кезме и академике А. Е. Крымском, работавших на Украине. К сожалению, с кончиной в 1969 г. А. П. Ковалевского исследования в области средневекового Востока в университете прекратились, так как все его ученики сосредоточились на проблематике по новейшей истории восточных народов. Тем не менее труды А. П. Ковалевского о средневековых арабских источниках и истории востоковедения явились заметным научным вкладом в советское востоковедение.

Список литературы: 1. Петров М. Н. Историческая подготовка Pro domo sua. X.; 1881. 2. Бузескул В. П. Профессор М. М. Лунин — «харьковский Грановский» // ЖМНП. 1905. Февр. 3. Де-Пуле М. Харьковский университет и Д. Каченовский // Вестн. Европы. 1874. № 1. 4. Костомаров Н. И. Литературное наследие СПб., 1890. 5. Голубкин Ю. А., Могила О. Н. М. Н. Петров как историк // Вестн. Харьк. ун-та. История. 1988. № 316, вып. 22. 6. Бузескул В. П. Некролог М. Н. Петрова // ЖМНП. 1887. Март. Ч. ССІ. 7. Деревицкий А. Н. Михаил Назарович Петров (Страница из истории Харьковского университета): Биограф. очерк. X., 1877. 8. Петров М. Н. Лекции по всемирной истории.

В 4 т. X., 1888—1890. 9. *Надлер В. К.* Состояние Западной Европы в конце IX и начале X столетия. X., 1865. 10. *Надлер В. К.* История Крестовой эпохи. X., 1890. 11. *Надлер В. К.* Мифологический элемент в истории: Публичная лекция. X., 1887. 12. *Надлер В. К.* Адальберт Бременский, правитель Германии в мо-
лодые годы Генриха IV. X., 1867. 13. *Калуцька Л. П., Фрізман Г. В.* Академік В. П. Бузескул — історик середніх віків // Вісн. Харк. ун-ту. Іст. сер. 1967. Вип. 2. 14. *Бузескул В. П.* Папство и Арнольд Брешианский. X., 1884. 15. *Бузескул В. П.* Обзор немецкой литературы по истории средних веков. X., 1885. 16. *Бузе-
ску В. П.* Генрих Зибель как историк-политик. X., 1896. 17. *Вязигин А. С.* Григорий VII. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1891. 18. *Вязи-
гин А.* Очерки из истории папства в XI веке (Гильдебранд и папство до смерти
Генриха III). СПб., 1898. 19. *Митряев А. И., Голубкин Ю. А.* Медиевистика
в Харьковском университете за годы советской власти // Вестн. Харьк. ун-та.
История. 1987. № 302, вып. 22. 20. *Пакуль Н.* Нидерландская революция. X.,
1929. 21. *Киктів О.* Програма селянської війни в Німеччині. X., 1931. 22. *Исто-
рия* славяноведения в Харьковском университете. 1805—1917. Библиография.
X., 1988. 23. *Очерки истории исторической науки в СССР.* М., 1960. Т. 2. 1963.
Т. 3. 24. *Лавровский Н. А.* О византийском элементе в языке договоров рус-
ских с греками. СПб., 1853. 25. *Зернин А. П.* Очерки, служащие к разъяснению
истории Польши в первой половине XVI в. // Библиотека для чтения. 1858. № 8.
26. *Надлер В. К.* Базельский собор и его значение // Духовный вестн. 1865. № 1.
27. *Славяноведение* в дореволюционной России. М., 1979. 28. *Митряев А. И.,
Сурков О. М.* До питання про оцінку Марина Дринова як історика-слави-
ста // Вісн. Харк. держ. ун-ту. 1978. № 167. 29. *ЖМПН.* 1901. № 8. 30. *Рус-
ская мысль.* 1915. № 2. 31. *Черноусов Е. Е.* Основные черты государственного
и общественного строя Византии. X., 1912. 32. *Надлер В. К.* Культурная жизнь
арабов в первые века (662—1100 гг.). X., 1869. 33. *Славянская историография
и археология.* М., 1969. 34. *Миряев А. И.* Советская историография гуситского
движения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. X., 1971. 35. *Головко А. Б.* Древ-
няя Русь и Польша в X—первой трети XIII вв. К., 1988. 36. *Сорочан С. Б.*
Херсонес в системе константинопольской торговли IV—первой половины
VII вв. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Сева-
стополь. 1988. 37. *Андрей Петрович Ковалевский:* Библиография. X., 1966.
38. *Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений.*
М., 1973.

Поступила в редколлегию 14.10.88

В. Д. КОЗЛИТИН, канд. ист. наук,
С. П. КУНДЕНКО, **В. Ф. ПАХОМОВ**, канд. ист. наук,
С. Ю. СТРАШНЮК, канд. ист. наук,
А. А. ЧУВПИЛО, канд. ист. наук

ИЗУЧЕНИЕ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1805—1990 гг.)

Историческая славистика. Устойчивый интерес к славянскому миру в Харьковском университете существовал уже с момента его открытия в 1805 г. Об этом, в частности, свидетельствует деятельность его основателя **В. Н. Каразина** (1773—1842), который приходился праправнуком Софийскому епископу Григорию Карадже, хождение **В. Н. Каразина**, несомненно, стимулировало его интерес переселившемуся в Россию в начале XVIII в. Балканское проис-
к этому региону. Во всяком случае он не только пригласил на преподавательскую работу в Харьковский университет сербских

ученых *Афанасия Стойковича* и *Теодора Филиповича**, но и охотно откликнулся на просьбу князя А. А. Чарторыского дать оценку начавшемуся в феврале 1804 г. национальному восстанию сербов против Порты.

В письмах к А. А. Чарторыскому от 3 и 25 декабря 1804 г. (по новому стилю) В. Н. Каразин обстоятельно анализирует политическую ситуацию в Сербии, доказывая необходимость оказания помощи повстанцам в их борьбе за освобождение от власти султана [1, с. 35—40]. Тогда же, накануне открытия Харьковского университета, он отправил в Министерство иностранных дел специальную записку о создании на Балканах при содействии России «словено-сербского государства». По его замыслу, «царство словен» должно было стать конституционной монархией и объединить все населенные сербами земли Турции и Австрии [Там же, с. 41—51]. Хотя предложенный план помощи сербским повстанцам не был одобрен Александром I, все же некоторые его идеи нашли частичное отражение в русской дипломатической практике. Уволенный вскоре со службы с выговором «за превышение власти» по делам Харьковского университета В. Н. Каразин, однако, успел привлечь внимание университетской общественности к судьбам и современному положению южного славянства.

Интерес к славянам Балканского полуострова в студенческой среде поддерживали работавшие в Харькове в первой трети XIX в. профессора-сербы *Дудрович*, *Каритари*, *Малинович*, *Павлович*, *Терлаиц*, *Цых*, знакомившие учащихся в свободное от занятий время со словесностью и историей своего народа [2, с. 257—269]. Первым университетским славистом, однако, следует считать знаменитого украинского писателя, филолога и историка *П. П. Гулака-Артемовского* (1790—1865), по инициативе которого в 1818 г. на словесном отделении была создана кафедра польского языка [3, с. 129—161]. Фактически это была вторая в России попытка выделить славяноведение в самостоятельную университетскую дисциплину: первая принадлежит Московскому университету, где в 1811 г. была учреждена кафедра славянской словесности.

П. П. Гулак-Артемовский стремился включить в свои лекции не только сведения о польском языке, но и о польской истории и культуре. Как видно из его переписки, он собирался переводить труды польских историков — *А. Нарушевича*, *Ю. Немцовича* и др., которые имели, по его мнению, важное значение для изучения русской и украинской истории [4, с. 217]. О глубоком интересе *П. П. Гулака-Артемовского* к прошлому славянских народов свидетельствует его магистерская диссертация «О пользе истории вообще и преимущественно отечественной и о способе преподавания последней» (1821 г.). Руководимая им кафедра была закрыта в начале 1831 г. в связи с польским восстанием [Там же, с. 7], тем не менее она сыграла свою роль в пробуждении обще-

* Теодор Филипович позднее был известен под именем *Божидара Груйовича* как составитель первых законов и проекта государственного устройства Сербии,

ственного интереса к польской истории и культуре. Определенная заслуга в этом принадлежит также проф. *И. Н. Даниловичу* (1787—1843), читавшему в Харьковском университете на протяжении пяти лет (1825—1830) курсы права Российской империи, Западных губерний и Царства Польского [5, с. 150].

Таким образом, первые три десятилетия после создания университета можно рассматривать как период формирования устойчивого интереса среди преподавателей и студентов к зарубежным славянским народам, в том числе их историческому прошлому и современному положению. Не случайно, учившиеся тогда на этико-политическом и словесном отделениях университета *В. И. Григорович, П. И. Кеппен, Е. П. Ковалевский, Н. И. Костомаров, И. Н. Лобойко, А. В. Склабовский, И. И. Срезневский* стали впоследствии известными учеными-славистами [6, с. 186—187, 191—193, 223, 307, 318—321].

Переломным в истории отечественной славистики стал 1835 г., когда в соответствии с новым университетским уставом в Петербургском, Московском, Казанском и Харьковском университетах учреждались кафедры истории и литературы славянских наречий. Однако всесторонне подготовленных славистов в России тогда не было, в связи с чем Министерство народного просвещения приняло решение командировать за рубеж молодых ученых «для усовершенствования себя в истории и литературе славянских наречий». В Харькове выбор пал на *И. И. Срезневского* (1812—1880), который, будучи по своей прямой специальности юристом, проявлял большой интерес к истории, фольклору и этнографии. Об этом, в частности, свидетельствуют изданные им в 30-е годы «Словацкие песни» (1832 г.), несколько сборников «Запорожской старины» (1833—1839), ряд статей по истории, этнографии и фольклору украинского народа. В своей магистерской диссертации «Опыт о сущности и содержании в науках политических» (1837 г.) он развивает мысль о важности и необходимости изучения не только украинского, но и других славянских народов, о значении каждого, большого и малого, народа в истории человечества.

Руководствуясь инструкцией, подготовленной профессором Харьковского университета *П. П. Гулаком-Артемовским* [3, с. 202—207], молодой ученый за три года (1839—1842) посетил почти все славянские земли (за исключением Болгарии, Боснии и Герцеговины), освоил славянские языки и собрал огромный материал по славянскому фольклору, этнографии, диалектологии, археологии, истории, необходимый для дальнейших исследований в области славистики [7, с. 92]. Его письма к матери, изданные впоследствии отдельной книгой, в которых он делится впечатлениями о путешествии и встречах с новыми людьми, являются ценнейшим источником информации об общественной и культурной жизни славян 30—40-х гг. XIX в. [8].

По возвращении на родину *Срезневский* почти пять лет (1842—1846) преподавал славистику в Харьковском университете, причем в этот период он не акцентировал внимания на славянской фило-

логии, в его лекциях преобладало историко-этнографическое изложение предмета. Он был первым ученым в России, кто в лекционных курсах дал более или менее обстоятельное и систематическое обозрение исторических судеб почти всех славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Одновременно Срезневский в числе первых стал заниматься специальным изучением не только далекого прошлого, но и новой истории славян. В первой половине 40-х гг. он опубликовал несколько статей о южных славянах: «Словины во Фриуле», «Фриульские славяне (Резьтаны и славины)», «Жумборские ускоки». Это были первые в мировой славистике описания этих народностей [9]. Также впервые он создал целостный, обобщающий очерк истории и культуры сербо-лужичан, показал их многовековую борьбу за сохранение независимости, раскрыл пособническую роль католической церкви в германской колонизаторской политике, охарактеризовал современное ему этно-культурное движение в Лужицах. Собранные ученым в результате зарубежной научной командировки данные позволили уточнить границы некоторых славянских народов (например, поляков и чехов в Силезии, сербо-лужичан, черногорцев). Срезневский является также первым в России автором историографических библиографий, среди которых наибольшую известность получил «Очерк книгопечатания в Болгарии» (1846 г.) [10, с. 1—28]. В нем учтены и проанализированы свыше 50 названий ново-болгарской печатной продукции, т. е. почти половина изданий 1806—1845 гг. О существовании некоторых из них тогда не знали даже многие образованные болгары.

Получив первым в России ученую степень доктора славяно-русской филологии (1846 г.), Срезневский в начале 1847 г. переехал в Петербург, где работал в университете и Академии наук до конца своей жизни. По единодушному мнению исследователей его творчества, «в Харькове завершился собственно славяноведческий период деятельности ученого» [11, с. 89]. С переездом в Петербург центр тяжести научных интересов Срезневского переносится на изучение истории русского языка, памятников древнерусской письменности [12, с. 97].

Учеником и преемником М. М. Срезневского на кафедре истории и литературы славянских наречий Харьковского университета стал П. А. Лавровский (1827—1886), который занимал ее в течение 18 лет (1851—1869). В 50-е гг. его научные интересы находились преимущественно в области языка древних русских памятников письменности, за исследование которых он был удостоен докторской степени (1854 г.) и был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук (1856 г.). Однако после двухлетнего путешествия по славянским странам (1859—1860 гг.), в ходе которого он познакомился с состоянием славяноведения, завязал научные контакты со многими деятелями науки и культуры славянских народов, П. А. Лавровский расширил преподавание своего предмета и круг научных проблем. 12 января 1861 г. он вошел в историко-филологический факультет с рапортом, в котором

указывал на необходимость введения в университете курса истории славянства с доведением его до новейшего времени. Не дожидаясь нового университетского устава*, П. А. Лавровский уже в 1861/62 учебном году стал читать студентам историю и литературу чешского народа, в следующем — историю польского народа, а еще спустя три года — историю сербского народа и сербской литературы. В течение почти всего 1866/67 учебного года историко-филологический факультет во главе с П. А. Лавровским боролся за введение в учебный план кафедр славянской истории и славянских законодательств против представителя юридического факультета Д. И. Каченовского, считавшего эти кафедры «предметом роскоши» [14, с. 202—203].

Результаты путешествия по землям южных и западных славян сказались и на научной работе П. А. Лавровского. Его перу принадлежит целый ряд очерков, статей и заметок в газетах и журналах, где он делится своими впечатлениями о славянских народах, способствуя тем самым повышению интереса к ним у русской общественности. Кроме того, он написал несколько работ по этнографии, литературе и истории славянских народов, среди которых наиболее интересны «Направление современной народности словенов» (1861 г.), «Взгляд на судьбу литературы славян южных и западных» (1863 г.), «Черногория и черногорцы» (1871 г.) [15]. На историю славян П. А. Лавровский смотрел со славянофильских позиций, политические же его взгляды полностью совпадали с правительственным курсом. Именно из этих соображений он был назначен министром народного просвещения, первым ректором открывшегося в 1869 г. Варшавского университета, разделив ответственность администрации за русификаторскую политику царизма в Царстве Польском. Преподавательская и научно-исследовательская деятельность П. А. Лавровского завершает период становления славистики в Харьковском университете как учебной и научной дисциплины.

Следующий этап развития славяноведения в университете охватывает почти пять десятилетий: 70-е годы XIX в.—1917 г. В это время на историко-филологическом факультете было расширено преподавание систематических сведений по истории, литературе и языку южных и западных славян, читался ряд специальных курсов по истории славянских народов [13, с. 93—99]. Эта отрасль научных знаний превратилась в одно из главных направлений исследовательской работы профессоров и преподавателей.

Начало этого этапа связано с плодотворной деятельностью в Харькове воспитанника Московского университета М. С. Дринова

* Согласно новому университетскому Уставу 1863 г., кафедра истории и литературы славянских наречий была переименована в кафедру славянской филологии с «отделами»: славянские наречия, история славянских литератур, славянские древности. Уставом учреждалась также кафедра славянских законодательств, однако она фактически не функционировала и в 1886 г. была объединена с кафедрой истории русского права [5, с. 224; 13, с. 94].

(1838—1906), который с 1873 г. возглавлял кафедру славяноведения в течение 30 лет. Одновременно он стал одним из основателей и первым председателем созданного в 1869 г. в Браиле «Болгарского научного общества»*, занимая эту почетную должность вплоть до 1898 г. Главный вклад в русскую и болгарскую науку он внес трудами по истории болгарского средневековья. Вместе с тем Дринов принадлежит к числу авторов, труды которых заполняют первые страницы в историографии новой истории Болгарии. Для него, болгарина по национальности, обращение к наиболее актуальным проблемам Болгарии было не только ответом на запросы науки, но и одним из способов участия в борьбе за освобождение родины. В харьковский период деятельности Дринов написал несколько статей о выдающихся деятелях болгарского Возрождения Пайсии Хилендарском, Софронии Врачанском и Атанасе Нековиче, об истории болгарского книгопечатания первой половины XIX в., опубликовал доклад об Апрельском восстании 1876 г. и свои рассуждения по поводу послевоенного устройства Болгарского государства и болгарской церкви [16].

Работы Дринова по новой истории сочетают яркую публицистичность и вдумчивый научный подход, написаны в лучших традициях русской буржуазной науки, переходившей от романтизма к позитивизму. Особенно большую ценность представляет доклад «Болгария накануне ея погрома», прочитанный в ноябре 1876 г. в Харьковском университете и опубликованный год спустя в виде статьи [17, с. 23—45]. Дринов, посетивший Болгарию накануне восстания, воспроизводит живую картину состояния страны, находившейся на грани революционного выступления, указывает на сочетание разнообразных причин, вызвавших восстание, главной среди которых, по его мнению, является власть османской Турции. По мнению специалистов, дореволюционное русское славяноведение не дало более глубокой и четкой трактовки Апрельского восстания 1876 г.— одного из важнейших событий болгарской истории нового времени.

Одновременно с научно-исследовательской работой Марин Дринов подготовил в Харьковском университете курс лекций по истории зарубежных славян — «продолжение и в то же время содержание его научной работы» [18, с. 119]. Кроме общего курса по славяноведению и лекций по языкознанию зарубежного славянства, он читал «Историю литературы западнославянских племен в связи с их политической историей» (1879/80 г.), «Историю литературы южных славян в связи с их политической историей» (1881/82 г.), «Краткий обзор внешних судеб и духовной жизни южного славянства с XV века до наших дней» (1885/86 г.), «Новую литературу южных славян в связи с позднейшей их политической историей» (1886/87 г.). Лекции по истории южных славян в период Возрождения Дринов дополнил затем аналогичными

* В 1911 г. преобразовано в Болгарскую Академию Наук.

лекциями по западнославянской истории. Итоговым можно считать его курс «Лекции по новой истории западных и южных славян», прочитанный в 1893 г. [19, с. 58—66]. Удачно сочетая исследовательскую и преподавательскую деятельность, Дринов оставил неизгладимый след в истории Харьковского университета, мировой славистики и российско-болгарских научных связей последней трети XIX—начала XX в.

Преемниками М. Дринова на кафедре славянской филологии стали С. М. Кульбакин (1873—1941), возглавлявший ее с 1904 по 1919 гг., и Г. А. Ильинский (1876—1937), состоявший профессором Харьковского университета в течение двух лет (1907—1909). Получив европейскую известность трудами по славянскому языкознанию, палеографии и текстологии, они издали в Харькове ряд лекционных курсов по истории славян [20], которые не только обобщали научные достижения своего времени, но и отражали исследовательскую работу авторов.

В 1910 г. профессором по кафедре славянской филологии был избран А. Л. Погодин (1872—1947). Он приехал в Харьков уже вполне сформировавшимся ученым, автором монографии «Главные течения польской политической мысли, 1864—1907» (1907 г.), «Очерка истории польского народа» (1909 г.), «Истории Сербии» (1909 г.). Ценным вкладом в отечественную славистику стали его работы, опубликованные в харьковский период деятельности (1910—1919). Среди них выделяется фундаментальная «История Болгарии» (1910 г.), переведенная в 1911 г. на болгарский язык [21]. Особенно часто обращался Погодин к сюжетам польской истории и культуры. Ему принадлежит двухтомная монография о жизни и творчестве Адама Мицкевича (1912 г.), обширное исследование о положении польских земель перед восстанием 1830 г., где он не только не оправдывает царскую политику в канун и период восстания, но и показывает, что выступление поляков было закономерным явлением [22]. В одном из главных трудов «История польского народа в XIX в.» (1915 г.) Погодин характеризует политику России, Австрии и Пруссии в период разделов Польши, ее судьбу в период наполеоновских войн и Венского конгресса, состояние Царства Польского до восстания 1863 г. Изложение польской истории после восстания занимает у автора меньше места, но все же доводится до кануна первой мировой войны. «Труды Погодина,—отмечается в учебном пособии „Историография истории южных и западных славян“,—являются вершиной русской буржуазной полонистики начала XX в.» [23, с. 188].

Во время первой мировой войны А. Л. Погодин отозвался на бурные политические события книгой «Славянский мир» (1915 г.). Это была единственная книга в России, знакомившая русских читателей с экономическим, политическим и культурным состоянием славянских народов перед войной 1914 г. Одновременно ученый выпустил две небольшие книги: «Краткий очерк истории славян» (1915 г.) и «Зарубежная Русь» (1915 г.) [24]. В послед-

ней приведены исторические, этнографические и статистические сведения о Галиции, характеризуется ее экономическая жизнь. Являясь приверженцем позитивистской методологии в научных исследованиях, Погодин представлял наиболее либеральное крыло русских неославистов.

В дооктябрьский период ученые Харьковского университета внесли существенный вклад в изучение истории славяноведения публикацией очерков о жизни и творчестве выдающихся русских и зарубежных славистов XIX в.: О. М. Бодянского (Н. Ф. Сумцов), Ю. И. Венелина (П. А. Бессонов), В. Ганки (П. А. Лавровский), М. Дринова (С. М. Кульбакин, Н. Ф. Сумцов, М. Г. Халанский), В. Караджича (И. И. Срезневский), Я. Коллара (Н. К. Грунский), В. В. Макушева (М. Дринов), В. Облака (Б. М. Ляпунов), А. А. Потемни (М. Дринов), П. Шафарика (П. А. Лавровский, Н. Ф. Сумцов), К.-Я. Эрбена (Н. и П. А. Лавровские) и др. [25, с. 17—18, 19, 22, 31, 32, 34, 39, 50, 55, 57, 61].

Победа Великой Октябрьской социалистической революции послужила мощным импульсом к овладению марксистско-ленинской методологией учеными и преподавателями университета. Однако ведущие харьковские слависты профессора С. М. Кульбакин и А. Л. Погодин в разгар гражданской войны на Украине эмигрировали в Югославию, где продолжали преподавательскую и научную деятельность вплоть до 40-х годов XX ст. Их отъезд из Харькова, а также преобразование университета в Харьковский институт народного образования (1921 г.) не способствовали продолжению интенсивной исследовательской работы в области славяноведения. Лекции по истории славянских народов для студентов института не читались, а историко-славистическая проблематика преподавателями кафедры всеобщей истории фактически не разрабатывалась. Славистика в Харьковском университете, восстановленном в 1933 г., сохранялась преимущественно как филологическая наука. Наиболее выдающимся ее представителем межвоенного периода был профессор Л. А. Булаховский (1888—1961), избранный в 1939 г. академиком АН УССР [26, с. 72—77]. Единственным заслуживающим внимания историческим исследованием, выполненным накануне Великой Отечественной войны, является кандидатская диссертация И. Д. Бойко «Польское восстание 1863 г. на Украине» [27]. Такое положение было связано с событиями 30-х годов, когда славяноведение во всех его разделах было объявлено лженаукой, глубоко враждебной советскому строю [28, с. 78].

Совместная борьба славянских народов против фашизма, развернувшаяся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы народно-демократические и социалистические революции, возрастающая роль социалистических государств в мировом развитии резко повысили интерес к истории и культуре славянских народов. Начался новый подъем советского славяноведения, составной частью которого стало возрождение исторической славистики в Харьковском университете. В немалой степени этому способство-

вало возобновление с 1947 г. преподавания на историческом факультете курса истории южных и западных славян.

Уже в первое послевоенное десятилетие в стенах университета было защищено восемь кандидатских диссертаций по новой и новейшей истории зарубежных славянских стран. Традицию исследования национально-освободительной борьбы польского народа в конце XVIII—XIX в. продолжили *Г. А. Сапожникова* и *А. М. Волкова* [29].

В 1947 г. кандидатскую диссертацию «Воссоединение княжества Болгарии и Восточной Румелии (1878—1885)» защитил *С. И. Сидельников* (1916—1977), который со следующего года приступил к чтению университетского курса истории южных и западных славян. В 1945—1956 гг. он работал в Харьковском педагогическом институте, а затем на историческом факультете Харьковского университета, где с 1964 по 1977 г. возглавлял кафедру новой и новейшей истории и длительное время был деканом факультета [30]. С переходом в университет он почти полностью сосредоточился на исследовании национально-освободительного движения болгарского народа до русско-турецкой войны 1877—1878 гг., опубликовав по этой проблематике три монографии, около 30 исследовательских статей, а также ряд историографических обзоров и рецензий [31]. В 1963 г. он успешно защитил докторскую диссертацию «Создание и деятельность первого Болгарского Революционного Центрального Комитета (1868—1873 гг.)». Кроме того, *С. И. Сидельникову* принадлежит ряд обобщающих статей по проблемам славяноведения в «Украинской советской энциклопедии» и «Советской энциклопедии истории Украины». Во всех изданных до сих пор учебных пособиях и университетских учебниках по истории южных и западных славян содержатся написанные им разделы, главы и параграфы, в том числе и в последнем, изданном в Киеве спустя десять лет после смерти ученого.

Постоянную заботу проявлял *С. И. Сидельников* о подготовке кадров историков-славистов. В этой области исторического знания им подготовлены 10 кандидатов наук. Среди них специалисты по истории чехословацкого коммунистического и рабочего движения — *В. В. Сухарев* [132, с. 66—72], доктор исторических наук, заведующий кафедрой новой и новейшей истории доц. *Е. П. Пугач*, защитивший в 1968 г. кандидатскую диссертацию «Политическая борьба в Словакии в 1945—1948 годах» и опубликовавший на эту тему и смежные темы цикл статей [32]. Под руководством *С. И. Сидельникова* ряд ценных трудов по новейшей истории Югославии и балканской проблематике создали *В. В. Зайцев*, *В. Н. Кабачек*, *В. Н. Казак*, *С. Л. Каиров* [34]. В числе его воспитанников немало болгаристов: *Н. П. Подлесный*, подготовивший кандидатскую диссертацию «Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и общественное мнение России» (1963 г.); *П. Т. Руценко*, опубликовавший в 1967 г. монографию о Сентябрьском (1923 г.) антифашистском восстании в Болгарии [35];

Л. А. Пашковский, автор исследования «Культурные связи между Советским Союзом и Болгарией в 1934—1941 гг.» (1969 г.). Еще один ученик проф. С. И. Сидельникова — *Н. И. Туривненко*, защитивший в Харькове кандидатскую (1968 г.) и докторскую (1985 г.) диссертации [36], возглавляет ныне Донецкий центр советской исторической болгаристики.

Преемником С. И. Сидельникова в должности заведующего кафедрой новой и новейшей истории стал *Г. Н. Попов* (1925—1988), работавший до этого четверть века доцентом (1954—1967), а затем профессором (1968—1979) кафедры истории КПСС Харьковского университета. Его кандидатская (1954 г.) и докторская (1967 г.) диссертации посвящены актуальным проблемам развития болгарской культуры [37]. Весьма высокую оценку в советской и болгарской печати получила книга Г. Н. Попова «Болгарские коммунисты в борьбе за осуществление культурной революции (1944—1948 гг.)». Опубликованная в 1966 г., она до сих пор остается единственным монографическим исследованием данной проблемы в советской историографии [38]. Всего же перу Г. Н. Попова принадлежит свыше 100 научных и научно-популярных работ в области болгаристики. Оставаясь верным на протяжении творческой биографии основной своей теме — истории болгарской интеллигенции и культурной политики БКП, он оставил заметный след в изучении многих других вопросов: влияния первой русской революции и Великого Октября на подъем революционного движения в Болгарии; боевого содружества советских и болгарских вооруженных сил в годы второй мировой войны; братского сотрудничества народов СССР и НРБ в эпоху социализма; истории создания государственных символов НРБ; развития болгаристики на Украине в XIX—XX вв. и др. [39, с. 7—9].

Г. Н. Попов был не только разносторонним ученым, но и прекрасным педагогом. Среди его учеников — историки-болгаристы *В. В. Бойко*, *И. Б. Верещагина*, *Л. Л. Дубова*, *С. Ю. Лукаш*, *Л. П. Решетников*, *М. Г. Станчев*, *С. Ю. Страшнюк*, *А. И. Тумаков*, *А. П. Чижов* [40], а также специалисты в области новейшей истории Польши — *А. И. Елкин* [41], Югославии — *В. Д. Козлитин*, *А. В. Кравченко*, *А. В. Кузьмин* [42].

Определенный вклад в изучение интернациональных связей народов Советского Союза с трудящимися Польши, Чехословакии и Болгарии внесли *Н. И. Ена*, *В. Я. Куплевакский*, *А. М. Куц*, *И. Г. Попова*, *Н. С. Шаповалова* и *Г. Йорданов* — первый болгарский ученый, защитивший в Советском Союзе диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук [43]. В стенах Харьковского университета защитил также докторскую диссертацию его воспитанник, известный советский ученый-болгарист профессор *Г. И. Чернявский* (1969 г.), который на протяжении многих лет сотрудничает с кафедрой новой и новейшей истории [44].

Таким образом, в послевоенный период историческая тематика становится доминирующей в творчестве университетских слави-

стов, хотя в эти годы не прекращались исследования в области языка и литературы зарубежных славянских народов. Причем если в 40—50-е годы преобладали сюжеты из новой истории славянских стран, то в 60—80-е на первый план выдвигаются проблемы новейшей истории.

Страноведческий анализ защищенных после 1945 г. диссертаций позволяет сделать вывод, что ведущее место в исследованиях занимает болгарская история (6 монографий, 3 докторских и 15 кандидатских диссертаций). Благодаря научно-исследовательской и педагогической деятельности профессоров С. И. Сидельникова, Г. Н. Попова и Г. И. Чернявского в Харькове сформировалась и успешно функционирует научная школа исторической болгаристики, получившая ныне международное признание [45, с. 36—43]. Наличие сильного кадрового потенциала позволило провести в университете 20—21 октября 1988 г. Дриновские чтения, которые их организаторы намерены превратить в постоянно действующий научный форум по актуальным проблемам исторической болгаристики [46].

Западная Европа и Америка. Одной из неотъемлемых частей исторических исследований в Харьковском университете стало изучение различных проблем новой и новейшей истории Западной Европы и Америки. В дореволюционный период они проводились на кафедре всеобщей истории, а после Великого Октября — преимущественно на кафедре истории европейской культуры Харьковского института народного образования и кафедре новой и новейшей истории после восстановления университета в 1933 г.

Первоначально сведения из новой истории западноевропейских стран содержались в основном в общих и специальных курсах, читаемых студентам. В дальнейшем появились фундаментальные научные труды, крупнейшим из которых стала изданная в 1861 г. работа профессора кафедры всеобщей истории *М. Н. Петрова* «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» [47]. Это была первая попытка анализа основных тенденций развития трех крупнейших национальных историографий Западной Европы. Главное назначение своего сочинения автор видел в том, чтобы «представить опыт руководства, которое нашей публике и особенно нашему юношеству могло бы облегчить знакомство с иностранной исторической литературой и дать им какую-нибудь точку опоры при ее изучении» [Там же, с. 3].

Давая общую характеристику развития школ и направлений в историографиях Германии, Англии и Франции, автор много внимания уделил освещению политических взглядов и исторических воззрений наиболее ярких представителей национальных историографий. Им подробно рассматриваются основные труды этих авторов.

Исторические взгляды *М. Н. Петрова* по многим вопросам новой и новейшей истории Западной Европы можно проследить также по опубликованным после смерти автора четырехтомным «Лекциям по всемирной истории», выдержавшим несколько изда-

ний и отмеченным большой премией Петра Великого [48]. М. Н. Петров описал основные события Английской и Французской буржуазных революций, эпохи Директории и консульства, доведя изложение событий до Первой империи Наполеона. В целом творческое наследие М. Н. Петрова отличалось разносторонностью, широтой постановки проблем и неординарными способами их разрешения.

Преемником М. Н. Петрова в деле изучения проблем Западной Европы в новое время явился профессор В. К. Надлер. Наибольшую известность получила его научно-популярная книга «Меттерних и европейская реакция», опубликованная в Харькове в 1882 г. [49]. Собрав и обобщив богатый материал о тайной и явной дипломатической деятельности К. Меттерниха, автор приходит к выводу о том, что он являлся одним из видных лидеров европейской реакции. В «Лекциях по истории Французской революции и империи Наполеона (1789—1815 гг.)» В. К. Надлер отразил основные события революции, периода Директории и консульства, охарактеризовал переворот 18 брюмера 1799 г. Много места автор уделит биографии Наполеона и его внешней политике.

К проблемам новой истории Греции и Германии обращен также ряд работ профессора В. П. Бузескула [50], хотя основная часть его творчества посвящена исследованию Древней Греции.

На изучении политической истории Пруссии сосредоточил внимание ученик В. П. Бузескула приват-доцент Харьковского университета Н. С. Гольдин. Основное внимание он уделит изучению вопроса о падении сословно-земского строя Прусской монархии в XVII—XVIII вв. [51]. Центральной задачей исследования, как определил ее сам автор, явилось изучение «одного из важнейших моментов в истории нынешней Пруссии — момента ее сложения как государства и вместе с тем зарождения национально-прусской идеи как одной из основ общегерманской жизни» [Там же, с. 61].

Н. С. Гольдин исследовал основные черты сословно-земельного строя в Прусской монархии, а также отношения между монархией и земством в эпоху Великого курфюрста Фридриха-Вильгельма. Сравнивая позиции земских чинов и курфюрста, автор ясно показал, где сходились их взгляды о власти и взаимоотношениях земли и князя. Отдельная глава посвящена деятельности прусских ландтагов. На обширном архивном материале исследована структура ландтагов, система их функционирования. Интересный материал содержится о выборах депутатов ландтагов, о депутатском доверии, о наказах избирателей и т. д.

Таким образом, в дореволюционный период ученые Харьковского университета сумели внести заметный вклад в изучение новой истории Западной Европы. Оно проводилось в основном в рамках русской буржуазной умеренно-либеральной историографии.

После Великой Октябрьской социалистической революции исследования по истории Западной Европы были продолжены — первоначально сотрудниками кафедры истории европейской куль-

туры Харьковского института народного образования, а затем на кафедре новой истории восстановленного Харьковского университета. Наиболее крупным трудом, опубликованным в то время, была двухтомная монография В. П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» (1929, 1931). В ней, наряду с изложением развития русского византизведения и славяноведения, дана характеристика работ ряда ученых, занимавшихся изучением Западной Европы: В. И. Грачевского, Н. И. Кареева, И. В. Лучицкого, М. М. Ковалевского и других. В книге обстоятельно проанализировано научное наследие этих ученых, выделены их заслуги в разработке различных проблем западноевропейской истории [52].

В 1931 г. В. П. Бузескул опубликовал еще один историографический труд под названием «Французские историки 20-х годов XIX столетия и их отношение к революции 1830 г.». Основное внимание он уделял характеристике политических взглядов и исторических трудов французских исследователей: Баранта, Тьери, Гизо, Тьера, Минье и др. [59].

В 20-х годах активную научно-исследовательскую работу в Харьковском институте народного образования продолжал Н. С. Гольдин. Новой темой его исследований стали революционные традиции французского народа. В частности, он провел большую работу по сбору материала к книге избранных речей одного из видных деятелей Великой французской буржуазной революции — Ж. Дантона [54]. В 1925 г. под редакцией Н. С. Гольдина вышел сборник документов и текстов «Социализм и коммунизм во Франции до половины XIX в.». В нем собраны материалы, которые показывают развитие социалистических идей в творчестве мыслителей эпохи Просвещения: Мелье, Морелли, Мабли и других. В разделе, где собраны документы и материалы эпохи Великой Французской буржуазной революции, составитель уделил главное внимание представителям левых революционных взглядов: С. Марешалю, Ф. Буасселю, Ж. Ру и др., которые выдвигали наиболее революционные требования. В отдельных разделах сборника собраны документы, отражающие взгляды и деятельность Бабефа и бабувистов, а также представителей французского утопического социализма — Сен-Симона и Фурье [55].

История общественной мысли Франции в новое время привлекала также внимание доцента К. М. Вича. В ряде статей и кандидатской диссертации он раскрыл причины появления анархо-синдикализма в этой стране и каналы его проникновения в рабочую среду. Исследуя систему идейно-политических взглядов анархо-синдикалистов, автор доказал, что, желая показать себя «левее» марксистов, они многое заимствовали из арсенала борьбы бакунистов. Политической практике анархо-синдикалистов посвящена отдельная работа К. М. Вича [56, с. 117—144]. На большом фактическом материале автор разоблачил анархо-синдикалистскую доктрину «о мирном вращении капитализма в социализм». К. М. Вич также показал огромную работу В. И. Ленина и пар-

тии большевиков по борьбе с теоретическими установками и практикой анархо-синдикализма.

В 1938 г. статью, посвященную исследованию французской конституции 1793 г., опубликовал А. Д. Скаба. Оценивая конституцию 1793 г., автор охарактеризовал ее как «высшее проявление буржуазного демократизма». Сравнивая жирондистский и якобинский проекты конституции, А. Д. Скаба отмечает, что «якобинский проект шире и решительнее выступает за развертывание буржуазной демократии, но он не дает реальных прав трудящимся, сохраняет классовое неравенство». По его мнению, значение принятия конституции для трудящихся состояло в том, что она способствовала созданию условий для развертывания классовой борьбы пролетариата. А. Д. Скаба оспаривал точку зрения видного французского историка А. Олара, считавшего, что конституция 1793 г. являлась образцом демократизма. Автор пришел к выводу, что конституция 1793 г.— это «проявление демократизма, на который буржуазия была способна в тот период борьбы с феодализмом, когда рабочий класс не выступал еще как самостоятельная политическая сила» [57, с. 30—33].

После Великой Отечественной войны историю буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. в Австрийской империи исследовал доцент Р. С. Альпер. В ряде статей и кандидатской диссертации он обстоятельно охарактеризовал обстановку, сложившуюся в Австрии после майского 1848 г. выступления рабочих, проанализировал партийный и социальный состав рейхстага, уделив при этом особое внимание характеристике наиболее видных левых депутатов. Р. С. Альпер глубоко исследовал политику австрийского рейхстага в дни Октябрьского восстания 1848 г. в Вене. На большом фактическом материале автор показал основную линию поведения правых депутатов рейхстага, то, как по мере нарастания революционной активности масс они все больше скатывались на позиции предательства революции [58].

В 1959 г. вышла книга Р. С. Альпера «Революционные традиции немецкого народа», характеризующая события от Великой Крестьянской войны 1524—1525 гг. до Ноябрьской революции 1918 г. В работе кратко освещены биографии основоположников научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса, выдающихся деятелей немецкого рабочего движения А. Бебеля, В. Либкнехта, К. Либкнехта, Р. Люксембург, К. Цеткин. Автор проводит мысль о том, что немецкий рабочий класс был и остается прогрессивной силой в немецкой истории, носителем лучших революционных и демократических традиций немецкого народа.

Большое внимание исследованию истории рабочего движения в Германии в начале XX века уделила также доцент Г. А. Сапожникова. На протяжении 50-х годов ею был опубликован ряд статей по этой тематике, в которых дана в целом положительная оценка классовой борьбы немецких рабочих [см., напр., 59].

Изучением истории Австрии занимался доцент А. Т. Прокопчук. Особое внимание он уделил исследованию рабочей политики

австрийской социал-демократии во время революции 1918 г. [50, с. 90—99]. На большом фактическом материале, с использованием документов Австрийской социал-демократической партии автор доказал, что политика руководства социал-демократов в отношении рабочего класса была направлена на то, чтобы затормозить развитие революции, реформировать капиталистический строй. В нескольких статьях А. Т. Прокопчуком освещены также некоторые вопросы истории Коммунистической партии Австрии в период с 1918 по 1928 г.

Вопросы возникновения и деятельности Национального движения меньшинства в Англии в первой половине 20-х годов исследовал доцент А. И. Черноскутов. По этой теме им была защищена кандидатская диссертация и опубликован ряд статей. Автор проанализировал положительную роль и ошибки движения Национального меньшинства в английском рабочем движении 20-х годов [61].

В 70-х годах несколько научных и научно-популярных статей о роли рабочего класса капиталистических стран в антимонополистической борьбе написал доцент Н. П. Подлесный [62, с. 60—70].

Со второй половины 70-х годов по инициативе проф. С. И. Сидельникова на кафедре новой и новейшей истории было открыто новое научное направление — латиноамериканистика. Внимание исследователей кафедры было привлечено, в частности, к теме «Народный фронт в Латинской Америке: история и современность». В конце 70-х—начале 80-х годов по данной теме был написан ряд статей и защищена кандидатская диссертация В. Ф. Пахомовым [68].

В послевоенные годы под руководством ученых исторического факультета (проф. С. И. Сидельникова, проф. И. Л. Шермана, доц. Ю. Г. Литвиненко) подготовлены и успешно защищены кандидатские диссертации по новейшей истории Франции (В. В. Зинченко, О. И. Давыдова) и Испании (А. А. Камшукова). В сотрудничестве с учеными факультета определенный вклад в исследование отдельных аспектов новейшей истории капиталистических стран внесли также представители кафедры истории КПСС — А. И. Каркач, В. А. Корнилова, М. В. Фещенко и др.

Таким образом, исследованию новой и новейшей истории стран Западной Европы и Америки в Харьковском университете уделялось значительное внимание. Благодаря труду нескольких поколений историков детально изучены и освещены многие вопросы исторического прошлого Западной Европы и Америки.

Азия и Африка. Вскоре после основания Харьковского университета на словесном факультете были созданы необходимые условия для преподавания и изучения востоковедческих дисциплин. Наряду с шестью другими кафедрами здесь учреждается специальная кафедра восточных языков. В Харьковском университете раньше, чем в других крупных центрах нашего высшего образования, началось преподавание восточных языков. Первым их преподавателем стал И. Г. Барендт, который вел курс грамма-

тики древнееврейского языка и курс филологии восточных языков [64, с. 24].

Российские ориенталисты того времени были учеными-энциклопедистами, работавшими одновременно в области истории, литературы, этнографии, фольклора и т. д. Глубина и обширность их знаний поразительны. Это были подлинные специалисты своего дела, беззаветно ему преданные. В результате в скором времени отечественные востоковеды в области изучения языков, истории и культуры Востока оказались намного впереди своих западноевропейских коллег. Много внимания уделяли они истории, в том числе и нового времени. Пионером в этом отношении явился крупнейший востоковед профессор *Б. А. Дорн*, который в 1829 г. был специально приглашен из Лейпцига в Харьков. В период работы в Харьковском университете (1829—1835) ученый преподавал в разные годы арабский, персидский, турецкий, санскрит, древнееврейский и амхарский языки.

Особый интерес *Б. А. Дорна* вызывала история народов Центральной Азии. Он первым из европейских ученых изучил пушту и дари, обратился к истории Афганистана. Еще в 1826—1829 гг. он собирал сведения об этой стране во время поездок по городам Западной Европы. Работая в Харькове, исследователь написал второй том работы по истории Афганистана, основанный на афганских источниках, который, как и первый, вышел в Лондоне на английском языке [65, с. 224].

Становление востоковедения как науки в Харькове связано также с педагогической и научной деятельностью в университете таких крупных ученых, как *М. М. Лунин* и *А. П. Рославский-Петровский*. Их можно отнести к числу первых в России историков-ориенталистов, стоявших у истоков важнейшего раздела отечественного востоковедения, исследующего историю стран Азии и Африки.

М. М. Лунин в 1837 г. опубликовал работу, посвященную особенностям исторического развития народов Индостана [66, с. 1—86]. В отличие от сочинений западных ориенталистов, оправдывавших в большинстве своем колониализм и отказывавших в праве азиатским и африканским народам на независимое развитие и свободное существование, работа *М. М. Лунина* выгодно отличается чуждым колонизаторству духом, свободой от расовых предрассудков, стремлением дать научное описание политической истории индийского народа, осуждением религиозных предрассудков и кастовой системы, которой в то время восхищались зарубежные авторы. Ученый примыкал к прогрессивному направлению в отечественном востоковедении во главе с *Н. Я. Бичуриным*.

М. М. Лунин одним из первых стал изучать восточную историографию, которую игнорировали большинство европейских ориенталистов. В 1842 г. вышла его работа, посвященная анализу трудов по истории Китая, Индии и Ирана [67, с. 284—323]. Здесь он вступил в полемику с представителями западноевропейского востоковедения, пренебрежительно относившимися к историческо-

му прошлому азиатских народов, прямо или завуалированно обосновывавшими колониализм. Достоинством работы является и стремление автора мыслить самостоятельно, глубоко и оригинально, большая эрудиция и широта интересов.

Продолжателем дела М. М. Лунина стал профессор А. П. *Рославский-Петровский*. Интерес к Востоку, особенно Индии, проявился уже в его общих исторических курсах. И хотя в «Очерках древней Индии» (1871 г.) [68] основное внимание автор уделил древней истории этой великой страны, им были затронуты многие явления, характерные и для современного индийского общества, — касты, их происхождение и генезис, религиозные верования индийцев, в частности буддизм. Были подвергнуты резкой критике те зарубежные ориенталисты, которые оправдывали кастовую систему, защищали некоторые давно отжившие индийские обычаи, особенно обряд сати (самосожжение вдовы), игнорировали индийские источники как неполноценные, а писали об Индии лишь на основе работ западных специалистов. Примечательно, что А. П. Рославский-Петровский пытался проанализировать некоторые особенности экономического развития, что в то время не принималось в расчет большинством индологов.

Учеником А. П. Рославского-Петровского был профессор М. Н. *Петров*, видный специалист в области всеобщей истории. В уже упоминавшихся «Очерках из всеобщей истории», вышедших впервые в 1868 г., М. Н. Петров выступил против бытовавших в то время антинаучных теорий о том, что семитские народности склонны к монотеизму из-за особого строения черепа. В противовес учений пытался объяснить возникновение идей ислама географическими особенностями среды, в которой проживали арабы, и бытом арабов-кочевников.

Отдельных вопросов новой истории стран Азии касались в своих трудах крупные знатоки восточных языков — В. И. *Шерцль*, Э. М. *Диллон*, Д. Н. *Овсянко-Куликовский*, П. Г. *Риттер* и др. Изучая восточные языки, в особенности санскрит, они давали не только глубокий исторический анализ их происхождения и развития, но пытались понять историю и культуру азиатских народов.

Дореволюционные ориенталисты, работавшие в Харьковском университете, хотя и не выдвинули обобщающих теоретических концепций исторического процесса на Востоке, но внесли заметный вклад в развитие отечественного востоковедения. Они собрали и обобщили большой фактический материал по различным аспектам новой истории стран Азии и Африки, опередив во многом не только российских, но и западноевропейских коллег. Их отличали глубокое уважение к древней и самобытной истории и культуре народов Азии и Африки, свобода от расовых и религиозных предрассудков, стремление дать всестороннее научное изложение истории.

После Великой Октябрьской социалистической революции начался принципиально новый этап изучения истории Востока. Иными стали не только методология, задачи исследования, методи-

ка — изменилась сама проблематика. Основное внимание было уделено актуальным проблемам новейшей истории, в первую очередь вопросам национально-освободительного, рабочего и коммунистического движения в колониальных и зависимых странах. Что касается новой истории, то здесь ученые сконцентрировали усилия на изучении борьбы афро-азиатских государств против колониального порабощения со стороны европейских капиталистических держав, особенностей социально-экономического и политического развития, народных движений.

В Харьковском университете постепенно создавались условия для востоковедческой специализации и научных изысканий в этой области. На историческом факультете после восстановления университета в 1933 г. был введен курс истории колониальных и зависимых стран. Благодаря усилиям *Л. В. Симоновской*, которая занималась изучением древней, средневековой и новой истории Китая, историки обратились к проблемам синологии.

В послевоенные годы на историческом факультете ХГУ был введен курс истории стран Азии и Африки. Ученые факультета внесли существенный вклад в разработку широкого круга проблем новой и новейшей истории арабских стран, Японии, Китая и Индии. Работы харьковских востоковедов получили признание в научном мире, заслужив многие положительные рецензии и отклики.

А. П. Ковалевский, сосредоточивший основное внимание на средневековых сюжетах истории и культуры Арабского Востока, занимался также проблемами идеологии, истории общественно-политической мысли и культуры арабских стран в новейшее время. Ученый обратился, в частности, к египетской культуре периода независимого развития этой крупнейшей арабской страны. Он подвел итоги разработки в СССР проблем образования, литературы, театра, кино и музыки в Египте [69, с. 359—396].

В трудах китаевода *Б. В. Ветрова* освещались мало изученные советской и зарубежной синологией факты истории антиимпериалистической и антифеодальной борьбы китайского народа в начале 20-х годов XX в. Впервые в советской историографии были описаны «движение 4 мая» в Тяньцзине и Шанхае, рабочее движение в Шанхае, распространение идей марксизма-ленинизма и образование в этом крупнейшем пролетарском центре Китая первых коммунистических групп [70, с. 137—154]. Результаты многолетних усилий *Б. В. Ветрова*, овладевшего китайским языком и изучившего оригинальные китайские источники, были подытожены в кандидатской диссертации, где излагалось общественное движение в Шанхае в 1919—1921 гг.

Борьбу японского народа за мир и независимость, против милитаризации страны накануне и после ликвидации американского оккупационного режима осветил *Я. А. Побеленский* в кандидатской диссертации и серии статей [71, с. 212—243]. Автор привлек ценные документальные материалы на японском языке, а также важнейшие работы японских исследователей и публицистов.

Внимание харьковских ориенталистов привлекла также история Индии, особенно национально-освободительное движение народов Индостана против британских колонизаторов в 20—30-е годы XX в. Рабочее, коммунистическое и национально-освободительное движение, развернувшееся в Индии под влиянием идей Великого Октября в 20-е годы, исследовал Ю. Г. Литвиненко. Им раскрыты такие важные вопросы, как социально-экономическое положение индийского пролетариата и его место в национально-освободительном движении 1918—1922 гг., профсоюзное, рабочее и коммунистическое движение в стране в 1927—1929 гг., участие индийских трудящихся в антиимпериалистическом движении 20-х годов, роль коммунистов в профсоюзном движении, их отношение к гандизму, рабоче-крестьянским партиям и первым крестьянским организациям [72, с. 95—112].

Исследованию проблем национально-освободительной борьбы индийского народа в 20—30-е годы XX в. посвятил свои работы А. А. Чувпило. Центральное место в них отводится деятельности ведущей национально-буржуазной организации страны, возглавлявшей борьбу с английскими империалистами, — Индийскому национальному конгрессу (ИНК) [73]. А. А. Чувпило проанализировал идейно-политическую борьбу в ИНК, различные стороны его деятельности, отношение этой организации к рабочему, крестьянскому и халифатскому движению, политическую деятельность лидеров ИНК, в частности М. К. Ганди и Дж. Неру, индийскую историографию национально-освободительного движения [74, с. 103—111].

Таким образом, учеными-новистами Харьковского университета внесен значительный вклад в советскую историческую науку. Ими освещены важнейшие проблемы истории социалистического строительства за рубежом, сотрудничества стран социализма; неизвестные страницы международного рабочего и коммунистического движения; актуальные вопросы истории и современного развития государств, освободившихся от колониальной зависимости; борьба прогрессивных сил человечества за мир, национальную независимость и социальный прогресс. Все научные исследования группируются в настоящее время вокруг двух важнейших проблем: актуальные проблемы истории зарубежных славянских народов в новое и новейшее время; история рабочего и национально-освободительного движения.

Список литературы: 1. Каразин В. Н. Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собр. и ред. проф. Д. И. Багалеем. Х., 1910. 2. Милославский П. Срби-профессори Харковского университета // *Balkanica*. Веоград, 1977. Т. 8. 3. Гулак-Артемевский П. П. Речь в день открытия кафедры польского языка при Харьковском университете // *Укр. вестн.* 1819. Кн. 2. 4. Гулак-Артемевский П. П. Твори. К., 1964. 5. *Славяноведение* в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988. 6. *Славяноведение* в дореволюционной России: Биобиблиограф. словарь. М., 1979. 7. Досталь М. Ю. И. И. Срезневский как славист // *Сов. славяноведение*. 1980. № 3. 8. Срезневский И. И. Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839—1842. СПб., 1895. 9. *Его же*. Славяне во Фриуле // *Денница*, 1843. Ч. 2; *Его же*. Жумборские

ускоки // Там же, 1943. Ч. 1; *Его же*. Фриульские славяне: (Резьяне и славяны) // Москвитин. 1844. Ч. 5. № 9. 10. *Его же*. Очерк книгопечатания в Болгарии // ЖМНП. 1846. Ч. 51. Отд. 5. 11. *Бернштейн С. Б.* Еще раз о Срезневском // Сов. славяноведение. 1984. № 2. 12. *Досталь М. Ю. И. И.* Срезневский как славист // Сов. славяноведение. 1980. № 3. 13. *Широкопад Е. Ф.* Славяноведение в Харьковском университете (1835—1917) // Славян. филология. Л., 1988. Вып. VI. 14. *Багалей Д. И., Сумцов Н. Ф., Бузескул В. П.* Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Х., 1906. 15. *Лавровский П. А.* Направление современной народности словен // Современ. летопись. 1861. № 18; *Его же*. Взгляд на судьбу литературы славян южных и западных // Спб. ведомости. 1863. 11 апр.; 13 апр.; *Его же*. Черногория и черногорцы // Беседа. 1871. Кн. 11. 16. *Дринов М.* Съчинения. София. 1909—1915. Т. 1—3. 17. *Дринов М.* Болгария накануне ее погрома // Славян. сб. М., 1877. Т. 2. 18. *Горина Л. В.* Марин Дринов — историк и общественный деятель. М., 1986. 19. *Его же*. Лекции по истории зарубежных славянских народов М. Дринова в Харьковском университете // Сов. славяноведение, 1983. № 6. 20. *Кульбакин С. М.* История славян. Краткое изложение курса, читан. в 1907/08 уч. году в Харьковском университете. Х., 1908; *Ильинский Г. А.* История славян: Курс, читан. в Харьк. ун-те в осеннем полугодии 1908 г. Ч. I: История западных славян. Х., 1908; *Его же*. Краткий курс истории южных славян, читанный в 1907/08 уч. году в Харьковском университете. Х., 1908; *Его же*. Краткий курс истории южных славян, читанный в 1908/09 уч. году в Харьковском университете. Х., 1909. 21. *Погодин А. Л.* История Болгарии. Спб., 1910; *Его же*. История на болгарский народ. Габрово, 1911. 22. *Его же*. Адам, Мицкевич. Его жизнь и творчество. В 2 т. М., 1912; *Его же*. Польша перед восстанием 1830 г. // Русское богатство. 1912. № 8. 23. *Историография* истории южных и западных славян. М., 1987. 24. *Погодин А. Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915; *Его же*. Краткий очерк истории славян. М., 1915; *Его же*. Зарубежная Русь. М., 1915. 25. *История* славяноведения в Харьковском университете. Ч. I. 1805—1917: Библиограф. указатель. Х., 1988. 26. *Паламарчук О. Л.* Славист Л. А. Булаховский: учений і педагог // Мовознавство. 1988. № 2. 27. *Бойко И. Д.* Польское восстание 1863 г. на Украине: Дис. ... канд. ист. наук. Х., 1940. 28. *Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Сов. славяноведение. 1989. № 1. 29. *Сапожникова Г. А.* Борьба польского народа против прусского владычества в революции 1848 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1946; *Волкова А. М.* Крестьянский вопрос в восстании 1794 г. в Польше: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1953. 30. *Чернявский Г. И.* Исследования С. И. Сидельникова по проблеме национально-освободительного движения болгарского народа // Сов. славяноведение. 1980. № 2. 31. *Сидельников С. I.* Болгарский революционер Георгий Раковский: Життя і діяльність. 1821—1866 рр. Х., 1959; *Его же*. Борьба течений в Первом Болгарском Революционном Центральном Комитете. Х., 1962; *Его же*. Болгарский Революционный Центральный Комитет (1869—1872 гг.). Х., 1970. 32. *Сухарев В. В.* Роботничий клас Чехословакии в лютневих подіях 1948 р. // Вісн. Харк. ун-ту. 1966. № 17. 33. *Пугач Е. П.* Коммунистическая партия Словакии в борьбе за обеспечение победы социалистической революции в Чехословакии // Zborník filozoficky fakulty University Komenského. Bratislava. 1972; *Его же*. К 30-летию Словацкого национального восстания 1944 г. // Сов. славяноведение. 1974. № 5. 34. *Зайцев В. В.* Политика Англии на Балканах в период Балканских войн: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1968; *Кабачек В. Н.* Югославо-советское сотрудничество (март 1945—февраль 1946 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978; *Казак В. Н.* Участие советских людей в движении Сопротивления на Балканах, 1941—1945 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1973; *Кауров С. Л.* Начало народно-освободительной борьбы в Югославии (1941 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1971. 35. *Рущенко П. Т.* Великий Жовтень і революційний рух у Болгарії в 1923 році. Х., 1967. 36. *Туривненко Н. И.* Освободительная миссия Советской Армии в Болгарии (сентябрь 1944 года): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1968; *Его же*. Сотрудничество общественных организаций СССР и Болгарии (1944—1948 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист.

наук. Х., 1985. 37. *Попов Г. Н.* Борьба Болгарской коммунистической партии за подъем культурного уровня трудящихся масс (1949—1952 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1954; *Его же.* Болгарские коммунисты в борьбе за осуществление культурной революции (1944—1958 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Х., 1967. 38. *Попов Г. Н.* Болгарские коммунисты в борьбе за осуществление культурной революции (1944—1948 гг.). Х., 1966. 39. *Страшнюк С. Ю.* Значение научной и педагогической деятельности профессора Г. Н. Попова для развития харьковской школы исторической болгаристики // *Дриновские чтения*, посвященные 150-летию со дня рождения Марина Дринова, 20—21 октября 1988 г.: Тез. докл. и сообщ. Х., 1988. 40. *Бойко В. В.* КПСС и БКП во главе братского сотрудничества советского и болгарского народов в развитии социалистической культуры (1944—1948 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1975; *Дубова Л. Л.* Революционная борьба трудящихся Болгарии и советская печать 1923—1925 гг.: Вопросы информации и роли в организации движения солидарности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ужгород, 1986; *Лукаш С. Ю.* Деятельность Коммунистической партии Советского Союза по укреплению и развитию советско-болгарского сотрудничества в области народного образования и науки (1959—1971 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1982; *Решетников Л. П.* Участие на болгарские политически эмигранты в социалистическом строительстве в СССР (1921—1941 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. София, 1974; *Станчев М. Г.* Участие комсомольских организаций Украины в советско-болгарском культурном сотрудничестве (1959—1971 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1981; *Страшнюк С. Ю.* Советско-болгарское сотрудничество в области художественной культуры (1971—1981 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1985; *Тумаков А. И.* Болгаро-советское сотрудничество на интеграционных объектах в СССР (1967—1985 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1989; *Чижов А. П.* Деятельность российских революционеров в Болгарии (1878—1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1989. 41. *Елкин А. И.* Участие ВЛКСМ и союзов молодежи ПНР в советско-польском идеологическом и экономическом сотрудничестве (1971—1978 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1985. 42. *Козлитин В. Д.* Югославо-советские культурные связи 1917—1941 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ужгород, 1986. *Кравченко А. В.* Югославо-советское сотрудничество в области художественной культуры (1955—1985 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1988; *Кузьмин А. В.* Боевые действия авиагруппы под командованием А. Н. Витрука в сражениях за освобождение Югославии // *Сов. славяноведение*. 1979. № 6. 43. *Ена М. I.* Интернациональн зв'язки чехословацких і радянських трудящих (1926—1936 pp.) у радянській і чехословацькій історичній літературі // *Вісн. Харк. ун-ту*. 1975. № 118; *Куплевакский В. Я.* Борьба Коммунистической партии Чехословакии за марксистско-ленинскую программу по национальному вопросу в период возникновения и большевизации КПЧ (1918—1929 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1954; *Куц А. М.* Интернациональное воспитание трудящихся СССР на современном этапе коммунистического строительства (На боевых традициях советско-чехословацкой дружбы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1970; *Попова И. Г.* Партийное руководство развитием побратимских связей Украинской ССР и Народной Республики Болгарии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1984; *Шаповалова Н. С.* Участие рабочих Советской Украины в кампаниях солидарности с революционными трудящимися Польши (1924—1928) // *Вестн. Харьк. ун-та*. 1984. № 226; *Иорданов Г. Д.* Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на преобразование Болгарской социал-демократической партии (тесняков) в Коммунистическую и начало ее большевизации (1917—1923 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1953. 44. *Чернявский Г. И.* Рабочее движение в Болгарии в период временной, частичной и относительной стабилизации капитализма (1925—1929 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Х., 1969. 45. *Попов Г. Н.* Болгаристика в Харьковском университете (1805—1981) // *Първи международен конгрес по българистика*. Доклади: История и съвременно състояние на българистика. София, 1982. Т. 2; *Сохань П. С.* Советская болгаристика на Украине. Состояние и перспективы // *Втори международен конгрес по българистика*. Доклади: Българистиката. Състояние и перспективи. София, 1988. Т. 22. 46. *Програма Дриновских чтений*, посвященных 150-летию со дня рождения Марина Дринова, 20—21 окт. 1988 г.

Х., 1988. 47. Петров М. Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Х., 1861. 48. Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. В 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. Спб., 1904. 49. Надлер В. К. Меттерних и европейская реакция. Х., 1882. 50. Бузескул В. П. Восстание греков и отношение к нему Европы в 1821—1829 гг. Х., 1897; *Его же*. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия: К происхождению современной германской идеологии. Пг., 1915. 51. Гольдин Н. С. Падение сословно-земского строя в Прусской монархии. Х., 1916. 52. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1929—1931. Ч. 1—2. 53. Бузескул В. П. Французские историки 20-х годов XIX столетия и их отношение к революции 1830 г. Л., 1931. 54. Гольдин Н. С. Предисловие редактора // Дантон Ж. Избранные речи. Х., 1924. С. 3—18. 55. *Его же*. Социализм и коммунизм во Франции до половины XIX в. Х., 1925. 56. Вич К. М. Баррикады в Вильнев-Сен-Жорже и предательство Всеобщей Конфедерации Труда во Франции // Тр. истор. ф-та Харьк. гос. ун-та. 1940. Т. 19. 57. Скаба А. Д. Конституция 1793 року // Науч. сессия ист. ф-та Харьк. ун-та: Тез. докл. Х., 1938. 58. Альпер Р. С. Австрийский рейхстаг в октябре 1848 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1946. 59. Сапожнікова Г. А. Бременська Рада робітничих депутатів з 7 листопада по 4 лютого 1919 р. // Тр. іст. ф-ту Харк. держ. ун-ту. 1957. Т. 6. 60. Прокопчук А. Т. Робітнича політика австрійської соціал-демократичної партії в період революції 1918 р. // Пит. нової та новітньої історії. Х., 1977. Вип. 23. 61. Черноскотов А. И. Национальное движение меньшинства в Англии (1924—1926 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1974. 62. Подлесний Н. П. Робітничий клас країн капіталу—віршальна сила антимонополістичної боротьби // Комуніст України. 1973. № 2. 63. Пахомов В. Ф. Социально-экономическая политика Народного фронта в Чили (1938—1941 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1980. 64. Антологія літератур Сходу. Х., 1961. 65. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М., 1955—1960. Т. 1—6. 66. Луниц М. М. Индия. Взгляд на жизнь индоанского народа // ЖМНП. 1837. Июль. 67. *Его же*. Взгляд на историографию древнейших народов Востока // Москвитянин. 1842. Ч. IV. № 8. 68. Рославский-Петровский А. П. Очерки древней Индии. Х., 1871. 69. Ковалівський А. П. Вивчення культури новітнього Єгипту в Радянському Союзі. Освіта, література, театр, кіно, музика // Тр. іст. фак-ту Харк. держ. ун-ту. 1957. Т. 6. 70. Ветров Б. В. Положение рабочего класса и начало пролетарского движения в Шанхае (1919—1920 гг.) // НДВШ. 1959. № 4. 71. Побеленский Я. А. Движение сторонников мира в Японии // Борьба народов Азии за мир. М., 1962. 72. Литвиненко Ю. Г. Развитие коммунистического движения в Индии в 1927—1929 гг. // Уч. зап. Харьк. гос. ун-та. Тр. каф. истории КПСС. 1962. Т. 10. 73. Чувпило А. А. Идеино-политическая борьба в Индийском национальном конгрессе в 20-е годы XX в. Деп. в ИНИОН АН СССР. Х., 1988. 74. *Его же*. Индійська буржуазна историография о борьбе Индийского национального конгресса за независимость страны в 1917—1947 гг. // Вопр. новой и новейшей истории. К., 1984. Вип. 30.

Поступила в редакцию 10.11.88

В. К. МИХЕЕВ, д-р ист. наук,

Б. А. ШРАМКО, д-р ист. наук

ВКЛАД УЧЕНЫХ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ (1805—1990 гг.)

Начальная история Харьковского университета характеризуется эпизодическим интересом к памятникам археологии. Сбор сведений и доставка древностей в университет были едва ли не прерогативой университетской профессуры во время командировок по служебным делам. В этом отношении характерна деятельность

первого ректора университета *И. С. Рижского*, а также *И. Ф. Тимковского*, *Г. П. Успенского* и других профессоров университета. Кроме того, профессора университета проводили определенную работу по популяризации древних памятников. Последнее способствовало тому, что организованный в 1807 г. кабинет редкостей, кроме купленных, пополнялся за счет пожертвованных экспонатов.

Начало изучения древнейшей истории родного края по археологическим памятникам в Харьковском университете следует связывать с именем основоположника этого учебного заведения *В. Н. Каразина* (1773—1842). Крупный общественный деятель и ученый, *В. Н. Каразин* придавал большое значение местным древностям, особенно городищам, и в 1827 г. отмечал, что «некоторые из них, конечно, до иродотовых времен, следовательно, старше всего того, что за исключением берегов Черного моря представляет нам Россия. Но их нужно разрывать» [1, с. 585]. *В. Н. Каразин* полагал, что городища «старее царей и важнее для нас их монет» [2, с. 587]. Данные о городищах он сообщал *З. Ходаковскому* (*Адам Черноцкий*) — одному из пионеров изучения русских древностей. Высказывая мысль о необходимости изучения древностей, сам основоположник университета раскопки не производил, но с благодарностью отзывался о первом из харьковских ученых, предпринявшем раскопки: «Спасибо и спасибо *Вадиму Васильевичу Пассеку* за предприятие исследовать могилы [курганы.— *В. М., Б. Ш.*] полуденных губерний» [Там же, с. 587].

Воспитанник Московского университета, находившийся в дружеских и родственных отношениях с *А. И. Герценом*, *В. В. Пассек* (1808—1842) был горячим патриотом своей Родины и серьезным ученым-этнографом, понимавшим задачи археологии в планомерном исследовании памятников старины на территории России. Археологический материал он рассматривал как исторический источник, дополняющий сведения летописей. Ему принадлежат описания курганов и городищ Харьковского, Изюмского, Валковского и Полтавского уездов, а также находок, сделанных во время раскопок. Обнаруженные в курганах вещи служили для *В. В. Пассека* материалом для определения этнической принадлежности погребенных. *В. В. Пассек* положил начало исследованиям славянских памятников на Северском Донце [24]. В 1838—1839 гг. он осмотрел укрепления городища возле Карачевки под Харьковом и отождествил его с древнерусским городом Донцом, известным по *Ипатьевской летописи* [3, с. 211—216]. Помимо курганов и городищ внимание исследователя привлекла древняя скульптура в виде каменных «баб», которые он хотел изучать в связи с курганами. Большая коллекция половецких каменных баб была передана затем в Московский Исторический музей (ныне Государственный Исторический музей). Изучение курганов показало, какие ценные материалы могут дать памятники старины.

Археологическими памятниками, в связи с изучением культуры древних славян, интересовался известный этнограф и языковед-славист *И. И. Срезневский* (1812—1880). В 1839 г. вышла из печати его работа по истории Слободской Украины, где автор описывает различные археологические объекты с топографическими их расположением и конструктивными особенностями [4]. В 1848 г. *И. И. Срезневский* издал другую работу, специально посвященную древним городищам, указав на важность их изучения, и дал научное истолкование им как памятникам древнего богослужения [5]. Рассмотренные им городища на самом деле являлись широко распространенными на юге Восточной Европы майданами, назначение которых до сих пор не ясно археологам и вызывает дискуссии, но взгляд на них как на культовые сооружения древности, видимо наиболее оправдан.

Во второй половине XIX в. развитию археологии как особой отрасли исторической науки способствовал ряд обстоятельств: создание Археологической комиссии (1859 г.), образование археологических обществ, археологические съезды и др. Вместе с нумизматическими материалами в Харьковский университет продолжали поступать отдельные случайно найденные вещи, которые доставлялись в отдел редкостей музея изящных искусств и древностей. В этих приобретениях принимали участие *Н. Ф. Борисяк*, *Г. С. Чириков*, *Ю. И. Морозов*, *И. П. Шелков* и др. Посредническую деятельность между учеными университета и добытчиками древностей осуществлял русский и украинский фольклорист и исследователь обычного права *П. С. Ефименко* (1835—1908) — отец крупного советского археолога Петра Петровича Ефименко. Он занимал пост секретаря губернского статистического комитета, отбыл ссылку как народник и, кроме ряда специальных исследований, опубликовал статью «Кое-что о древностях Харьковской губернии» [6]. В период с 1867 г. по 1881 г., когда музеем изящных искусств заведовал известный филолог-славист *А. А. Потебня* (1835—1891), его помощником был *Г. С. Чириков*, впоследствии написавший статью «О каменных бабах Харьковской губернии». При них музей вместе с мюнц-кабинетом стал гордостью университета.

Родоначальник школы харьковских геологов профессор *Н. Д. Борисяк* (1817—1882) был страстным собирателем древностей. В 1874 г. он принимал участие в работе III Археологического съезда в Киеве, где докладывал о случайных находках, сделанных во время строительства Харьковско-Азовской, Харьковско-Николаевской, Одесской и Константиновской железных дорог. Участником V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. был профессор кафедры физической географии и минералогии *Ю. И. Морозов* (1836—1900). Его статья «О городищах Харьковской губернии» не потеряла своего значения до настоящего времени. В ней *Ю. И. Морозов* дает подробное описание многих городищ губернии — как известных до него, так и открытых им лично [8]. В городищах и майданах он видел памятники разного

назначения. Майданы Ю. И. Морозов считал памятниками культового назначения, а городища — укрепленными местами для обитания населения. Коллекция древностей, собранная Ю. И. Морозовым, была передана в музей изящных искусств. За нее он был удостоен серебряной медали на антропологической выставке 1879 г. в Москве. Сбором археологического материала занимался профессор физиологии Иван Петрович Шелков, передавший свою коллекцию в географический кабинет университета.

15—27 августа 1902 г. в Харькове состоялся XII Археологический съезд. Большую помощь в его подготовке оказали ученые университета. В работе Харьковского предварительного комитета по устройству съезда приняло участие 38 профессоров и преподавателей, что составляло более половины всех членов комитета (62 чел.). Председателем комитета был избран *Дмитрий Иванович Багале́й* (1857—1932), много сделавший для развития археологии в Харьковском университете. Участник многих археологических съездов, он активно пропагандировал местные памятники археологии и работу ученых Харьковского университета в деле их изучения, чему были посвящены его доклады на VIII, X и XI Археологических съездах. Чрезвычайно важным для своего времени был составленный Д. И. Багале́ем свод археологических памятников Харьковской губернии в виде специальной археологической карты и объяснительного текста к ней [9], что позволяло ориентироваться в местных древностях и давало возможность приступить к их планомерному изучению. Известные ему городища в бассейне Сев. Донца он связывал со славяно-русским населением и ошибочно считал их остатками древнерусских городов. Проводил Д. И. Багале́й и археологические раскопки, например, курганов в Валковском и Богодуховском уездах, часть которых относилась, как это можно установить сейчас, к культуре местных племен скифского времени. По поручению предварительного комитета Д. И. Багале́й возглавил специальную комиссию, куда входили *А. М. Покровский* и *Е. П. Трифильев*, по изучению Верхне-Салтовского могильника, открытого в 1900 г. археологом-энтузиастом В. А. Бабенко. На XII Археологическом съезде Д. И. Багале́й, вслед за Д. Я. Самоквасовым, высказал мысль о принадлежности могильника хазарам.

В период подготовки XII Археологического съезда выдвинулся как археолог приват-доцент *А. М. Покровский* (род. 1868 г.) — выпускник физико-математического факультета Киевского университета. Он обратил серьезное внимание на антропологический материал, получаемый во время раскопок. Его методические рекомендации по сбору антропологических остатков во время раскопок имеют большое значение для археологии. На Верхне-Салтовском могильнике *А. М. Покровский* вскрыл более 50 могил и результаты исследования подробно доложил XII Археологическому съезду. Другой участник упомянутой комиссии *Е. П. Трифильев* (род. 1867) с 1893 г. состоял консерватором музея изящных искусств и древностей, а в 1901 г. был утвержден приват-до-

центом по русской истории. Кроме экспедиции в Верхний Салтов, он предпринял самостоятельные раскопки курганов в бывшем Купянском уезде, о результатах которых было доложено XII Археологическому съезду. Копал он курганы и на территории Екатеринославской губернии, куда совершил археологическую экскурсию в 1905 г. по предложению Московского археологического общества.

Ученым, широко известным археологической общественности, был приват-доцент по русской истории *В. Е. Данилевич* (род. 1872). Воспитанник Киевского университета, он занимался древней русской историей, археологией и нумизматикой у *В. Б. Антоновича*. С переездом в Харьков в 1901 г. принял активное участие в разведочных и раскопочных работах в различных уездах Харьковской и других губерний России. Исследовал древние курганы, городища, стоянки и мастерские. Как полноправный исторический источник рассматривал *В. Е. Данилевич* нумизматический материал. К ценным работам харьковского периода научной деятельности ученого принадлежит составленная им «Карта монетных кладов и отдельных монет Харьковской губернии» и ряд других статей [10].

С 1911 г. началась археологическая деятельность *А. С. Федоровского* (1885—1939), окончившего физико-математический факультет Харьковского университета. По поручению университета он производил раскопки Верхне-Салтовского могильника. Во время геологического изучения Кубанской области в 1912 г. *А. С. Федоровский* исследовал дольмены. Вернувшись из поездки в Западную Европу в 1916 г., где он изучал археологические коллекции, произвел раскопки курганов под г. Волчанском. Однако наиболее интенсивно занимался *А. С. Федоровский* археологией в послеоктябрьский период.

В той или иной степени занимались археологией крупный этнограф *Н. Ф. Сумцов*, магистр теории и истории искусств *Е. К. Редин*, профессор кафедры русского языка и словесности *М. Г. Халанский* и др.

Своеобразная политическая и военная обстановка, сложившаяся на Украине после Великой Октябрьской социалистической революции, привела к тому, что до конца 1919 г. учебная и научная работа в Харьковском университете проходила в исключительно тяжелых условиях. Но даже при таких обстоятельствах научные исследования в области археологии продолжались. В 1917 г. *А. С. Федоровский* сдал экзамен на степень магистра и был избран приват-доцентом кафедры геологии. Одновременно с чтением лекций по палеонтологии и минерологии он занимался изучением неолитических стоянок в бассейне Сев. Донца. Печатных работ в это время появилось очень мало. В 1918 г. вышел популярный очерк *А. С. Федоровского* «Доисторическое прошлое Харьковской губ.» и статья заведующего музеем изящных искусств и древностей проф. *Ф. И. Шмидта* «О Тмутаракани» [11]. Избранный в 1919 г. академиком АН УССР *Д. И. Багалей* опубликовал

в этом же году статью о научной деятельности В. Е. Данилевича, а проф. В. П. Бузескул напечатал рецензию на книгу М. И. Ростовцева «Эллинизм и иранство на юге России» [12].

1920 г. был, по существу, первым годом, когда началась настоящая перестройка всех высших учебных заведений Украины. В Харькове вместо университета была создана Академия теоретических знаний, просуществовавшая до июня 1921 г. Работа в области археологии должна была проводиться в это время на кафедре всеобщей истории, которую возглавлял В. П. Бузескул. Старым университетским ученым, работавшим в Академии теоретических знаний, было не совсем ясно новое направление их деятельности, хотя некоторые из них уже становились на путь пересмотра своих научно-методологических позиций. В 1920 г., впервые после революции, харьковские ученые, поддержанные органами советской власти, несмотря на экономические трудности, возобновили полевые археологические исследования. Проф. А. М. Покровский на средства, выделенные археологической секцией Харьковского губернского Комитета охраны памятников искусства и старины, производил раскопки катакомбных погребений VIII—X вв. в могильнике у с. Верхний Салтов, а А. С. Федоровский занимался раскопками в г. Змиеве (ныне Готвальд). Кроме того, А. С. Федоровский опубликовал в 1921 г. интересную статью «Доисторические разработки медных руд и металлургия бронзового века в Донецком бассейне» [13]. Вопрос этот и сейчас еще недостаточно разработан, а тогда такая тема в исследованиях харьковских археологов была совершенно новой.

С осени 1921 г. до 1930 г. научная деятельность харьковских археологов была сосредоточена главным образом на научно-исследовательских кафедрах при Харьковском институте народного образования (ХИНО). Тематика кафедр была очень пестрой. Так, на кафедре истории Украины, которую возглавлял Д. И. Багалей, разрабатывались не только вопросы истории украинского народа, но и вопросы украинской этнографии, искусствоведения, иконографии, фольклора, археологии и другие. Археологией здесь занимались А. С. Федоровский, аспирантки Г. И. Тесленко и Берченко. Г. И. Тесленко написала в 1922 г. отчет о раскопках в Верхнем Салтове и собирала материалы о скифских городищах Харьковской губернии, а Берченко занималась классификацией бус Верхне-Салтовского могильника и приступила к разработке материалов о поздних кочевниках. На кафедре истории европейской культуры археологией занималась аспирантка В. П. Бузескула Т. А. Ивановская, которая специализировалась на изучении древних памятников кавказского искусства.

Начиная с 1925 г. в ХИНО стали появляться аспиранты новой формации, обучавшиеся уже в советской высшей школе, полные энергии и желания по-новому, с позиций исторического материализма изучать древнейший период истории нашей Родины. Среди этих аспирантов в 1925—1926 гг. были А. А. Потапов, Н. К. Фукс и О. Ф. Лагодовская. Они сразу же приняли самое активное уча-

стие в археологических разведках на селищах скифского времени у с. Снежковки, г. Валки, ст. Верещаковка, изучали памятники черняховской культуры у хуторов Замосский Кут и Ольховский Валковского района, обследовали городища Харьковщины и стоянки эпохи неолита у с. Кипевка. Постоянным местом разведок было расположенное на окраине Харькова Донецкое городище.

Из аспирантов ХИНО, которые специализировались в области археологии*, наиболее заметный след в науке того времени оставил А. А. Потапов. Вначале он занимался первобытной археологией Кавказа, изучая памятники палеолита и неолита. В 1925 г. он прочитал доклад «К вопросу о путях распространения обсидиановых изделий в каменном веке из Закавказья на север» на краеведческом съезде в Батуми, а в 1926 г. выступил на первой Всесоюзной конференции археологов СССР в Керчи с обобщающим докладом «Неолитические стоянки Закавказья». Он же опубликовал несколько предметов салтовской культуры из коллекции Музея Грузии и Харьковского музея. Е. Ф. Лагодовская сделала сообщение об одной из археологических разведок.

Большое значение имела работа молодых археологов А. А. Потапова, Н. К. Фукса и И. Н. Луцкевича по изучению памятников скифской эпохи. В 1925—1931 гг. под руководством А. С. Федоровского они обследовали большое количество городищ раннего железного века в бассейнах Северского Донца и Ворсклы. Детальная разведка более 40 городищ дала возможность вполне убедительно выделить из всей массы укрепленных поселений в этой части Лесостепи отдельные городища скифской эпохи и связанные со славянским заселением данной территории. К сожалению, только некоторые результаты этой большой коллективной работы получили отражение в опубликованных статьях. Н. К. Фукс дал краткий, в основном топографический, обзор пятнадцати городищ скифской эпохи без приложения планов [14]. А. А. Потапов написал интересную статью об одной из групп керамики Бельского городища [15]. В 1926 г. студенты ХИНО под руководством А. С. Федоровского обследовали остатки трех мамонтов и других животных эпохи плейстоцена, обнаруженных на месте строительства Госпрома. В 1927 г. И. Н. Луцкевич раскапывал катакомбы Верхне-Салтовского могильника, а в 1928 г. на территории Харькова при прокладке трамвайной линии на пл. Розы Люксембург обнаружил остатки могильника VIII—X вв. с погребениями в деревянных колодах.

Большое значение имели исследования А. С. Федоровского на Донецком городище. В 1926 г. на городище производились раскопки землянок, а в 1929—1930 гг., используя работы, связанные со строительством шоссе на дороге, А. С. Федоровский произвел

* Официально они считались аспирантами-историками при кафедрах истории украинской культуры, истории античной культуры и т. п., но занимались археологией.

значительные раскопки на посаде, примыкающем к детинцу древнерусского города Донца. В результате здесь удалось собрать ценный материал для характеристики хозяйства, быта и культуры местного населения эпохи Киевской Руси, к сожалению, большей частью утерянный в период Великой Отечественной войны. А. С. Федоровский начал также работу по изучению таких своеобразных памятников, как майданы. Ему принадлежит критический обзор основных работ, посвященных майданам [16]. В заповеднике Аскания-Нова он изучал коллекцию каменных баб и начал создавать фототеку этих скульптур, в чем ему оказывала помощь сотрудница музея М. В. Давыдова. Интересовался он и памятниками, связанными с историей Золотой Орды. Наконец, необходимо особо подчеркнуть то большое внимание, которое уделял А. С. Федоровский делу систематизации, учета и охраны археологических памятников. Он был одним из самых активных членов Археологического комитета АН УССР и созданного в 1926 г. Украинского Комитета охраны памятников культуры при Укрнауке. С целью привлечения широких масс трудящихся к охране и изучению местных памятников он составил подробную программу сбора и регистрации археологических находок, которая сопровождалась кратким иллюстрированным обзором археологии Украины и подробной инструкцией. Методические указания, составленные А. С. Федоровским, во многих случаях сохраняют свое значение и сейчас [17].

Научная деятельность этого периода разворачивалась не только на соответствующих кафедрах ХИНО. В январе 1921 г. было создано Харьковское научное общество, председателем которого стал академик В. П. Бузескул. На заседаниях общества заслушивались различные доклады и библиографические обзоры русской и иностранной литературы. К сожалению, тематика докладов была не всегда достаточно актуальной, а научная разработка тем иногда оставляла желать лучшего.

Начавшаяся уже было налаживаться научная работа была прервана в 1930 г., когда ХИНО был ликвидирован.

В сентябре 1933 г. был, наконец, вновь открыт Харьковский университет с историческим факультетом. Но для историков процесс преобразований еще не закончился, так как в 1935 г. исторические кафедры были ликвидированы, а в 1936 г. вновь восстановлены. Кафедру древней истории и археологии с 1937 по 1951 г. возглавлял профессор С. А. Семенов-Зусер. Он пришел в университет ученым с уже вполне сложившимся кругом интересов, который включал историю племен Сев. Причерноморья в раннем железном веке (скифы, тавры) и историю античных городов.

В 1939 г. С. А. Семенов-Зусер опубликовал работу «Скифические кочевники на території Північного Причорномор'я» [18], которая является переработанным и расширенным вариантом ранней статьи «Родовая организация у скифов Геродота», подвергнувшейся в свое время суровой критике со стороны В. И. Равдоникаса и О. О. Крюгера [19]. К сожалению, и новый вариант стра-

дал существенными недостатками, так как работа представляла собой в основном компиляцию.

При кафедре древней истории и археологии университета имелся Археологический музей, которым после перехода А. С. Федоровского в 1936 г. на работу в Харьковский педагогический институт заведывал его ученик И. Н. Луцкевич. Он читал лекции по основам археологии, продолжал археологические разведки и раскопки, руководил студенческим археологическим кружком (отдельно существовал кружок древней истории, которым руководил С. А. Семенов-Зусер). И. Н. Луцкевич был неутомимым полевым исследователем и умел заинтересовать этой работой других. О научной деятельности И. Н. Луцкевича в предвоенные годы известно мало. В 1940 г. он начал раскопки большого кургана с каменным кромлехом под насыпью у с. Старый Мерчик. Выяснилось, что в курган бронзового века было впущено погребение скифской эпохи, но последнее было ограблено, и от инвентаря сохранились только два фрагмента керамики. Война не позволила завершить эти раскопки. Сам И. Н. Луцкевич погиб в Харькове во время немецкой оккупации города. Уже после его смерти были опубликованы статьи о сарматском кургане в Нецереетове, а также некоторые сведения о других его раскопках [20].

Завершающей в серии работ С. А. Семенова-Зусера, посвященных скифам, была книга «Скифская проблема в отечественной науке» [21]. Работать над ней он начал еще во время эвакуации в Кызыл-Орде. Этим и объясняются в значительной мере определенная неполнота, краткость и неточность характеристик некоторых важных исследований. Тем не менее С. А. Семенову-Зусеру удалось впервые в советской археологии дать несомненно интересный обзор огромного количества книг и статей, связанных с изучением скифской проблемы, начиная с XVIII в. и до наших дней. В 1948 г. эта книга была защищена С. А. Семеновым-Зусером в качестве докторской диссертации. В послевоенные годы С. А. Семенов-Зусер приступил к раскопкам курганов и городищ скифской эпохи у г. Люботина и у с. Большая Гомольша, а затем под влиянием В. А. Бабенко, который несколько последних лет своей жизни работал лаборантом в Археологическом музее ХГУ, начал раскопки катакомбного могильника в Верхнем Салтове. Однако эти средневековые памятники были чужды основной тематике С. А. Семенова-Зусера. Поэтому результатом раскопок явились только публикации отчетов о раскопках могильника без всяких попыток анализа полученных результатов.

С 1966 по 1977 г. кафедру древней истории и археологии возглавлял воспитанник университета Б. А. Шрамко. Первые его шаги в области научной работы были сделаны еще в студенческом археологическом кружке, вначале под руководством И. Н. Луцкевича, а затем — С. А. Семенова-Зусера. Один из его студенческих докладов «Керамика салтовской культуры» был отмечен премией министра ВССО СССР, а позже опубликован в «Ученых записках» университета. В 1953 г. Б. А. Шрамко защитил кандидат-

скую диссертацию «Памятники скифского времени в бассейне Сев. Донца», а в 1965 г. — докторскую диссертацию «Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху».

Основные исследования Б. А. Шрамко развивались по нескольким направлениям, причем для всех характерно его стремление использовать в археологических исследованиях возможности и методы естественных наук. Примерно две трети из 150 работ, в том числе обе диссертации и одна монография, посвящены изучению различных вопросов, относящихся к скифской эпохе раннего железного века. Другие работы посвящены изучению памятников бронзового века и предскифской эпохи, периода раннего средневековья, вопросам методики и организации учебной работы или, как книга «Древности Северского Донца», охватывают большой хронологический диапазон от палеолита до эпохи Киевской Руси.

В первые послевоенные годы Археологический музей ХГУ почти не располагал коллекциями материалов, относящихся к скифской эпохе. Поэтому с целью накопления достаточного количества источников Б. А. Шрамко много внимания уделял разведкам и раскопкам. Его самостоятельные полевые исследования начались в 1950 г. С тех пор он ежегодно проводит разведки и раскопки, возглавляя сначала Северско-Донецкую, а затем Скифо-славянскую археологические экспедиции. Полевые работы 1950—1988 гг. охватили большую территорию: Харьковскую, Полтавскую, Сумскую, Донецкую, Черниговскую, Киевскую, Черкасскую и Винницкую области УССР, а также Белгородскую и Курскую области РСФСР. В ходе этих работ был накоплен огромный материал, который лег в основу ряда исследований.

Вскоре в самостоятельную экспедиционную работу начали включаться и ученики Б. А. Шрамко — археологи В. К. Михеев, Б. П. Зайцев, Ю. В. Буйнов, В. П. Андриенко, А. А. Моруженко, А. К. Дегтярь, В. Е. Радзиевская, А. Г. Дьяченко, С. И. Берестнев, Ю. Н. Бойко и др. В результате значительно расширился круг изучаемых памятников и объем полевых работ. Археологический музей стал быстро пополнять свои фонды и экспозицию.

Во время экспедиционных работ Б. А. Шрамко первым обстоятельно исследовал комплекс VI—III вв. до н. э. у с. Островежка, состоящий из селища и курганного могильника. Здесь отмечена своеобразная планировка поселений лесостепной культуры в виде расположения зольников по кругу. Раскопки на городище у пос. Караван позволили обнаружить зольник с остатками глиняного жертвенника и глиняными культовыми моделями зерен. Городище скифской эпохи в окрестностях г. Люботина исследовано на большой площади почти полностью, что позволило получить большой и разнообразный материал, выяснить особенности устройства оборонительных сооружений. Среди хозяйственных остатков на этом городище впервые обнаружена печь для цементации железа.

Исключительно важным лесостепным поселением скифской эпохи является Бельское городище в бассейне р. Ворсклы, на ко-

тором и сосредоточивается внимание Б. А. Шрамко с 1954 г. Раскопки этого, самого большого в Восточной Европе городища раннего железного века, имевшего площадь более 4020 га, представляют большую трудность. Несмотря на это, в результате многолетних исследований на городище к 1989 г. была вскрыта площадь более 41 тыс. кв. м. Были сняты точные планы всех укреплений, изучена система оборонительных сооружений, обнаружены разнообразные жилища, погребя, хлевь, овины, ямы для хранения зерна, остатки ремесленных мастерских, святилище, остатки храма с колоннами, бронзолитейные печи и печь для обжига керамики, остатки кузницы, многочисленные жертвенники и пр. Материалы раскопок на Бельском городище и в его окрестностях положены в основу ряда сообщений, докладов и обобщающих статей Б. А. Шрамко. Основные итоги этих исследований подведены в монографии «Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)» [22]. Полученные материалы далеко не исчерпаны, во многих случаях они уникальны и еще долго будут служить источником для различных археологических исследований.

Наряду с изучением поселений скифской эпохи, Б. А. Шрамко проводил и раскопки одновременных курганов. Курганы раскапывались в могильниках у с. Островерховка, в окрестностях г. Люботина, у с. Большая Гомольша, в урочищах Скоробор, Осняги, Перещепино, в могильниках у сёл Липцы, Веселое, Новый Мерчик и др.

Накапливавшийся в ходе раскопок поселений и курганов материал, а также параллельное изучение фондов различных музеев СССР позволили перейти к обобщающим работам и специальным исследованиям крупных проблем. В 1962 г. появилась статья Б. А. Шрамко о поселениях скифской эпохи в бассейне Северского Донца, в которой были подведены итоги десятилетнего их изучения [23]. В более широком плане написана монография «Древности Северского Донца», в которой впервые дана характеристика всех известных к тому времени памятников на этой территории: от эпохи палеолита до периода Киевской Руси, причем многие разделы ее были написаны на основе новых материалов, впервые вводимых в научный оборот [24]. Эта работа до сих пор остается наиболее полным обзором археологических памятников в бассейне Северского Донца, сделанным к тому же на широком историческом фоне. Книга получила высокую оценку [25].

Основное направление работ Б. А. Шрамко связано с разработкой проблемы хозяйства племен Скифии, которые проводились на основе широкого использования возможностей не только археологии, но и различных естественных наук. Большое внимание уделялось изучению вопросов истории земледелия, домашних промыслов и особенно ремесел. Следует отметить, что история земледелия раннего железного века в 50-х годах была изучена очень слабо. Б. А. Шрамко нашел новые доказательства того, что земледельцы скифской эпохи и даже бронзового века, а, вероятно, и энеолита было пашенным. До появления работ Б. А. Шрамко

считалось, что в Восточной Европе нет остатков рал более древних, чем раннесредневековые. Б. А. Шрамко высказал мнение, что среди них имеются и более древние, относящиеся к раннему железному и даже к бронзовому веку. Это подтвердилось датировкой рала из Полесья радиоуглеродным методом [26]. Б. А. Шрамко предложил классификацию кривогибильных рал, которая с небольшими изменениями используется исследователями и в настоящее время. Исследователь вновь привлек внимание ученых к изображениям на симферопольской стеле первой половины 2 тыс. до н. э. тем, что дал более точное изображение и новую расшифровку рисунков. Коте заметил здесь рала, но Б. А. Шрамко удалось доказать, что на стеле имеется изображение целой культовой сцены подготовки к пахоте и показаны такие земледельческие орудия, как рала, мотыги, кирки, парная упряжка быков с архаическим ярмом. Было обращено также внимание на то, что стела дает древнейшее в Восточной Европе свидетельство существования у местного населения земледельческого культа умирающего и возрождающегося божества [27].

Использование всех видов источников, в том числе палеоботанических, позволило уже в первых работах значительно расширить сведения о растениях, которые выращивали земледельцы скифской эпохи. В дальнейшем совместная работа с З. В. Янушевич привела к появлению обобщающей работы о культурных растениях Скифии [28]. Здесь впервые удалось объяснить странное сообщение Геродота о том, что скифы-пахари «сеют хлеб не для собственного потребления, а для продажи» (IV, 17). Дело в том, что хлебом, который скифы продавали грекам, была преимущественно мягкая пшеница, а сами скифы предпочитали полбу.

Также успешной была разработка проблемы развития ремесел в Скифии. К изучению отдельных вопросов этой проблемы Б. А. Шрамко удалось привлечь специалистов-металловедов — проф. Л. А. Солнцева, инженера Л. Д. Фомина и др. Это позволило проводить разработку тем по истории ремесла на более высоком уровне. Результаты исследований вылились в серию статей по металлургии и металлообработке железа на юге Восточной Европы. В них рассматривались вопросы металлургии железа в Скифии и впервые отмечено применение флюсов местными ремесленниками; сообщалось о выявлении первой в Восточной Европе находки изделия из метеоритного железа и древнейшей находке из чугуна на этой территории. До сих пор отечественные и зарубежные исследователи обращают внимание на статью, в которой впервые на основе объективных металлографических анализов была дана характеристика уровня обработки железа в лесостепной и степной Скифии, на основе изучения орудий, оружия, предметов конской упряжи и других предметов выявлены типичные технологические приемы кузнецов скифской эпохи, оказавшиеся в ряде случаев весьма сложными.

Эти выводы неоднократно дополнялись результатами новых исследований. Б. А. Шрамко особое внимание уделял изучению

железных орудий, которые во многом определяли возможности ремесленников раннего железного века. Из массы находок, не всегда правильно охарактеризованных, были выделены орудия кузнецов скифской эпохи. Разработана детальная классификация ножей — самых массовых и разнообразных орудий производства. Впоследствии эта классификация была уточнена и расширена [29]. Б. А. Шрамко решительно выступает против утверждения о том, что скифская культура якобы привнесена извне в готовом виде, и подтверждает это конкретными фактами, прослеживая технологическую связь изготовления некоторых видов скифского вооружения с доскифским, киммерийским оружием.

Б. А. Шрамко выступал с докладами по истории ремесел раннего железного века в Восточной Европе на ряде отечественных и международных конференций. Его работы в этой области получили широкую известность и были высоко оценены. В 1967 г. Б. А. Шрамко был избран членом Международного комитета ЮНЕСКО по изучению древней металлургии железа [30] и с этого времени принимает активное участие в деятельности комитета, поддерживает научные связи с его членами.

Ряд его работ посвящен бронзолитейному и ювелирному производствам. В коллективной работе о бронзовых котлах раннего железного века он рассматривает вопрос о происхождении скифских котлов, впервые четко показывает типологические признаки сибирских, скифских и сарматских котлов, которые ранее нередко смешивались [31]. Металлографические и химические анализы позволили в деталях реконструировать технику изготовления котлов, по поводу которой высказывались различные точки зрения. Специальные статьи посвящены изучению техники изготовления золотых украшений, сарматского вооружения, а также разоблачению подделки, которая якобы имела отношение к скифскому бронзолитейному ремеслу. Обработке цветных металлов и выделению соответствующих центров посвящен доклад Б. А. Шрамко, с которым он выступал на симпозиуме в Чехословакии [32]. До сих пор единственным специальным исследованием по вопросам кожевенного производства скифской эпохи является статья Б. А. Шрамко «Обработка кожи в Скифии», в которой дана сводка инструментов и используются специальные анализы образцов кожи [33].

Помимо разработки вопросов истории хозяйства скифской эпохи, Б. А. Шрамко занимался изучением социально-политических вопросов. Они рассматриваются почти в каждой главе монографии «Древности Северского Донца», в учебных пособиях «История первобытного общества» [34] и «Археология раннего железного века Восточной Европы» [29] и других работах. Так, говоря о проблемах социальной структуры скифского общества и возникновения у них государственного образования, Б. А. Шрамко, учитывая новейшие данные, отмечает, что у скифов формировалось раннеклассовое нерабовладельческое общество, причем основой для возникновения скифской государственности был внут-

ренный процесс классообразования у собственно скифского населения степей. Аналогичный процесс формирования раннеклассового общества происходил и у лесостепных нескифских племен, которые не были завоеваны скифами и развивались самостоятельно. В специальной статье рассматривается проблема возникновения городов в Скифии в связи с развитием у местного населения ремесел и торговли, концентрацией жителей на больших городищах, которые были экономическими, политическими и культурными центрами своего времени [35]. Одним из таких городов, возникших из межплеменного центра, было Бельское городище.

В своих исследованиях Б. А. Шрамко уделял также много внимания проблеме этногеографии Скифии. Еще на первой конференции по вопросам скифо-сарматской археологии в 1952 г. он выступил в защиту взгляда о глубоких внутренних различиях культуры племен Степи и Лесостепи. Этой позиции он придерживался и в дальнейшем, поддерживая тезис Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой о том, что лесостепную Скифию населяли в основном нескифские племена, а ираноязычные скифы жили в степной зоне.

Привлекла внимание исследователей и статья Б. А. Шрамко о культурно-хозяйственных особенностях степной и лесостепной Скифии [36]. Здесь сделан вывод о том, что территорию лесостепных племен необходимо выделить в особую, безусловно, нескифскую историко-этнографическую область, населенную различными племенами, у которых в результате длительного взаимного общения, смешивания в процессе переселений и сходных форм хозяйства образовалась и определенная культурная общность. Обосновывается мысль о том, что население этой области в скифскую эпоху сохраняло свою самостоятельность и не входило в политическое объединение скифов, как полагал ряд исследователей. Отмечается, что в целом собственно скифское ремесло было менее развито, чем у лесостепных земледельческих племен даже в период существования Каменского городища. Это подтверждают и новые исследования разных специалистов.

Над вопросами, связанными с изучением археологических памятников скифской эпохи раннего железного века, работали под руководством Б. А. Шрамко и ряд аспирантов и соискателей, которые в настоящее время продолжают свои исследования в других высших учебных заведениях, музеях и прочих учреждениях. А. А. Моруженко, еще будучи студенткой, принимала активное участие в разведках и раскопках Скифо-славянской экспедиции, прошла подготовку в аспирантуре и вскоре успешно начала самостоятельные исследования. Уже первая ее работа, посвященная хозяйственным сооружениям скифской эпохи, показала умение автора делать интересные выводы на основе казалось бы самого рядового материала, которым являются хозяйственные ямы [37]. В дальнейшем А. А. Моруженко сосредоточила свое внимание на изучении городищ скифской эпохи. Она разработала четкую классификацию городищ с учетом типов оборонительных сооружений

и данных топографии [38]. Впервые была дана обобщающая характеристика жилищ лесостепной Скифии. Одну из статей А. А. Моруженко посвятила историографии вопроса о поселениях Скифии. Одновременно с теоретическими разработками А. А. Моруженко вела полевые исследования, обратив особое внимание на еще не изученные оборонительные сооружения таких городищ, как Немировское, у сел Каменка и Сосенка и Полковая Никитовка. Кроме того, раскопки поселений дали разнообразный и важный материал для характеристики хозяйства, быта и культуры местного населения скифской эпохи. Все это легло в основу кандидатской диссертации «Городища лесостепной Скифии», которую А. А. Моруженко защитила в 1969 г.

Аспирант В. П. Андриенко темой своих основных исследований избрал вопрос о религиозных верованиях племен лесостепной Скифии. Во время своих разведок и раскопок он обратил внимание на такие своеобразные сооружения, которые у археологов получили название «майданы», и поддержал исследователей, которые считают, что майданы — это курганы, разрушенные кладоискателями или селитроварщиками путем раскопок с применением волокуш. Специальная статья посвящена характеристике основных культовых обрядов и сооружений у тех же племен [39]. В результате проделанной работы В. П. Андриенко написал и в 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию «Земледельческие культы племен лесостепной Скифии (VII—V вв. до н. э.)».

Аспирант Ю. Н. Бойко с самого начала специализировался на изучении социальных проблем по археологическим источникам с использованием новых методов. Новизна заключалась уже в том, что, кроме данных курганных погребений, которые обычно использовали в этих целях, Ю. Н. Бойко впервые привлек материалы поселений, раскопанных на широких площадях, что позволило выяснить особенности планировки. Для получения наиболее объективных наблюдений о социальном составе древних обществ, их структуре и системе общественного организма он широко использовал возможности математической статистики. На подготовительной стадии много внимания было уделено разработке и практической апробации методов применения системного подхода и возможностей многомерного статистического анализа археологических источников [40]. В результате ему удалось написать интересную работу «Социальный состав населения бассейна Ворсклы в скифское время (VII—III вв. до н. э.)», которая была в 1986 г. защищена в качестве кандидатской диссертации.

Соискательница В. Е. Радзиевская еще в студенческие годы принимала активное участие в разведках и раскопках Скифо-славянской экспедиции, а затем начала проводить раскопки самостоятельно. Очень интересные результаты были получены при исследовании селища срубной культуры бронзового века в урочище Поляны у с. Шпаковка. Основным объектом ее многолетних раскопок стало городище скифской эпохи у пос. Коломак. На этом южном форпосте земледельцев лесостепной культуры скифской

эпохи были обнаружены жилища, хозяйственные комплексы, даже уникальный древний колодец и много вещественных материалов для характеристики хозяйства и культуры местного населения. Впервые здесь удалось зафиксировать комплексы, свидетельствующие о тяжелой борьбе местных жителей с кочевниками. Важные результаты были получены и при раскопках курганов у Коломака [41]. Темой ее основных исследований стала история обработки кости и рога у племен лесостепной Скифии. Эти вопросы рассматриваются и в ряде ее статей [42].

Соискатель П. А. Гавриш начал работу над темой «Происхождение и развитие лесостепных племен бассейна Псла в VII—III вв. до н. э.». С целью накопления археологических источников по этой теме он провел широкие разведывательные работы в бассейне Псла и в 1988 г. начал планомерные раскопки Кнышевского городища.

Другим важным направлением научной работы Б. А. Шрамко и его учеников было изучение памятников бронзового века и особенно переходного предскифского периода. Еще в 1950 г. ученый начал обследовать многослойное селище у с. Большая Даниловка и отметил наличие здесь отложений бронзового века, в том числе таких, которые относились к какой-то новой группе памятников предскифского времени. В 1951 г. на селище у с. Шмаровка (Хмаровка) был выделен уже целый культурный слой предскифского времени, содержащий ярко выраженные находки, которые относились к культуре, получившей позже название бондарихинской. Первые сведения об этих находках были опубликованы уже в 1954 г., а в 1955 г. Б. А. Шрамко сделал в Институте археологии АН СССР доклад о новых памятниках предскифского времени [43]. Следует отметить, что первое сообщение Д. Я. Телегина о находках остатков какой-то неизвестной культуры бронзового века в урочище Бондариха появилось в 1956 г., а первое сообщение В. А. Ильинской о продолжении раскопок в этом урочище напечатано в 1957 г. В дальнейшем, рассматривая на основе новых находок вопрос о формировании лесостепной культуры скифской эпохи, Б. А. Шрамко выступает против тезиса В. А. Ильинской о том, что культура скифской эпохи в лесостепном Левобережье появляется в готовом виде, безо всякой связи с культурой предшествующего этапа на этой территории [44], и в специальной статье приводит доказательства того, что в процессе сложения лесостепной культуры, кроме других этнических групп, принимало участие и население бондарихинской культуры [45]. Дальнейшие исследования подтвердили эти наблюдения.

Неоднократно Б. А. Шрамко обращался к проблеме взаимоотношения киммерийской и скифской культур, выступая против взгляда об отсутствии преемственности между киммерийской и скифской культурами. В 1979 г. на конференции по проблемам эпохи бронзы на юге Восточной Европы он выступает с докладом о киммерийском вкладе в культуру скифской эпохи, а в 1984 г. на конкретных примерах находок предскифского и раннескифского

времени прослеживает связь киммерийского биметаллического оружия с оружием скифской эпохи, причем в такой мере, что можно говорить о преемственности металлообрабатывающего ремесла. Определенная связь отмечается и в развитии технологии литья бронзовых наконечников стрел [46].

Суммируя результаты исследований памятников предскифской и раннескифской эпохи, Б. А. Шрамко пришел к выводу, что вопрос о происхождении скифов не следует смешивать с вопросом о происхождении скифской культуры, как это делают некоторые археологи. Хотя исторические скифы действительно пришли из Азии сначала на Северный Кавказ, а затем в борьбе с киммерийцами завоевали всю территорию степей Северного Причерноморья, но «скифская культура не была привнесена в Восточную Европу в готовом виде откуда-то из глубин Азии, и вместе с тем она не является результатом прямого развития какой-то местной культуры конца бронзового века, в частности позднесрубной. Своеобразная скифская культура является новообразованием, сложившимся уже в Сев. Причерноморье во второй половине VII—начале VI в. до н. э. До этого можно обнаружить лишь отдельные элементы, которые вошли затем в скифскую культуру...» [29, с. 17]. В то же время своеобразные черты племен лесостепной историко-этнографической области складывались постепенно и в основном на местной основе, уходящей своими корнями в доскифское время, в эпоху бронзы.

Много нового в дальнейшую разработку проблем бронзового века и предскифской эпохи внесли исследования учеников Б. А. Шрамко — Ю. В. Буйнова и С. И. Берестнева. Ю. В. Буйнов приступил к самостоятельным исследованиям в 1975 г., имея к этому времени уже богатый опыт полевых работ в Скифо-славянской и новоостроечных экспедициях. Основное внимание он уделяет изучению памятников еще малоизученной бондарихинской культуры. Имевшиеся к этому времени материалы по этой культуре были малочисленны и отрывочны, о погребениях в литературе вообще не было никаких данных. Поспешные выводы В. А. Ильинской о генетической связи бондарихинской культуры с марьяновской привели к возникновению споров о происхождении и особенностях развития бондарихинской культуры.

В ходе энергичных разведок Ю. В. Буйнову удалось только в бассейне Северского Донца открыть более 30 новых поселений позднего бронзового века, в том числе и бондарихинской культуры (у с. Великая Тополяха, Миргороды, Черкасский Бишкин, Родной Край, Великая Бабка, Кицевка и др.). Особенно ценным было открытие и тщательное исследование грунтового могильника бондарихинской культуры у с. Тимченки, что позволило не только выяснить характерные черты погребального обряда, но и определить принадлежность к бондарихинской культуре могильника у ст. Основа и погребения у с. Бутенки. Ю. В. Буйнову удалось организовать планомерные и широкомасштабные раскопки поселений Тимченки, Великая Тополяха, Родной Край и другие, в ходе

которых были получены сведения о различных жилищах, культовых зольниках, обнаружено святилище, найдены остатки, характеризующие местную металлургию бронзы и железа, получен важный палеоботанический материал и пр. На основе новых данных был дан интересный очерк хозяйства племен бондарихинской культуры [47].

С 1976 г. стало известно о существовании укрепленных поселений этой культуры (Ракитное, Пролетарское, Задонецкое, Веселое). Городище у с. Веселое было исследовано путем раскопок, что позволило познакомиться с целым комплексом в виде жилища, ряда хозяйственных ям и кухонного помещения. Итоги изучения поселений были подведены в специальной статье [48]. Таким образом, новые раскопки дали разнообразный и богатый материал, который Ю. В. Буйнов исследовал и обобщил в монографии «Бондарихинская культура», защищенной в 1981 г. в качестве кандидатской диссертации. В последующее время Ю. В. Буйнов продолжил разведки и раскопки памятников позднего бронзового века и предскифского периода. Наибольшее значение имели его раскопки на поселениях Родной Край I и III, Фески, Сухая Гомольша, Меловая, в урочище Бондариха и др. В 1986—1987 гг. Ю. В. Буйновым были возобновлены раскопки таких классических памятников, как селища в урочище Бондариха и селище у с. Студенок, бондарихинские слои которых не были полностью исследованы ранее. Новые раскопки дали чрезвычайно важные материалы, позволяющие иначе решать проблему происхождения племен бондарихинской культуры. Одновременно Ю. В. Буйнов целенаправленно трудится над разработкой компьютерных методов анализа археологических источников, успешно развивая это новое направление. Использование таких методов многомерного статистического анализа, как факторный, кластерный и дискриминантный, оказалось весьма плодотворным при классификации погребальных памятников и форм керамических сосудов.

Вопросы, связанные с изучением памятников эпохи энеолита и бронзового века разрабатывает С. И. Берестнев. Первые его полевые исследования и теоретические разработки были посвящены изучению лесостепных памятников срубной культуры бронзового века, которые были настолько слабо известны, что высказывалось даже предположение об отсутствии на Дону и Северском Донце памятников позднесрубной культуры, соответствующих белозерскому этапу. В ходе разведок С. И. Берестнева было обнаружено много новых поселений срубной культуры в бассейнах Сев. Донца и Ворсклы (Утковка, Старица, Марьевка, Подгороднее, Зубовка и др.).

Широкие раскопки были организованы на селище в урочище Таранцево, содержащем отложения ранне- и позднесрубного времени, и на селище Утковка-1. Это позволило получить много новых материалов для общей характеристики и понимания особенностей развития срубной культуры в лесостепной области бассейна Северского Донца. Изучение поселений было дополнено рас-

копками курганов на территории Чугуевского, Богодуховского и Готвальдовского районов Харьковской области. Все это позволило С. И. Берестневу написать и в 1983 г. защитить диссертацию «Срубная культура лесостепного Левобережья Украины», в которой были обобщены и исследованы данные о 128 бытовых и 230 погребальных памятниках,кладах и отдельных находках. В этой работе была установлена хронология и периодизация срубных памятников исследуемого региона, показано их своеобразие.

В дальнейшем С. И. Берестнев уделяет основное внимание раскопкам курганов на территории Харьковской области. В период с 1983 по 1988 гг., руководя новостроечной экспедицией, он раскопал более 100 курганов в Балаклейском, Зачепиловском, Красноградском, Кегичевском, Боровском, Первомайском и Лозовском районах. В результате было обнаружено около 300 погребений эпохи энеолита, бронзового века, раннего железного века и эпохи средневековья. Параллельно проведены раскопки срубного поселения у с. Снежковка и катакомбно-срубного поселения у с. Студенок. В специальной статье С. И. Берестнев рассматривает лесостепные погребения предскифского периода [49].

Исследованием древних погребений на территории степного Крыма занималась рано умершая от тяжелой болезни аспирантка *Е. Н. Черепанова*, которая участвовала в раскопках большого количества курганов в зоне новостроек и опубликовала ряд работ, характеризующих памятники эпохи энеолита бронзового и раннего железного века [50]. Одна из ее работ посвящена характеристике погребений поздних кочевников в Крыму.

Третьим крупным направлением археологических исследований, которые развернулись в Харьковском университете, является изучение древностей раннего средневековья, связанное с исследованием памятников пеньковской, салтово-маяцкой, роменской культур и древнерусской культуры эпохи Киевской Руси. К исследованиям этой группы памятников примыкают и работы по изучению полиэтнической черняховской культуры самого конца раннего железного века, так как ее изучение тесно связано с разработкой проблемы славянского этногенеза. Круг очень актуальных вопросов истории раннего средневековья привлекал и привлекает внимание многих университетских археологов.

История изучения славянских памятников в Харьковском университете ведет свои традиции от *В. В. Пассека*. В 20-х годах начался новый этап их изучения. К концу 30-х годов в бассейне Северского Донца было известно уже около 30 поселений и 2 могильника черняховской культуры III—IV вв. Как и многие археологи того времени, А. С. Федоровский, стоявший у истоков этих исследований на Харьковщине, считал черняховские древности славянскими. Итоги изучения черняховской культуры предполагалось подвести в специальной археологической карте. Однако работа над ней была прервана Великой Отечественной войной и данные к карте удалось опубликовать лишь в 1948 г., уже после

гибели ее составителя И. Н. Луцкевича [51]. Это была первая специальная работа о черняховских памятниках Харьковщины, где сведены все известные данные о памятниках данной культуры, открытые и исследованные харьковскими археологами, в том числе и самим автором. Утерянные во время войны черняховские материалы пополнялись в 50-х—начале 60-х годов Б. П. Зайцевым, В. К. Михеевым, Б. А. Шрамко и др. Сведения о новых памятниках были частично опубликованы Б. А. Шрамко в монографии «Древности Северского Донца» [24, с. 256—262] и в 1964 г. бывшим тогда заведующим археологическим музеем Б. П. Зайцевым [52]. В ходе дальнейших разведок памятники черняховской культуры открывались неоднократно, но раскапывались лишь немногие из них. К последним следует отнести раскопанный Б. А. Шрамко могильник у с. Павлюковки, поселения Войтенки 1 и 2, а также селище Львяное, которые исследовал в 70-х годах А. Г. Дьяченко. Ю. В. Буйнов в связи с изучением бондарихинской культуры обнаружил и исследовал в 1978—1979 гг. отложения черняховской культуры у с. Родной Край, где вскрыл 3 трупосожжения в урнах и 2 труположения в ямах IV—нач. V вв. В 1980—1982 гг. аспирант Е. Н. Петренко продолжил раскопки в Родном Крае и обнаружил еще 9 погребений черняховской культуры. Накопленные материалы нуждаются в пристальном изучении и еще ждут своего пытливого исследователя.

Открытие раннесредневековых памятников пеньковского типа археологами университета относится к началу 50-х годов. В 1953 г. Б. А. Шрамко обнаружил у с. Задонецкое селище, которое он подверг небольшим раскопкам в 1969—1970 гг. В 1961 г. несколько пеньковских селищ зафиксировал В. К. Михеев на правом берегу Краснооскольского водохранилища. На территории Восточного Бельского городища Б. А. Шрамко обнаружил селище VI—VII вв. с керамикой пеньковского типа. На селище были раскопаны два полуземляночных жилища и хозяйственная яма. Найден обломок уникальной бронзовой фибулы с циркульным орнаментом и греческими буквами, а также железные изделия. Большие по масштабам раскопки были проведены В. К. Михеевым в 1976—1977 гг. на пеньковском селище VII в. у с. Сухая Гомольша, а в 1977, 1980 гг. — на селище Нижний Бишкин 1. В Сухой Гомольше исследованы остатки 4 полуземляночных жилищ [53].

Новые раскопки этого селища, проведенные Ю. В. Буйновым и А. К. Дегтярем в 1985 г., позволили вскрыть остатки еще двух полуземлянок. На протяжении целого ряда лет, начиная с 1974 г. А. Г. Дьяченко изучает селище Занки. Исследованы остатки нескольких жилищ и хозяйственных сооружений. Кроме того, он обнаружил ряд селищ пеньковской культуры: Оболонь 2 и 5, Плоское 3, Голубовка 3, Малая Даниловка. Ю. В. Буйнов при раскопках селища Студенок 5 на всей площади одного из раскопов нашел фрагменты пеньковских лепных горшков и сковородок, а также остатки металлургического производства: куски криц, обломки горнов, железные шлаки. На селище Студенок 6 иссле-

дователь зафиксировал отложения различных археологических культур, в том числе пеньковской. Кроме того, он обнаружил следующие поселения пеньковской культуры: Верхний Бишкин, Пролетарское, Черкасский Бишкин, Кицевка, Безлюдовка. В процессе раскопок поселения срубной культуры в урочище Таранцево у с. Тимченки С. И. Берестнев зафиксировал отложения пеньковской культуры, выявил остатки хозяйственных ям и остатки двух печей-каменок. На селище Zubovka, наряду с остатками культуры бронзового и раннего железного веков, он же зафиксировал отложения пеньковской культуры. В 1987 г. студент М. В. Любичев, работавший в составе Средневековой археологической экспедиции под руководством В. К. Михеева, произвел раскопки сезонной стоянки пеньковской культуры Раковка 1 — одного из самых ранних памятников этой культуры в бассейне Северского Донца. В 1988 г. М. В. Любичев изучал при помощи раскопок селище Соколово с отложениями пеньковской и салтовской культур.

Те ценные материалы по роменской и древнерусской культуре эпохи Киевской Руси, о которых упоминалось выше, стали накапливаться в Археологическом музее университета с 1951 г. в результате работ Б. А. Шрамко на средневековых городищах Харьковщины: Водяное, Коробовы Хутора, Мохнач и Донецкое. Интерес к этим памятникам был вызван выяснением очень важного вопроса о появлении славянского населения на лесостепном юго-востоке Восточной Европы, рядом с кочевниками. В связи с этим в 1951—1952 гг. были проведены разведочные раскопки раннеславянского поселения VIII—X вв. у с. Водяное. В 1980 г. результаты этих работ обобщил в специальной статье А. Г. Дьяченко [54, с. 86—93].

Важное значение имели раскопки Б. А. Шрамко на городище Коробовы Хутора в 1953—1954 гг. и 1970 г. Наряду со слоем скифского времени, здесь обнаружены отложения эпохи раннего средневековья, остатки жилищ и хозяйственных помещений, роменская и салтовская керамика, небольшой набор вещей этого времени (VIII—X вв.). Разрез вала в южной части городища выявил остатки сооружений трех строительных периодов, первый из которых относится к раннему железному веку. Относительно датировки двух других, как и об этнической принадлежности строителей городища в послескифский период, среди археологов нет единой точки зрения до сих пор. Наиболее полно материалы этого памятника опубликованы А. Г. Дьяченко [55, с. 97—106]. В 1953—1954 гг. проводились раскопки городища у с. Мохнач — сложного в планиграфическом и стратиграфическом отношениях памятника с фортификационными сооружениями раннего железного века и эпохи раннего средневековья (VIII—X вв.). Вопрос об этнической принадлежности населения этого памятника остается остродискуссионным до настоящего времени.

В 1955—1957 и 1959—1961 гг. объектом исследования экспедиции под руководством Б. А. Шрамко было Донецкое городище — древнерусский город Донец, сведения о котором сохранились в

русских летописных сводах и знаменитом «Слове о полку Игореве». В ходе исследований изучались оборонительные сооружения, почти полностью была раскопана укрепленная часть — детинец и значительная часть посада [24]. Богатейшие материалы этого памятника, как показали раскопки, относятся в основном к двум хронологическим этапам — VIII—X вв. и X—XIII вв. Они характеризуют соответственно раннеславянскую роменскую и древнерусскую культуры. Материалы Донецкого городища еще не заняли того места, которое принадлежит им по праву среди древностей восточных славян. Значительная их часть была использована в кандидатской диссертации А. Г. Дьяченко «Славянские памятники VIII—середины XIII вв. в бассейне Северского Донца». В ней обобщены результаты раскопок роменских и древнерусских поселений эпохи Киевской Руси в исследуемом регионе, делается попытка выяснить локальные особенности быта, хозяйства, социально-политической организации и этнического состава населения, характер и масштабы связей славян с носителями салтовской культуры и поздними кочевниками. К сожалению, единственный на Харьковщине древнерусский город эпизодически разрушается современными земляными работами, и охранные раскопки этого памятника, предпринятые, например, А. Г. Дьяченко в 1977 г., являются лишь слабым утешением того непоправимого урона, который наносится археологическим памятникам вообще и древнерусской культуре в частности.

Работы по исследованию памятников салтовской культуры VIII—X вв., прерванные с кончиной С. А. Семенова-Зусера, в широких масштабах были продолжены В. К. Михеевым. Свою научную работу он начал студентом во второй половине 50-х годов под руководством Б. А. Шрамко. Его первые научные интересы лежали в области изучения недавно открытой тогда бондарихинской культуры и ее связи с памятниками скифского времени, монументальной скульптуры поздних кочевников. Самостоятельные полевые исследования ученый начал после окончания университета в 1960 г., когда был оставлен лаборантом в Археологическом музее и возглавил Средневековую экспедицию университета. С этого времени В. К. Михеев проводит систематические разведки на территории Харьковской, Донецкой и Ворошиловградской областей, открыл целый ряд памятников от эпохи неолита до позднего средневековья. В центре этих исследований находятся памятники салтовской культуры. Первые раскопки были осуществлены в 1961 г. на грунтовом могильнике VIII—X вв. у с. Залиман, открытом Н. В. Сибилевым еще в 20-х годах. Раскопки показали, что могильник полностью уничтожен разработкой глины для местных нужд, а вещи из погребений разошлись среди жителей села, часть из которых экспедиции удалось собрать.

В дальнейшем (1963—1966, 1968, 1978 гг.) основным объектом исследования стал археологический комплекс у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. Уже первые раскопки этого памятника дали столь значительный в научном отношении материал, что

позволили на новых источниках поставить ранее слабо изученную проблему о хозяйстве населения салтовской культуры, которая и стала основным объектом изучения В. К. Михеева. В 1968 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Основные ремесленные производства болгаро-аланского населения Подонья в VIII—X вв.» и был оставлен в университете в качестве преподавателя кафедры древней истории и археологии. Основные выводы диссертации в кратком виде опубликованы в брошюре «Достижения ремесленников салтовской культуры» [56].

В ходе полевых исследований В. К. Михеевым были открыты, полностью или частично раскопаны такие памятники, значение которых трудно переоценить для средневековой археологии юга Восточной Европы. Особенно следует отметить раскопки городищ с так называемыми «земляными валами» в бассейне среднего течения Северского Донца. Раскопки в Маяках позволили установить, что поселение представляет сложный археологический комплекс. Основным типом жилищ здесь были наземные постройки, часть из которых представлена юртами с открытыми очагами. Найдены предметы салтовской культуры более 100 наименований. Одних изделий из черных металлов было обнаружено более 700 экземпляров не менее 80 наименований. Они представляют собой самую большую и лучшую в СССР коллекцию орудий труда сельского хозяйства, ремесленного производства, различных промыслов, а также бытовых предметов, значительно превышающую известную коллекцию из хазарского слоя Саркела. Часть этой коллекции была опубликована в специальной статье [57].

В свете полученных данных поселение Маяки в VIII—X вв. представляется как хорошо развитый земледельческий, торговый и ремесленный центр. Таким же центром салтовской культуры было Сидоровское городище, однако из-за сравнительно небольшого объема раскопочных работ, проведенных в 1971 г., вещественные остатки в количественном отношении представлены здесь слабее, чем на расположенном рядом поселении Маяки. Иной характер имело Теплинское поселение, исследованное в 1972 г. Материалы этого памятника характеризуют его как городище-убежище. В результате раскопок поселений с земляными валами впервые удалось установить, что городища этой группы в период своего функционирования были защищены деревянными стенами.

В 1969, 1973—1982 гг. Средневековая экспедиция под руководством В. К. Михеева исследовала Сухогомольшанский археологический комплекс и ряд поселений пеньковской и салтовской культур, расположенных рядом с ним. На городище выявлены каменные оборонительные сооружения и изучена их конструкция, а на селище обнаружены пеньковские, роменское и салтовские жилища. Но особенно ценную информацию принесли раскопки Сухогомольшанского могильника. Памятник был раскопан полностью, что в практике археологии встречается крайне редко, а для салтовской культуры является исключением. Определены границы и площадь могильника (5836 м²), его структура и общее

количество захоронений (320). В результате раскопок выявлен обряд захоронения (трупосожжения в урнах и ямах) и установлена датировка могильника (вторая половина VIII—начало XX вв.) [58]. Получен совершенно новый археологический материал для решения важных этнографических вопросов на юге нашей страны в эпоху раннего средневековья. Отношение Сухогомольшанского могильника к салтовской культуре определено вещевым инвентарем, а угорская этническая принадлежность установлена на основе коньковых подвесок [59] и антропологического материала [60].

Кроме могильника у с. Сухая Гомольша, В. К. Михеев исследовал такие могильники VIII—X вв., как Балаклейский и Старосалтовский. Следует отметить также участие средневековой экспедиции и практикантов исторического факультета под руководством В. К. Михеева в работах Советско-Венгерской экспедиции по исследованию Маяцкого археологического комплекса в 1975 г. Харьковский отряд этой международной экспедиции открыл и начал исследовать Маяцкий катакомбный могильник, раскопки которого продолжил *В. С. Флеров*.

Наиболее ценные научные результаты были получены во время раскопок Красногорского могильника, памятника чрезвычайно редкого и своеобразного для археологии юга Восточной Европы. Раскопки могильника были начаты в 1984 г. и продолжаются до настоящего времени. Вскрыто 130 погребений. Зафиксирован биритуальный обряд погребения: трупоположения и трупосожжения. Вещевой материал разнообразен и принадлежит различным категориям инвентаря: орудиям труда, украшениям, предметам туалета, вооружения, конскому снаряжению и пр. Как и материалы Сухогомольшанского могильника, красногорские дают важные сведения для изучения этнических процессов в эпоху раннего средневековья на юге Восточной Европы. Они наглядно показывают инфильтрацию в салтовскую культурную среду потомков досалтовского пеньковского населения окраинных степных и пограничных со Степью лесостепных районов, неславянского, по мнению В. К. Михеева, происхождения. Отдельные погребения или остатки разрушенных могильников VIII—X вв. типа Сухогомольшанского или Красногорского фиксировались археологами университета неоднократно, например, Д. И. Багалею — у с. Тополі, Б. А. Шрамко — у с. Пятницкое, Ю. В. Буйновым и А. В. Крыгановым — у с. Вербовка в урочище Лысый Горб и др.

Большое значение имели результаты раскопок на селище № 2 у Волчанского городища, проведенных В. К. Михеевым и Б. А. Шрамко в 1966 г. Здесь были обнаружены сильно ошлакованные остатки корпуса наземного металлургического горна для выплавки железа и стали, сделанного, как показал петрографический анализ, из огнеупорной глины [61]. Это открытие позволило по-новому подойти к этнокультурной принадлежности и датировке некоторых известных на юге Восточной Европы сырودутных горнов и установить различия между сооружениями этого назначе-

ния на территории лесостепного и степного вариантов салтовской культуры, что было важно не только для дальнейшего изучения местной металлургии, но и для решения более широкой проблемы, связанной с формированием и эволюцией остаточной схемы расселения носителей этой культуры. Новые раскопки металлургических горнов, проведенные отрядом Средневековой экспедиции (руководитель отряда В. В. Колода) в 1988 г. в с. Верхний Бишкин, дали дополнительные материалы для решения поставленной проблемы.

Содружество с металловедом Л. Д. Солнцевым, Л. Д. Фоминым, Р. Б. Степанской привело к решению проблемы о металлообработке черных металлов у населения салтовской культуры. Специальные статьи были посвящены классификации и технологии изготовления сельскохозяйственных орудий, ножей и отдельных видов оружия, где впервые на основе объективных данных показаны различные приемы и способы кузнечных работ [62].

Многолетние исследования В. К. Михеева в области изучения салтовской культуры были обобщены в монографии «Подонье в составе Хазарского каганата», в которой показаны экономические основы северо-западной Хазарии и дано описание хозяйственной деятельности ее населения: скотоводства и земледелия, различных ремесел и промыслов [63]. В 1986 г. В. К. Михеев защитил докторскую диссертацию «Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья (середина VIII—середина X вв.)».

Значительная часть материалов, полученных во время работ Средневековой экспедиции, была положена в основу кандидатской диссертации аспиранта А. В. Крыганова «Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VII—X вв.», защищенной в 1988 г. Этой тематике посвящен ряд его статей.

Большая работа, проведенная учеными университета по выявлению и регистрации местных памятников археологии, позволила подготовить первый справочник по археологии Украины [64] и значительную часть археологического раздела Свода памятников истории и культуры УССР, посвященного Харьковской области.

Список литературы: 1. *Каразин В. Н.* О древностях слободско-украинской губернии (1827 г.). Х., 1910. 2. *Его же.* Дополнение к статье о наших древностях, напечатанной в предыдущем номере (1839 г.). Х., 1910. 3. *Пассек В. В.* Курганы и городища Харьковской губернии // ЖМНП. 1837. Ч. 25, № 9. 4. *Срезневский И. И.* Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины со времени ее заселения до преобразования в Харьковскую губернию // Прибавление к Харьковским губернским ведомостям № 31. 1839. 12 авг. 5. *Срезневский И. И.* О городищах в землях славянских, преимущественно западных // 300 ИД. 1948. Т. 2, отд. 1. 6. *Ефименко П. С.* Кое-что о древностях Харьковской губернии // Харьковский сборник. Х., 1887. Вып. 1. 7. *Чириков Г. С.* О каменных бабах Харьковской губернии // Тр. Харьк. предварительного комитета по устройству XII АС. Х., 1902. Т. 1. 8. *Морозов Ю. И.* О городищах Харьковской губернии // Тр. Харьк. предварительного комитета по устройству XII АС. Х., 1902. Т. 1. 9. *Багалец Д. И.* Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии // Тр. XIII АС. М., 1907. Т. 1. 10. *Данилевич В. Е.* Карта монетных кладов и находок отдельных монет Харьковской гу-

бернии // Тр. XII АС. Т. 1. М., 1905. 11. Федоровский А. С. Доисторическое прошлое Харьковской губернии. Х., 1918; Шмидт Ф. И. О Тмутаракани // Изв. Таврич. ученой арх. комиссии. 1918. № 54. 12. Багалій Д. І. Оцінка наукових праць проф. В. Є. Данилевича // Записки іст.-філол. відділу Всеукраїнської АН. К., 1919. Кн. 1; Бузескул В. П. Рец. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 5—6. 13. Федоровский А. С. Доисторические разработки медных руд и металлургия бронзового века в Донецком бассейне // Воронеж. ист.-археол. вестн. 1921, вып. 2. 14. Фукс М. К. Про городища скіфської доби на Харківщині // Хроніка археології та мистецтва ВУАК. К., 1930. Ч. 1. 15. Potarov A. Inkrustierte Keramik von Belsk // ESA. Helsinki, 1929. IV. 16. Федоровський А. С. Майдани Харківщини та майданові теорії // ЗВУАК. 1930. Т. 1. 17. Його ж. Інструкції та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних. Х., 1927. 18. Семенов-Зусер С. А. Скіфи-кочівники на території Північного Причорномор'я // Наук. зап. Харк. держ. пед. ін-ту. 1939. Т. 1. 19. Равдоникас В. І. О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // Сообщения ГАИМК. 1932. № 5—6. 20. Луцкевич І. Н. Сарматські кургани в с. Нещеретове Ворошиловградської області // Археологія. 1952. Т. 7. 21. Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема в отечественной науке. Опыт историографии скифов. Х., 1947. Ч. 1. 22. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). К., 1987. 23. Його ж. Поселення скіфського часу в басейні Дінця // Археологія. К. 1962. Т. XIV. 24. Его же. Древности Северского Донца. Х., 1962. 25. Плетнева С. А. Рецензия // СА. 1964. № 3. Рец. на кн.: Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Х., 1962. 26. Šramko B. A. Der Hakenpflug der Bronzezeit in der Ukraine (A Bronze Age Ard in the Ukraine) // Tools and Tillage. Copenhagen, 1971. Vol. 1, N. 4. 27. Шрамко Б. А. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника (в связи с проблемой возникновения пашенного земледелия в Восточной Европе) // СА. 1961. № 1; Його ж. Про час появи орного землеробства на півдні Східної Європи // Археологія. 1972. № 7. 28. Его же. Археологія раннього залізного века Восточной Европы. Х., 1983. 29. Шрамко Б. А., Янушевич З. В. Культурные растения Скифии // СА. 1985. № 2. 30. Comité pour la sidérurgie ancienne. Les membres enregistrés jusqu'au 30 juin 1967 // Archeologie rozhledy. Praha, 1967. XIX. 6. 31. Петриченко О. М., Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомін А. С. Походження і техніка лиття бронзових казанів раннього залізного віку // Нариси з історії природознавства і техніки. К., 1970. Вип. 12. 32. Šramko B. A. Zur Frage über die Technik und die Bearbeitungszentren von Buntmetallen in der Früheisenzeit // Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa, 25—29 September 1970. Smolenice. ČSSR. Bratislava, 1974. 33. Шрамко Б. А. Обработка кожи в Скифии // Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1984. 34. Его же. История первобытного общества. Х., 1972. 35. Его же. Ф. Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. К., 1984. 36. Его же. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии // МИА. 1971. № 177. 37. Моруженко А. О. До питання про господарські споруди скіфської епохи // Вісн. Харк. ун-ту. 1966. № 17, вип. 1. 38. Моруженко А. О. Городища скіфського часу на території лісостепу Східної Європи // Вісн. Харк. ун-ту. 1969. № 35, вип. 3. 39. Андрієнко В. П. Основні культові обряди та споруди у племен лісостепової Скіфії (VII—V ст. до н. е.) // Вісн. Харк. ун-ту. 1974. № 104, вип. 8. 40. Бойко Ю. Н. Системный подход к изучению общественного развития населения днепровского лесостепного Левобережья в VII—III вв. до н. э. // Вестн. Харьк. ун-та. 1985. № 268. 41. Радзівєвська В. Е. Курганы VI в. до н. э. у пос. Коломак на Харьковщине // СА. 1985. № 1. 42. Радзівєвська В. Е. Обработка кісток та рогу в лісостеповій Скіфії // Археологія. 1981. № 41; Его же. Новые находки предметов скифского звериного стиля // СА. 1979. № 4. 43. Шрамко Б. А. Новые памятники предскифского времени на Сев. Донце // КСИИМК. 1957. Вып. 67. 44. Ильинская В. А. Бондарихинская культура бронзового века // СА. 1961. № 1. 45. Шрамко Б. А. Походження племен раннього залізного віку на території лісостепового Лівобережжя України // ПІН СРСР. Х., 1972. Вип. 14. 46. Его же. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. К., 1984. 47. Буйнов Ю. В.

Про господарство племен бондарихинської культури // Вісн. Харк. ун-ту. 1980. Вип. 12. 48. *Його ж.* Поселення бондарихинської культури // Вісн. Харк. ун-ту. 1979. Вип. 11. 49. *Берестнев С. И.* О погребениях предскифского периода в левобережной Лесостепи Украины // Проблемы археологии Поднепровья. Днепрпетровск, 1985. № 2. 50. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Припять в V—I тыс. до н. э. Симферополь, 1969; *Іх же.* Пам'ятки античного часу на березі Каркінітської затоки // Археологія. 1974. № 13. 51. *Луцкевич І. Н.* Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області // Археологія. 1948. Т. 2. 52. *Зайцев Б. П.* Новые материалы черняховской культуры бассейна Северского Донца и Псла // МИА. 1964. № 116. 53. *Михеев В. К., Приходнюк О. М.* Пеньковское поселение Сухая Гомольша // Археологія. К., 1985. № 54. 54. *Дяченко О. Г.* Ранньослов'янське поселення VIII—X ст. на городищі поблизу с. Водяне // Вісн. Харк. ун-ту. 1980. № 201, вип. 12. 55. *Його ж.* Городище Коробові Хутори і його місце серед ранньосередньовічних пам'яток басейну Сіверського Дінця // Вісн. Харк. ун-ту. 1979. № 182, вип. 11. 56. *Михеев В. К.* Достижения ремесленников салтовской культуры. X., 1968. 57. *Його ж.* До питання про ремісничі виробництва салтівської культури // Вісн. Харк. ун-ту. 1967. № 22, вип. 2. 58. *Его же.* Сухомольшанский могильник // СА. 1986. № 3. 59. *Его же.* Коньковые подвески могильников Сухая Гомольша // СА. 1982. № 2. 60. *Malinowski A., Michejew W.* Suchogomolszański Zespół osadniczy w świetle danych archeologii i antropologii // Zrödla do badań biologii i historii populacji słowiańskich. Poznan, 1981. 61. *Шрамко Б. А., Михеев В. К.* До питання про виробництво заліза у болгаро-аланських племен салтівської культури // Вісн. Харк. ун-ту. 1969. № 35, вип. 3. 62. *Михеев В. К., Степанська Р. Б., Фомін А. Д.* Зброя салтівської культури та її виробництво (списи) // ПІН СРСР. 1967. Вип. 4; *Іх же.* Ножі салтівської культури та їх виробництво // Археологія. 1973. Вип. 9; *Михеев В. К.* Техника и технология изготовления сельскохозяйственных орудий салтовской культуры // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. 63. *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. 1985. 64. *Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П.* Справочник по археологии Украины. Харьковская область. К., 1977.

Поступила в редколлегию 18.11.89

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС	— Археологический съезд
ВДИ	— Вестник древней истории
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗВУАК	— Записки Всеукраїнського археологічного комітету
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ПІН	— Питання історії народів СРСР
АС	— Советская археология
СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
Тр. ... АС	— Труды ... Археологического съезда
УІЖ	— Український історичний журнал
ESA	— Eurasia Septentrionalis antiqua

КАПЛИН А. Д., канд. ист. наук,
КУДЕЛКО С. М., канд. ист. наук,
ШЕРМАН И. Л., д-р. ист. наук

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Историографические и источниковедческие сюжеты по отечественной и всеобщей истории стали разрабатываться в Харьковском университете в первой четверти XIX в. Уже первые преподаватели университета, безусловно, интересовались историографическими проблемами, о чем говорят названия читанных ими курсов и спецкурсов. Так, адъюнкт А. Г. Рейниш с момента основания университета читал спецкурсы о способе преподавания истории, о «происхождении и истинном знаменовании важнейших баснословных повествований» [1, с. 22], ввел в преподавание историческую пропедевтику, критический анализ мифов древности [2, с. 61]. Профессор А. А. Дюгур (А. А. Дегуров) в 1810/11 учебном году одному из своих спецкурсов предпосылал «науку о критике истории». В 1812/13 г. был назначен и отдельный спецкурс — критика истории, о разных способах читать историю, о словесности лучших историков [1, с. 22].

Об интересе к историографическим проблемам свидетельствуют речь талантливой историка профессора Г. П. Успенского (1814 г.) «О древностях и достоинствах законов Российских», его фундаментальный труд «Опыт повествования о древностях русских», сочинения А. Попова о донском войске, спецкурсы Б. О. Рейта, А. Г. Рейниша, А. А. Дегурова по хронологии, всеобщей статистике, нумизматике, лекции профессора Е. М. Филомафитского об «особенностях древних и новых историков» [2, с. 61], магистерская диссертация П. П. Гулака-Артемовского «О пользе истории вообще и преимущественно отечественной и о способе преподавания последней» [1, с. 320].

В 1833 г. В. Ф. Цыхом была защищена магистерская диссертация «О способе преподавания истории (издана в 1835 г.), а в конце 30-х гг. XIX в. появляется уже целый ряд источниковедческих и историографических исследований [3]. В 1843 г. вышло исследование Н. И. Костомарова «Об историческом значении русской народной поэзии» [4]. Расширилось и преподавание вспомогательных исторических дисциплин. Так, на 1831/32 г. был внесен в расписание курс антропологии, который, правда, был заменен курсом психологии [1, с. 281]. Дважды издавались лекции и руководства по статистике А. П. Рославского-Петровского (1841 и 1844 гг.). Углубление историографического интереса связано с именем М. М. Лунина. Еще в 1836 г. М. М. Лунин произнес публичную речь «О влиянии Вальтера Скотта на новейшие изыскания по части Средней истории» [5, с. 30].

Таким образом, уже в первые сорок лет существования университета историки проявляли значительный интерес к историографическим и источниковедческим изысканиям. К этому времени определились основные направления приложения сил: преподавание (курсы и спецкурсы); научная деятельность (диссертации, актовые речи, в которых апробировались важные положения). Необходимо подчеркнуть, что здесь проявили себя специалисты как по всеобщей, так и по отечественной истории. Особая заслуга последних заключается в изучении и введении в научный оборот большого массива разнообразных источников по Левобережной и особенно Слободской Украине.

В 50—60-е гг. XIX в. были опубликованы спецкурсы и лекции А. П. Рославского-Петровского, А. П. Зеркина, П. П. Гулака-Артемовского по разбору источников и их значения [1, с. 87]. В 1858 г. появляются историко-статистические заметки о Харьковском университете от основания до 1859 г., составленные при содействии профессоров университета.

Наиболее плодотворно велись исследования в области историографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в 60-е годы [6]. В 1867 г. в Харькове была издана историографическая лекция приват-доцента В. С. Иконникова, впоследствии крупнейшего историографа России, вскоре пе-

реехавшего из Харькова в Киев, а в 1870 г. Г. Ф. Карповым была защищена докторская диссертация «Критический обзор разработки главных русских источников по истории Малороссии, относящихся с 1654 до 1672 г.» [7].

Развитие исторической науки в Харьковском университете в последние десятилетия XIX в. связано с именами таких крупнейших историков, как Д. И. Багалей, В. П. Бузескул, М. С. Дринов. Об их научной деятельности написаны диссертации, монографии, десятки статей. Мы, в свою очередь, подчеркнем, что в научной деятельности этих выдающихся ученых нам видится достойный образец высокопрофессиональных историографических и источниковедческих исследований. В частности, Д. И. Багалей издал фундаментальный труд по истории нашего университета [8]. Он проделал огромную работу по систематизации разнообразных источников, где главное место занимает разработка истории Слободской Украины. Им написано большое количество рецензий с подробным разбором книг и статей как харьковских коллег, так и ученых из других городов. Д. И. Багалей читал курс по историографии, а также по «элементарной методике истории». Его «Русская историография» была литографирована в Харькове в 1911 г. Историографию Д. И. Багалей понимал в целом как обзор исторических источников и исторической литературы. Думается, что несколько негативная оценка Д. И. Багалей-историографа в литературе последнего десятилетия [9, с. 125, 126, 163—165 и др.] не совсем оправдана. В ряду крупнейших историков, занимающихся историографией во второй половине XIX в.—нач. XX в. (И. В. Лашинков, К. Н. Бестужев-Рюмин и др.), Д. И. Багалей занимает свое достойное место. Он проделал ту работу, которую в то время кроме него не мог сделать никто.

Если же говорить о В. П. Бузескуле, то, безусловно, в конце XIX—нач. XX вв. это был один из крупнейших историков и источниковедов России по древней истории. Достаточно назвать его капитальный труд «Введение в историю Греции. Обзор источников» [10]. В самых различных историографических жанрах проявил себя и М. С. Дринов [11]. В то же время это был и прекрасный историк-исследователь, перу которого принадлежит большое число работ по славистике и вспомогательным историческим дисциплинам.

Нельзя не сказать и о том, что целый ряд работ историографического и источниковедческого характера был опубликован в «Записках...» Харьковского университета, особенно в 90-е—900 гг., а также в местной периодической печати [12].

За исключением упоминаемой «Русской историографии» Д. И. Багалей (1911 г.) в Харьковском университете в этот период не было создано других крупных собственно историографических исследований (мы в данном случае не берем во внимание историю университета и другие историографические жанры.—Авт.). Однако такое отсутствие отнюдь не следует рассматривать как регресс, упадок, кризис этой отрасли, как, впрочем, и собственно всей исторической науки. Дело в том, что историки ни одного из тогдашних направлений почти не оставили работ, которые содержали бы обстоятельный и глубокий анализ современной исторической науки. И вовсе не было трудов с анализом важнейших черт, присущих русской историографии того времени [13, с. 4].

Подводя итоги изучению историографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в Харьковском университете до Великой Октябрьской социалистической революции, необходимо сказать, что в университете был накоплен большой опыт преподавания этих дисциплин с самого его основания. Одна из основных тем, которой интересовались как первые преподаватели-иностранцы, так и наши соотечественники, а в дальнейшем и воспитанники университета,—это методика преподавания истории. Особое внимание уделялось выявлению, исследованию и изданию источников по Слободской Украине, сохранению памятников старины, а если говорить о всеобщей истории, то изучению Греции, Византии, западной историографии; большое развитие получила славистика: она изучалась особенно интенсивно и поэтому тема заслуживала отдельного разговора. В данном случае мы только подчеркиваем важность сделанного и отмечаем заслуги одного выдающегося историка—М. С. Дринова в кругу целой плеяды замечательных ученых.

В силу ряда причин Харьковский университет не имел «чистого», так сказать, специалиста по историографии, который бы в его стенах написал фунда-

ментальные историографические работы. Однако то, что сделано Д. И. Бага-лем, В. П. Бузескулом, М. С. Дриновым и другими историками, по праву вошло в сокровищницу дооктябрьской отечественной исторической науки.

Первые советские историографические работы и исследования в области источниковедения появились в 20-х гг. В это время, с одной стороны, продолжая свою научную деятельность историки, чье мировоззрение сложилось до Великой Октябрьской социалистической революции, а с другой — появляются советские историки-марксисты, стремящиеся с новых позиций обобщать и давать оценку проделанной в предшествующий период работе буржуазных и дворянских историков. Еще большее значение имело создание фундамента для исследований в области истории советского общества, сбор материалов, относящихся к событиям революционной эпохи начала XX в. и истории классовой борьбы в России. Столичное положение Харькова создавало для этого необходимые условия: здесь был организован первый на Украине Истпарт (1921 г.), на который была возложена задача по сбору и систематизации источников по истории революционного движения на Украине и истории КП(б)У. В 1922 г. был основан институт марксизма. Таким образом, Харьков превратился в ведущий центр марксистской исторической мысли на Украине. В Харькове были сосредоточены лучшие на то время в республике силы в области архивоведения, музееведения и краеведения. Здесь же помещались головные учреждения науки: Главарх (Главное архивное управление при Наркомпросе), выходили журналы «Летопись революции», «Радянський архів», активно действовали отделения общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Принимались меры по поддержанию сети сложившихся в дореволюционный период музеев: археологического, Слободской Украины, церковно-исторического, художественно-исторического, собрания нумизматического кабинета университета и др. Музеи и архивы Харькова являлись хорошей базой для развития соответствующих исследований в области источниковедения, краеведения и музееведения, в них, как правило, работали старые специалисты.

В результате реформы народного образования на Украине, которая была призвана создать новую структуру высшей школы республики, Харьковский университет в 1920 г. был закрыт. В учебных и научно-исследовательских заведениях, созданных на базе ХГУ, историографическими и источниковедческими студиями занимались, как правило, представители старой профессуры (Д. И. Бага-лей, Ф. И. Шмит и др.). Следует отметить, что в трудах многих представителей старой науки намечилось некоторое сближение с марксистской историогра-фией.

В 1933 г. СНК УССР принял Постановление «Об организации на Украине го-сударственных университетов», и с 1 сентября начались занятия в Харьковском университете. Историографические и источниковедческие исследования в это время сосредоточились в основном на кафедре истории СССР и УССР исторического факультета. С 1939 г. после долгого перерыва возобновилось издание «Ученых записок исторического факультета». Из работ, которые опубликованы в предвоенные годы, обращают на себя внимание юбилейные «Краткие очерки истории Харьковского государственного университета им. А. М. Горького» (1940). И. Д. Бойко и С. М. Короливский предприняли одну из первых попыток дать оценку развития исторической науки в Харьковском университете. К этой теме один из авторов — С. М. Короливский вернулся в своей кандидатской диссертации «Харківський державний університет за років Радянської влади (1917—1940)» (1944 г.). В предвоенные годы в условиях культа личности И. В. Сталина историческая наука не имела возможностей для свободного развития. До конца 50-х годов источниковедческие сюжеты в исследованиях университетских историков явно превосходили по числу историографические. Но и те и другие были довольно редким явлением в трудах ученых исторического факультета.

После XX съезда КПСС на основе общего подъема советской исторической науки завершается становление историографии как особой отрасли исторической науки. В особую отрасль выделяется также и источниковедение.

Важной вехой в развитии рассматриваемых нами исторических дисциплин в Харьковском университете явилось создание в 1964 г. кафедры историографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, которую возглавил проф. В. И. Астахов. В этот период активизировалась разработка историо-

графических и источниковедческих сюжетов на кафедрах истории СССР и истории Украины.

За прошедшую четверть века историографы и источниковеды Харьковского университета внесли значительный вклад в советскую историческую науку. Об этом свидетельствуют монографии, учебные пособия, многочисленные статьи и другая научная и учебно-методическая продукция.

Созданию кафедры историографии, источниковедения и вспомогательных дисциплин предшествовало появление в университете высококвалифицированных историографов и источниковедов — В. И. Астахова и И. Л. Шермана. Еще до образования кафедры, в 1959 г., увидело свет учебное пособие И. Л. Шермана «Русские исторические источники X—XVIII вв.», получившее высокую оценку научной общественности и на протяжении ряда лет, наряду с учебником академика М. Н. Тихомирова, бывшее основным пособием по источниковедению для студентов университетов и педагогических вузов. В том же году была опубликована первая часть курса лекций по русской историографии В. И. Астахова (вторая часть опубликована в 1962 г. Значительно переработанное новое издание курса вышло в 1965 г.). В 1976 г. в Харькове вышло ротационное издание учебного пособия И. Л. Шермана, С. Ф. Найдю и В. Ю. Гриценко «Советская историография истории СССР». Таким образом, студенты Харьковского университета в значительной мере были обеспечены учебными пособиями по историографии и источниковедению, созданными преподавателями факультета.

Курс историографии истории СССР на историческом факультете читали проф. В. И. Астахов, проф. И. Л. Шерман, доц. Ю. И. Журавский, канд. ист. наук С. М. Куделко, курс источниковедения отечественной истории — проф. И. Л. Шерман, доц. Б. П. Зайцев, канд. ист. наук С. М. Куделко, канд. ист. наук А. Д. Каплин. Параллельно с основными курсами разработан ряд общих и специальных курсов по вспомогательным и смежным историческим дисциплинам (архивоведение, нумизматика, музееведение, историческая библиография, историческая хронология, историческая география, эмблематика, краеведение и др.). Все эти курсы были в основном хорошо обеспечены методической литературой: пособиями, библиографическими справочниками, методическими указаниями и т. д., подготовленными сотрудниками кафедры.

Наряду с преподавательской деятельностью самая молодая кафедра на историческом факультете развернула активную исследовательскую работу, прежде всего в области историографии.

Здесь обращает на себя внимание вклад ученых кафедры в историографическую ленинскую. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина В. И. Астахов и И. Л. Шерман издали монографию «В. И. Ленин — историк советского общества» (Х., 1969), которая явилась одним из первых фундаментальных исследований в этой области. В работе были рассмотрены важные методологические вопросы ленинского идейно-теоретического наследия. В 1970 г. Ю. И. Журавский защитил кандидатскую диссертацию на тему «В. И. Ленин — вожь Великого Октября в советской историографии 1917—1927 годов». В последующие годы Ю. И. Журавский выступил с серией статей, которые позволили обобщить значительный историографический материал по проблеме. Изучение ленинского теоретического наследия — важнейшее направление в исследовательской работе сотрудников кафедры в 60—70-е годы.

Второй крупной проблемой, которую традиционно разрабатывают ученые факультета, является историография Великого Октября и гражданской войны. Наиболее крупным достижением здесь следует признать монографию И. Л. Шермана «Советская историография гражданской войны в СССР (1920—1931 гг.)», которая была опубликована в 1964 г.

Историографические вопросы Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР исследовались также И. К. Рыбалкой, Ю. И. Журавским, А. Д. Каплиным, В. Г. Пикаловым. Так, например, И. К. Рыбалка выступил одним из соавторов фундаментального труда «Историография истории Украинской ССР» (К., 1987) и коллективной монографии «Историография Великой Октябрьской социалистической революции на Украине» (К., 1987). М. З. Бердута защитил кандидатскую диссертацию, в которой рассматриваются вопросы Брестского мира в советской историографии [14]. Большинство из отмеченных нами авторов сосредоточило свое внимание на историографии событий

Октября и гражданской войны на Украине. И. Л. Шерману и И. К. Рыбалке принадлежат одни из первых обобщающих статей по этой проблематике. Темой диссертационного исследования и ряда статей М. А. Малиновского стало историографическое обобщение советской исторической литературы, посвященной проблеме образования СССР [15]. Сотрудники факультета приняли активное участие в издании важных археографических сборников по истории первых лет Советской власти на Украине [16].

Определенный вклад ученые факультета внесли в историографию истории социалистического строительства. В работах В. И. Бутенко исследовались в историографическом плане социалистические преобразования в украинском селе [17], а в статьях и в кандидатской диссертации С. М. Куделко была проанализирована на материалах промышленности современная историография проблемы создания материально-технической базы социализма в СССР [18]. Ю. И. Журавский, А. Ф. Реприццев, Л. Я. Андреев, Е. Г. Синкевич исследовали отдельные важные стороны истории советского общества в отечественной историографии. И. Л. Шерману и Б. П. Зайцеву принадлежат изыскания в области историографии и источниковедения Великой Отечественной войны [19]. Исследованию исторических взглядов Д. И. Багалея посвящены статьи и кандидатская диссертация В. В. Кравченко [20].

Заметный вклад в развитие источниковедения отечественной истории на факультете внесли М. А. Литвиненко, В. Н. Довгопол и Б. П. Зайцев. М. А. Литвиненко и В. Н. Довгопол выступили соавторами учебного пособия «Джерелознавство історії Української РСР» (К., 1986). М. А. Литвиненко принадлежат работы по источниковедению истории Украины эпохи феодализма, среди последних особо следует отметить монографию «Источники истории Украины XVIII в.» (Х., 1970).

Развитие некоторых вспомогательных исторических дисциплин связано с научной деятельностью Б. П. Зайцева. Он одним из первых на Украине исследовал зарождение и развитие советской эмблематики. В 1969 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Эмблематика Советской Украины».

Важные источниковедческие наблюдения и выводы содержатся также в трудах профессоров В. И. Астахова, П. И. Гарчева, С. М. Корольковского, А. Е. Кучера, Б. К. Мигалы, И. К. Рыбалки, А. Г. Слюсарского, К. К. Шияна, в работах других сотрудников факультета.

Таким образом, исследование ученых исторического (до 1917 года — историко-филологического) факультета в области историографии и источниковедения имеют давние традиции и посвящены фундаментальным проблемам истории исторической науки и некоторым важным вопросам источниковедения. Основная часть этих исследований выполнена за последнюю четверть века на кафедре историографии, источниковедения и археологии, где сформировался высококвалифицированный коллектив специалистов и существует долговременная программа развития научных исследований. Эта программа отнесена Минвузом УССР к числу важнейших. Конечно, в работах по историографии и источниковедению сотрудников факультета имеются недостатки и проделы, свойственные всей советской исторической науке периода зстоя и, в частности, в освещении истории социалистического строительства в 60-е—80-е гг. Однако есть основания считать, что коллектив преподавателей и сотрудников факультета не только продолжит изучение проблем, уже ставших традиционными, но и углубит исследование новых направлений отечественной историографии.

Список литературы: 1. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905). Х., 1908. 2. Бага-лей Д. И., Сумцов Н. Ф., Бузескул В. П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Х., 1906. 3. Цых В. Решение вопроса: По причине беспрестанного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки... Рассужд. для получения степ. магистра по части историч. наук. Х., 1833. 4. Костомаров Н. И. Об историческом значении русской народной поэзии. Х., 1843. 5. Указатель книг и брошюр, напечатанных в Харькове с 1805 по 1879 год // Харьк. сб. 1890. Вып. 4. 6. Зернин А. Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного. Х., 1858. Вып. 1. 7. Карпов Г. Ф. Критический обзор разра-

ботки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8 янв. 1654—30 мая 1672 г. М., 1870; Иконников В. С. Очерк разработки русской истории в XVIII веке: Лекция... Х., 1867. 8. Багалеи Д. И. Опыт истории Харьковского университета: По неизданным материалам. Х., 1893, 1898. Т. 1—2. 9. Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. 10. Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Обзор источников. Х., 1900—1903. 11. Марин Степанович Дринов — профессор Харьковского университета. Библиографический указатель работ на русском языке. Х., 1985. 12. Указатель книг и брошюр, напечатанных в Харькове с 1805 по 1879 год // Харьк. сб. 1890. Вып. 4. 13. Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историограф. очерки. М., 1986. 14. Бердуга М. З. Брестский мир в советской историографии (1918—1968 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Х., 1972. 15. Малиновский М. А. Образование СССР в советской историографии (1922—1971): Дис. ... канд. ист. наук. Х., 1974. 16. Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Февраль 1917—апрель 1918: Сб. док. и материалов. В 3 т. К., 1957; *Історія колективізації сільського господарства Української РСР*: 36. док. і матеріалів. У 3 т. К., 1962—1971; *Харьковщина* в период гражданской войны и иностранной военной интервенции. 1918—1920 гг.: Сб. док. и материалов. Х., 1973; *Харьков* и Харьковская губерния в Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. док. и материалов. Х., 1957. 17. Бутенко В. И. Колгоспне будівництво на Україні в 1917—1929 роках в радянській історіографії: Дис. ... канд. іст. наук. Х., 1971. 18. Куделко С. М. Построение материально-технической базы социализма в СССР (промышленное производство): современная советская историография: Дис. ... канд. ист. наук. Х., 1987. 19. Гриценко В. И., Найда С. Ф., Шерман И. Л. Сражения первого периода Великой Отечественной войны в советской историографии (2-я пол. 50-х—1-я пол. 70-х гг.). Х., 1976. 20. Кравченко В. В. Д. И. Багалеи и его вклад в изучение отечественной истории: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 1986.

Поступила в редколлегию 15.11.88

СОДЕРЖАНИЕ

Журавский Ю. И., Зайцев Б. П., Мигаль Б. К. Исторический факультет Харьковского университета: очерк истории	3
Кравченко В. В., Литвинова В. П. Изучение отечественной истории в Харьковском университете в дооктябрьский период (1805—1917 гг.)	24
Бердута М. З., Булах В. И. Исследование отечественной истории в Харьковском университете за годы Советской власти	37
Кадеев В. И., Латышева В. А., Мещеряков В. Ф., Сергеев И. П. Древняя история и античная археология в Харьковском университете (1805—1990 гг.)	50
Митряев А. И., Голубкин Ю. А., Лиман С. И. Медиевистика в Харьковском университете	69
Козлигин В. Д., Кунденко С. П., Пахомов В. Ф., Страцинюк С. Ю., Чувило А. А. Изучение новой и новейшей истории зарубежных стран в Харьковском университете (1805—1990 гг.)	83
Михеев В. К., Шрамко Б. А. Вклад ученых Харьковского университета в развитие археологии (1805—1990 гг.)	104
Каплин А. Д., Куделко С. М., Шерман И. Л. Историографические и источниковедческие исследования в Харьковском университете	131

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЕСТНИК

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 357

Историческая наука в Харьковском университете
(К 185-летию ХГУ)

Выпуск 24

Редактор И. К. Раузова

Художественный редактор Т. П. Короленко

Технический редактор Г. П. Александрова

Корректор М. Ф. Христенко

ОИБ № 13752

Сдано в набор 01.03.90. Подписано в печать 28.02.91. Формат 60×90/16. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,5. Усл. кр.-отт. 8,75. Уч.-изд. л. 10. Тираж 500 экз. Изд. № 1843. Заказ № 140. Цена 2 р. Заказное.

Издательство «Основа» при Харьковском государственном университете. 310003, Харьков, ул. Университетская, 16.

Набор изготовлен в Днепропетровской областной книжной типографии, 320091, Днепропетровск, ул. Горького, 20.

Отпечатано в Харьковской городской типографии № 16. 310003 Харьков, ул. Университетская, 16. Зак. 665.